

УС(Кэлм)

В-748

52.362-

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ КАЛМЫЦКОЙ АССР

**ВОПРОСЫ
ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ**

Калмыцкий научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики при Совете
Министров Калмыцкой АССР

ВОПРОСЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

- 52302 -

Научная библиотека
КИГИ РАН

Элиста. 1980.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета КНИИ ИФЭ

Редакционная коллегия:

Биткеев П.Д. /ответ. редактор/,
Босхаева Н.Б., Омадыкова Н.С.,
Чуматов В.О.

Сборник содержит статьи, которые освещают различные вопросы грамматики, лексики, фонетики, письменности монгольских языков.

Книга рассчитана на монголистов, студентов, специалистов по монголоведению, калмыковедению и бурятоведению, а также широкий круг читателей, интересующихся вопросами монголистики.

©

Научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики при
Совете Министров Калмыцкой АССР

ФУНКЦИИ СОЕДИНИТЕЛЬНОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ
В КЛАССИЧЕСКОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Деепричастие - одна из самых распространенных глагольных форм в монгольских языках. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм /повелительно-желательных, изъявительных, причастных/.

В предложениях деепричастия образуют различные по содержанию деепричастные обороты, участвуют в образовании аналитических глагольных форм, служащих для выражения видо-временных и модальных значений.

Деепричастия объединяются общим признаком формальной неизменяемости. Будучи образованными от глагольных основ посредством деепричастных суффиксов-окончаний, деепричастия предстают как законченные, далее неизменяемые глагольные формы слова /исключение представляют только суффиксы личного и возвратного притяжений, которые могут следовать после ряда деепричастий II-й группы/.

В отличие от изъявительных и причастных глагольных форм деепричастия являются формой "незаконченной предикации", так как сами по себе они не способны выразить отношение действия к моменту речи, а следовательно, время совершения обозначенного ими действия зависит от времени заключительной глагольной формы, т.е. от собственно предикативных глагольных форм. Не имея категории времени, самостоятельного временного значения, деепричастия в этом отношении зависят от управляющих глаголов /II, 228; 5,474/. Однако, не обладая категорией времени, деепричастия обладают относительным временным значением. Они выражают время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени заключительного глагольного сказуемого. Выражение относительного глагольного времени - общий признак деепричастий. Этот факт отмечается многими исследователями разных языков/8, 138-139; 12, 175; 4, 187; II, 228; 13, 36/.

Итак, если в собственно предикативных, назывательных глагольных формах временные значения находятся в прямом отношении с моментом высказывания, то в деепричастных эти отношения всегда опосредствованы через значение заключительного глагола-сказуемого.

Это, однако, не значит, что временные значения деепричастных форм всегда совпадают с таковыми заключительного глагольного сказуемого. Они могут быть и нередко оказываются равными. В зависимости от формы деепричастия, семантики его глагольной основы, а также семантики глагола, к которому деепричастие относится, характер совершения выраженного деепричастием действия бывает различным по отношению к действию заключительного глагола: это действие может предшествовать, быть синхронным или следовать после действия глагола, к которому относится деепричастие.

Как глагольная форма, деепричастие обладает и другими глагольными категориями, такими как вид, модальность. Однако подобно временным значениям эти значения не выражены в самих деепричастных формах, а оказываются всегда опосредствованными и зависимыми либо от вспомогательного глагола, либо от заключительного глагола-сказуемого /12, 300-301/.^{1/} Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия и служебного глагола-модификатора, служат для передачи способа и характера протекания действия. При этом в роли служебного глагола-модификатора часто выступают полнозначные глаголы с той или иной степенью утраты своего вещественного значения. В таких конструкциях деепричастная форма несет основное лексическое значение. Глагол же - модификатор, утрачивая полностью или частично свое вещественное значение, грамматикализуется и вся конструкция предстает как нечленимое единство, передающее грамматическое значение всего комплекса.

^{1/}Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, что в монгольских языках сама деепричастная форма, т.е. деепричастные аффиксы, например, =а /соединительное деепричастие/, =аад /разделительное деепричастие/ и др. выражают категорию вида /14, 66, 87/. Мы придерживаемся той точки зрения, что видо-вые значения передаются этими деепричастиями в сочетании с вспомогательными глаголами и глагольными связками.

По своему происхождению, структуре и семантике деепричастные формы не однородны и поэтому обычно подразделяются на группы.

В монголистике существует деление деепричастий на: I – сопутствующие и II – обстоятельственные. Считается, что сопутствующие деепричастия /соединительное, слитное, раздельное/ "сопутствуют действиям управляющих глаголов", а обстоятельственные /условное, уступительное, целевое, продолжительное и др./ указывают на обстоятельства, "при которых совершаются действия тех же управляющих глаголов" /Ю, 77; II, 227; З, 272; I, 215, 222/. Однако, если название "обстоятельственные" в какой-то мере отражает значение и функции этой группы деепричастий, то название "сопутствующие" вряд ли соответствует всему многообразию значений деепричастий первой группы, так как в предложениях они обозначают не только действия добавочные, сопутствующие, предворяющие или дополняющие главное действие, обозначенное заключительной глагольной формой, но и действия вполне самостоятельные и независимые, не являющиеся сопутствующими главному. Поэтому целесообразнее называть их деепричастия I-ой и деепричастия II-ой группы. Между деепричастиями этих двух групп имеются существенные различия.

Деепричастия I-ой группы более "глагольны" по своему значению. Это ярковыраженные глагольные формы, обозначающие, в основном, действия, связанные с другими действиями, тогда как деепричастия II-ой группы имеют более "именной" характер, обладая некоторыми признаками причастий, доказательством чему может служить способность многих из них принимать после себя суффиксы личного и возвратного притяжений, что абсолютно исключено для деепричастий I-ой группы. Деепричастия II-ой группы в большинстве случаев имеют обстоятельственные значения времени, цели, образа действия и т.п.

Памятники монгольской письменности XIII–XIV вв. свидетельствуют, что деепричастия I-ой группы употребляются там как уже вполне сформировавшаяся категория слов, сохранившаяся в том же виде и в современных монгольских языках, хотя отсутствие более ранних письменных монгольских памятников не дает

возможности определить время их появления в языке и установить о полной определенности, к каким грамматическим формам они восходят.

Что же касается деепричастий II-ой группы, то те же памятники свидетельствуют, что далеко не все деепричастия этой группы употреблялись в древности, а то, что структура суффиксов некоторых из них весьма прозрачна, как например: суффикс уступительного деепричастия =ba²ci из ba = /изъявительная форма глагола настоящего времени/ +ci /усилительная частица/ или продолжительного =yasaug из =yca /усеченная форма причастия прошедшего времени/ + =yag /окончание орудного падежа/ говорит о том, что природа и пути образования этих деепричастий иные, по сравнению с деепричастиями I-ой группы.

Следует отметить, что некоторые деепричастия II-ой группы, имеющиеся в современных монгольских языках, отсутствовали в древнем и классическом монгольском /например, деепричастия на =нгаа и =нгуут и др./, что свидетельствует об их более позднем появлении в языке и о том, что разряд деепричастий II-ой группы не так стабилен, как I-ой группы.

Обладая большей долей глагольности, деепричастия I-ой группы в сочетании со служебными или вспомогательными глаголами выступают в предложении в качестве заключительного глагольного сказуемого, тогда как деепричастия II-ой группы /за небольшим исключением/ такой способностью не обладают.

Наблюдения над деепричастиями I-ой группы показывают, что в ряде случаев действия, выражаемые ими, не являются ни добавочными, ни второстепенными по отношению к какому-либо другому действию, что они вполне равноценны с действием, обозначенным в заключительной глагольной форме. В связи с этим вполне справедливо замечание исследователя удмуртских деепричастий П.Н.Перевощикова о том, что "при описании особенностей деепричастия, видимо, надо говорить не столько о добавочном действии, сколько о том, что деепричастие выражает такое действие, которое непременно имеет отношение к другому действию, однако это отношение не обязательно зависимое" /7, II-12/.

Деепричастия I-ой группы образуют деепричастные обороты различной степени зависимости от основного глагола-сказуемого. В некоторых случаях они, имея свой собственный источник действия, свой собственный субъект, выраженный именем в именительном падеже, имеют явную тенденцию освободиться от своего зависимого положения по отношению к основному глаголу-сказуемому, чего не наблюдается в деепричастиях II-ой группы. Образуя деепричастные обороты, деепричастия I-ой группы не управляют /за очень редким исключением/ родительным падежом, тогда как деепричастия II-ой группы управляют им /2, 88-98/. В количественном отношении в языке более употребительны деепричастия I-ой группы.

В данной статье анализируются употребление и функции соединительного деепричастия в классическом монгольском языке на материале памятника монгольской письменности XVIII в. "Алтан тобчи" Лувсан Данзана, в котором деепричастные формы являются самыми распространенными из всех зарегистрированных в памятнике деепричастных форм. Употребляется соединительное деепричастие в различных функциях и значениях и имеет различную степень смысловой зависимости от основного глагола-сказуемого.

Обозначая действие, предшествующее действию, выраженному заключительной глагольной формой, соединительное деепричастие выступает в предложении в качестве однородного сказуемого, например: Та egün-i üdter öbciǰü sir-a /A I,97/ "Вы его быстренько освежите и заварьте"; tegün-i qoyina цагаан-и ай кетекü idegen харси баса кү үгел болбай /A I,2/ "После того появилась пища под названием "способность разума" и также исчезла". В этих предложениях деепричастия öbciǰü "свежу" и харси "появившись" обозначают действия, которые по своей объективной значимости такие же необходимые и важные, как и действия, обозначенные заключительными глагольными формами. Их нельзя назвать второстепенными, ибо они не дополняют и не поясняют главные действия, а являются однородными с ними. Однако в грамматическом отношении /в плане выражения времени, наклонения, лица/ они находятся в непосредственной зависимости

от заключительной глагольной формы. Поскольку деепричастные формы лишены грамматических средств выражения предикативности, постольку они не могут быть названы однородными сказуемыми в полном смысле этого слова.

В первом предложении заключительная глагольная форма *sir-a* "зажарьте" обозначает действие, которому надлежит совершиться в будущем. Это действие относится ко второму лицу множ.числа. Через эту глагольную форму грамматические категории времени, числа, лица распространяются и на действие, обозначенное деепричастной формой. Однако, будучи отнесенным к плану будущего времени, действие, обозначенное деепричастием *ösiçü*, предшествует действию, выраженному заключительной глагольной формой, ибо козел /о нем в тексте идет речь/ сначала будет освежеван, а потом жарен.

Во втором предложении действие, обозначенное заключительной глагольной формой, уже совершилось в прошлом / *ügei bolbaı* - форма прошедшего времени изъявительного наклонения/. Действие, выраженное деепричастием *uğıçı*, также относится к плану прошедшего времени. Но это действие совершается значительно раньше заключительного, оно предшествует ему, что выявляется из контекста: появляется лица, в течение какого-то времени живые существа питаются ею, после чего она исчезает.

Соединительное деепричастие может обозначать и ряд следующих друг за другом действий, например: *Edür buri man-dur irejü nuçusun-eçegen ögçü ösög umdaçın uıju odumu/A I, I4-I5/* "Каждый день /он/ приходит к нам, отдает часть своих уток, пьет кумыс и уходит". В этом предложении действия, обозначенные деепричастиями, совершаются последовательно одним действующим лицом. Они однородны по своим функциям, равноценны, т.е. независимы друг от друга по своей объективной значимости. Все они совершаются в плане одного грамматического времени, выраженного заключительной глагольной формой, хотя каждое из действий в плане этого грамматического времени предшествует последующему: приходит, отдает, пьет, уходит.

Сохраняя лексическую независимость в качестве однородных членов предложения /однородных сказуемых/, деепричастия в грам-

матическом отношении, в плане выражения грамматической категории времени полностью подчинены заключительной глагольной форме, так как только в ней выражается грамматическая категория времени, интонация сообщения и законченности речи как в сказуемом всего предложения.

Кроме функции однородных сказуемых соединительные деепричастия могут обозначать и действия, уточняющие или поясняющие действия, обозначенные как заключительной глагольной формой, так и другими деепричастными и причастными формами. В таких случаях они выполняют роль различного рода обстоятельственного образа действия.

Соединительное деепричастие в обстоятельственной функции является зависимым членом предложения, отношения и связи которого с характеризуемым им действием определяются в значительной степени лексическим значением самого деепричастия и той глагольной формы, которую оно определяет. Например:
Jürken-ece nigen em-e kümün doxolju ireged jöbdeki döräge-yi oxtalju arbu
oduqui-yi Belgütei üjged tere em-e-yin kö-i quyu tasıju arkıba

/А I, 77/ "Бельгутей, увидев, как от джуркинцев подошла, прихрамывая, какая-то женщина и, срезав стремя, пошла, перерубил ей ногу". В этом предложении деепричастие doxolju "прихрамывая" относится к следующему непосредственно за ним разделительному деепричастию ireged "подошедши" и характеризует обозначенное им действие с точки зрения того, как, каким образом это действие происходило. Аналитическая форма oxtalju arbu "срезав" /отрезав, взяв/ определяет действие, выраженное причастной формой oduqui "отправиться", указывая на время совершения этого действия: отправилась после того, как срезала.

Равным образом действие, выраженное соединительным деепричастием, может характеризовать последующее действие с точки зрения причины его совершения, например: Ögedei ögüler-ün: erte irekü bolüge bi. Jauıga quım-ud jolxaju udaba /А II, 3/ Огедей отвечал: "Я должен был прибыть рано. По пути встретил пирующих и задержался". Деепричастие jolxaju "встретившись" характеризует заключительное действие с точки зре-

няя причины его совершения: задержался именно потому, что встретил в степи пирующих, а долг, закон гостеприимства не позволял проехать мимо. Действие, обозначенное соединительным деепричастием, может выражать и уступительность, указывая на то, что заключительное действие совершается, /или при наличии частицы отрицания/ не совершается вопреки или несмотря на это действие, например: *Edüge baza Toγan Sira namayı üjejü ülü jıγan odba /yarcıba/* /A I, 4I/. "Вот и сейчас Торган Шира заметил меня, /но/ проехал мимо".

Реже соединительное деепричастие в позиции перед заключительной формой сказуемого имеет целевое значение, например: *Belgütei-yi ilegejü, Boγorci-yi pökücey-e kemen urıju ilegebe* /A I, 48/. "Темучин/ послал Бельгутьея пригласить Борчи, сказав /ему/: "Подружись-ка". Кроме того, соединительное деепричастие с относящимися к нему словами образует деепричастные обороты. Являясь организующим центром оборота, деепричастие в таких случаях служит широко распространенным средством связи частей сложного предложения. Имея собственный источник /субъект/ действия, эти деепричастия функционально более свободны и независимы по отношению к заключительному глаголу-сказуемому. В таких случаях деепричастие выступает в качестве сказуемого полупредикативного оборота /2, 83-93/.

Степень проявления самостоятельности таких оборотов разная. Она зависит как от семантического содержания стержневого деепричастия, так и от синтаксической функции оборота в целом. Одни из них носят в той или иной степени подчинительный характер, другие более свободны и независимы в своем значении. Так, например, в предложении: *Edé ber Tömücin Toγorıl Jaqa Qambuu ta, çerig-üdiyen Jazaγad kü morılan jici neyileldüjü tanıldıju Jamiqa ögüler-ün* /A I, 53/. "Темучин Тогорил, и Джаха Хамбу также выстроили в боевом порядке свои войска, когда сойдясь узнали друг друга, Джамуха сказал, -два самостоятельных источника действий: с одной стороны - это Темучин, Тогорил-хан и Джаха Хамбу, выстроившие свои войска и готовые к бою, с другой - Джамуха, произносящий речь, когда стороны, приблизившись, узнают друг друга. Имена, обо-

значащие субъектов действия, оформлены именительным падежом. Но первая часть предложения, деепричастный оборот, заканчивающийся стержневыми деепричастиями *neyileldüjü tamildüju* "сблизившись, узнав", в целом носит подчинительный характер, указывая на время, момент действия второго действующего лица, осуществляющего действие, обозначенное заключительной глагольной формой. Джамуха произносит речь после того, как обе стороны, приблизившись, узнали друг друга.

Вполне независимы обороты с соединительным деепричастием, когда они выражают причинный характер по отношению к действию, обозначенному заключительным сказуемым, например: *Inanča serig-üd ilegejü jici Ong qaخان хурбан balayad bidun jorigju qara kitadun Güр qaخان-dur oduysan ajuju* /A I, II2-II3/ "Инанча послал войско, тогда Ван-хан ушел к хара-кидатскому Гур-хану, пробравшись через три города". Здесь обе части предложения, деепричастный оборот и основная часть, имеют собственные субъекты действия - имена в именительном падеже. Деепричастный оборот *Inanča serig-üd ilegejü* "Инанча послал /посылая/ войско" выражает логически вполне законченную мысль. Эта законченность подкрепляется и наличием союза *jici* "тогда", которым начинается вторая часть предложения. И только грамматическая несамостоятельность, неоформленность соединительного деепричастия, отсутствие средств выражения предикативности, соотносительность в плане выражения грамматической категории времени, лишает его равноправия и формальной законченности предложения.

Наиболее самостоятельны деепричастные обороты в тех случаях, когда предложение с двумя и более самостоятельными источниками действия носит сочинительный характер, например: *Tömücin dorbezi ayisuqun /iregen/ irgen-dür Börte Börte kelen daγudaγu yabuqi-dur uciraju Borte Ujin tede dörbegüljin irgen-dür бүкүи Төмүцин-и даγу соносу танију терген-ече баγуγад гүюјү ирејү, Borte Ujin Qonoγcin qoyar Tömücin-i jolux-a cübuγur-aca barıjuqı* /A I, 39/ "Когда Темучин проезжал среди беженцев и звал "Бортэ! Бортэ!", /он/ встретил /ее/, Бортэ Уджин, услышав голос Темучина, узнала /его/

среди беженцев и, сокочив с повозки, подбежала; Борте Удин к Хоногчи ухватились за поводья /коня/ Темучина". В этом сложном предложении два деепричастных оборота, стержневыми деепричастиями которых являются *uśiŋaŋu* "встретив" и *γūyūjū irejū* "подбежав". Каждый из этих оборотов имеет свой собственный источник действия, свое грамматическое подлежащее — имя в именительном падеже. Предложение в целом носит сочинительный характер, а обороты самостоятельны и независимы как в смысловом, так и функциональном отношениях. События разворачиваются так, что действия, обозначенные в деепричастных оборотах, происходят почти одновременно, следуя друг за другом: Темучин встретил / *uśiŋaŋu* / жену, но и она уже узнала его по голосу и подбежала / *γūyūjū irejū* / к нему, ухватившись вместе со служанкой за поводья его коня. Каждый из этих деепричастных оборотов при наличии грамматической оформленности глагольной связки мог бы быть самостоятельным предложением.

Со связками и служебными глаголами соединительное деепричастие выполняет функцию глагольного сказуемого, где деепричастие обозначает конкретное действие, а связка или служебный глагол грамматически оформляют сказуемое, придавая ему видо-временные или модальные оттенки. При выражении видо-временных оттенков имеет значение как лексическое содержание деепричастия, так и степень абстрагирования значения служебного глагола: в различных сочетаниях степень абстрагирования будет различной.

Служебные глаголы можно подразделить на два вида, полностью грамматикализованные и частично грамматикализованные. Первые выполняют исключительно служебную функцию. Они характеризуются отсутствием функциональной раздвоенности и употребляются только в роли глагольных связок. Наряду с утратой лексического значения заметно ослабление и их временных значений. Вторые употребляются как самостоятельно, так и в служебной функции с той или иной степенью утраты своего лексического значения. К служебным глаголам полной грамматикализации относятся некоторые формы глаголов *a-* и *bō-* / *bū* / "быть". Эти глаголы прошли сложный путь в своем развитии и

претерпели большую эволюцию в своем значении прежде чем превратиться в глагольные связки. Подробнее об этих глаголах см. /II, 76-81; 6, 54-100/.

К XVII веку они уже утратили свое лексическое значение и функциональную самостоятельность и стали употребляться как служебные элементы, указывающие на видо-временные и модальные оттенки. В сочетании со связкой *amu/amui* /форма настоящего-будущего времени от глагола *a=* "быть"/ соединительное деепричастие может обозначать действие настоящего времени со значением продолжительности, длительности его в плане этого настоящего, например: I/ ...*eke-inu nabtaraqai nekei debel-tei jügün egüde-ber yaruyad busu kümün-e ögüler-ün: köbegüd minu qad bolçaju kemegdeinüi. Bi ende maçu kümün-dür uçaraju amu* /A I, 62/. "Мать его в рваном овчинном тулупе, выходя через левую дверь, сказала посторонним людям: "Говорят, сыновья мои ханами стали, я же замужем за простым /бедным/ человеком". Связка *amu* придает действию, выраженному деепричастием *uçaraju* "вышедши замуж", характер продолжительности, длительности пребывания в данном состоянии. Действие предстает как когда-то начавшееся и длящееся в данном отрезке настоящего времени. 2/*Qačan yakin eyin kilinglejü amu* /A II, 82-83/. "Хан, почему /ты/ так сердиться?" В этом предложении сочетание *kilinglejü amu* обозначает состояние, в котором пребывает действующее лицо в данный момент настоящего времени.

В контексте сочетание *-ju+amu* может обозначать действие, отнесенное к плану прошедшего времени, например: *Tngri-yin erke kücün-iyer monggol Töbed Kitad-i erke-dür-iyen oçuçuju, Sečen Qačan Pağsba lam-a-yin aci-bar äsajini delgeregüljü amu* /A II, 183/. "Волею Неба, подчинив своей власти Монголию, Тибет и Китай, Сэцэн-хан благодаря Пагва-ламе распространил религию". В этом предложении действие представлено как происходящее в прошлом и даже с оттенком его завершенности. Это, возможно, объясняется затушевыванием грамматического временного значения в связке *amu* и преобладанием в ней видового значения продолжительности /религия распространялась не как одновременный акт, а как длительный во време-

ня процесс/.

Со связкой *ауи* /также форма настояще-будущего времени от глагола *а=* с модальным значением достоверности, убежденности в совершаемом действии/ соединительное деепричастие обозначает продолжительное действие с оттенком полной уверенности в его наличии или осуществлении, например: *Синггис қаған өгілер-ин: дауисун-а чабуусан күмүн алауған-иуан дауисурууауған-иуан бау-е-бен ниују кеіе-бен һусаји: ауи /өгүлейү /* /А I, 96/ "Чингис-хан сказал: "Человек, перешедший на сторону врага, тая про себя свое доверие и свою враждебность, придерживает свей язык".

Со связкой *ајууи* /форма прошедшего времени от глагола *а=*/ соединительное деепричастие обозначает действие, имевшее место в прошлом с тем же значением длительности, протяженности во времени, но с некоторым оттенком новизны, некоторой неожиданности сообщаемого, например: ...*ет-е ину Ботақи тауған інған-и медејү ајууи* /А II, 23/ "Народом правды /оказывается/ мать его Толстая Ботохой". Сочетание *-ју+böüge*

/форма прошедшего времени от глагола *бэ- /bü- /"быть"* обозначает такое действие, когда вспоминаются события, имевшие место в прошлом, причем говорящий как бы сам является свидетелем тех событий, в результате чего всему высказыванию придается особый экспрессивно-модальный оттенок, например: *Tende Tömücin-i tere qurim-dur kilbara кейкед күмүн-ийет сакіулују böüge* /А I, 39/ "На том пиру Темучина поручили охранять одному слабосильному парню"; *Barim Şigir-tü Qabici bayatur-un eke-yin inja et-e-yi Bodançar talaju böüge* /А I, 17/ "Боданчар взял себе наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданным матерю Барим Шигирту Хэбичи".

В качестве служебных глаголов, придающих деепричастному сказуемому различные видовые оттенки, употребляются многие полнозначные глаголы с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Эти знаменательные глаголы прошли длительный путь эволюции от лексически полнозначного слова до грамматикализованного служебного элемента. Причем, как уже выше отмечалось, степень утраты лексического значе-

ния и грамматикализации будет различной, и не только для разных глаголов, но для одного и того же глагола: в одних случаях они будут полностью утрачивать свое лексическое значение, превращаясь в чисто служебный глагол, в других - получают более или менее ствлеченный характер. Служебная функция частично грамматикализованных глаголов проявляется только в деепричастных сочетаниях, в которых служебный глагол придает всему такому сочетанию характер продолжительности, длительности или завершенности действия. В функции служебных глаголов, обозначающих продолжительность действия, длительность процесса употребляются глаголы *baui-* "быть, находиться", *yabu-* "идти, ехать", *zaui-* "сидеть, жить, находиться" и др.

В сочетании с деепричастной формой значение продолжительности действия, придаваемое этими глаголами, переплетается с другими оттенками, свойственными значению каждого из этих глаголов. Сочетание *-ju+baui-* указывает на равномерное продолжение обозначенного деепричастием действия в каком-то небольшом по протяженности отрезке времени, например: *ʒjen imiveju bayiba* /A I, 100/ "Государь рассмеялся"; *ʒjen qoriqaju ilduben dalayiju bayiba* /A II, 95/ "Государь размахивал своим мечом, запрещая /стрелять/". В приведенных примерах действия происходили в прошлом, что и выражено формой прошедшего времени служебного глагола. Если глагол *baui-* указывает на равномерное продолжение действия в небольшом по протяженности отрезке времени, то глагол *yabu-* придает деепричастному сочетанию значение действия в движении или продолжительности действия, например: *Unfaxan-u qoqina bey-e-ese gerel xarsu yabuba* /A II, 150/ "После того как заснял, из тела излучался /появлялся/ свет"; *Jingdei qaxan-i ta jaxaju yabunam. Tan-dur ulü jokiqu man-dur asa gebe* /A II, 100/ "Вы распоряжаетесь Джиндей-ханом. Вам он ни к чему, отдайте нам". В первом предложении действие происходило в прошлом, причем как длящийся процесс. Во втором - действие предстает как длящееся в настоящем, относящееся к моменту речи. Сочетание *-ju+zaui-* имеет значение длительного пребывания,

нахождения где-либо, например: *Mön tere Solongy-a ulь-tur yurbanjil dütejü sayuba* /A II, 47/. "В той стране Солонго пробыл /задержался/ три года". Сочетание *-ju+kebe-* "лечь" указывает на затянувшееся действие или положение, в котором пребывает действующее лицо, например: *Sorilduy-a kелебей üil болш агулажу кебемii* /A II, 43/. "Я предложил ему помериться силой, но он не согласился и продолжает притворяться". В функции служебных глаголов, указывающих на начинательность действия, направленность его в определенную сторону, употребляются глаголы: *ire-* "приходить", "приезжать", *уаг-* "выходить", "уезжать", *оги-* "входить", *од-* "отправляться" и др.

Сочетание *-ju+ire-* имеет значение направленности действия в эту сторону, а также и того, что действие, начавшись, заканчивается или приближается к концу, например: *Ayan cixurlaju /mordaju /Cui mören-e güyicējü tuqudхaju /daruju/ irebe* /A II, 20/. "Отправившись в поход, догнал их и приехал к реке Чуй"; *Tere negjigül бахују irebe* /A I, 43/. "Производившие обыск спустились с телеги".

Такое же значение придает деепричастному сочетанию и глагол *ayie-* "приближаться", "идти", например: *Tayiciyud metü bayınam таргају айисüi gebe* /A I, 100/. "Это вроде тайчигуды, и /они/ разъезжаются".

Сочетание *-ju+уаг-* имеет значение направленности действия откуда-либо, указывает на его начало или законченность, например: *Nigen inu цуаузан mori tayilju abcu ireged qan qatun qoyar-i unuхулжу Mayin tala-bar dulaxaju yarbai* /A II, 165/. "Один из них отвязал бывшего на привязи коня, усадил на него хаву и госпожу, и они бежали через Маинскую степь"; ... *qamtu dobtulju огухад siry-a ahta tani üldejü yarbai* /A I, 45/. "Отправились вместе и угнали соловых меринов"; *Mögin inu yurban kö-iyer yeke modun qarayiju уагба* /A II, 178/. "Конь его перепрыгнул тремя ногами большое дерево". Сочетание *-ju+оги-* имеет значение направленности действия во внутрь чего-либо, а также указывает на начало действия с нарастающей интенсивностью, например: *Tenggli-ben quхугахадaju уабахан-iyar*

oi-dur kūrçü oru-a kemeldütele ... /A I, 51/ "Сломалась ось телеги, доберемся до леса пешком,- сказала /старуха/";
Çinggis qağan basa ögülerün: namayı eyümün bolju keften bögetele niçugen yakin güyijü oruba ci /A I, 92/. "Чингисхан снова сказал: "Как же ты убежал /в стан врага/ раздетым, пока я вот тут так лежал."

Иногда в таком же значении употребляется сочетание деепричастия с глаголом talbi- "класть", "ставить", например: Çiledü ayıju qurdun quba-yuğan deldüged Onan mören ögede joğun /Jorin / dutaxaju talhıba /orulduba / /A I, 22/. "Чиле-ду испугался и, изо всех сил погоняя своего быстрого ко-ня, бежал по направлению к реке Онон". Сочетание -ju+od- придает действию значение его законченности или достижения цели действующим лицом, например: Qonoğcin emegen böger-e alay üker-iyen deledüged üdter-ken nekekü bolun tergen-ü tenggli qujurçu odbai /A I, 51/. "Старуха Хоногчин так гнала своих пегих быков, что ось телеги сломалась"; Nigen edür sıy-a sıta nayıman ger-ün dergede bayıju büküi-dür, degeremedju odbai /A I, 43-44/. "Однажды грабители увидели возле юрты во-семь соловых меринов и украли их"; Ese uruğsan maıu-yi ende talbijı od /A II, 25/ "Всех необученных оставь здесь!".

Сочетание -ju+orki- "бросать", "оставлять", "покидать" придает действию значение полной законченности, завершенности, иногда с оттенком некоторой внезапности или резкости, на-пример: Qabur-un nigen edür... tabun köbegüd-iyen qurıyaju, Jergelegülju sayulıyad nijiged mosüni barıyulju köbegün quzulı-ğın kemen öğbesü, köbegüd inu quzulju orkiba /A I, II/. "Однажды весной собрала она своих пятерых сыновей, поса-дила их рядом, дала каждому по одному прутику и велела сло-мать, сыновья сломали"; Kitad-un Qongqu qağan-u köbegün Jajur-a qağan-i barıju küjügün-dür inu mönggün tamağ-a datıju üldejü orkiba /A II, 126/. "Сын китайского Хунхуа-ха-на поймал Дзагура-хана, приложил ему на шею серебряную пе-чать и вытнал".

Сочетание -ju+ab- "брать", "взять" имеет значение со-вершения действия в пользу или в интересах действующего ли-

ца, например: Ède yurban merked erten-ü Ögelen-ü eke-yi Yete Ciledü-äce buliyaju abulur-a kemen edüge tere ösil ösin

iregeen ajuru /A I, 52/. "Это были трое меркитов, явившиеся стоимать за то, что когда-то у Ихэ Чиледу отобрали Болук Эке"; Köbegün degüi ner cinu cimai-yi buliyaju abur-a irebei /A I, 109/. "Твои сыновья и братья собираются отбить тебя /у врагов/".

Сочетание -ju+ög- "давать" имеет значение направленности действия в чье-либо сторону или совершения действия в интересах какого-либо лица, например: Tere kümün qayan-iyun yajar-tu bolγasan-i jiyaju ögbe /A II, 148/. "Тот человек указал /врагам/ местонахождение своего хана"; Tere kümün irejü Singgis qayan-a ene üge-yi inu ögüleju ögbe /A I, 94/. "Тот человек прибыл и передал Чингис-хану его слова"; Èjen altan saγadaγ-aγayan singrutu jebegen suγulju ögbe /A I, 101/. "Государь вытащил /для него/ из своего колчана стрелу".

Однако в этом сочетании значение направленности действия или заинтересованности в его осуществлении присутствует не всегда. Оно может обозначать и просто полную завершенность действия, например: Qoyina mongγoljin-i Qosoi Tabunung Temürgen qoyar oγuju ögbe /A II, 175/. "Потом вошли монголыны Хосой Таунан и Текурген"; Qongsiyar inu tazu qarbuju ögbei /A II, 94/. "Престрелил птице голову".

В сочетании с модальными глаголами cida- "мочь", "уметь", "быть в состоянии", yada- "не мочь", "не быть в состоянии", bol- в значении "разрешается", "можно" или с отрицательной частицей "нельзя" соединительное деепричастие имеет модальное значение возможности /невозможности/, затруднительности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, например: Tedüi Belgetei abuyad köbcileju ece cidabai /A I, 79/. "Тогда Бельгутей взял /лук/, но не смог натянуть тетиву"; Tayičirud bolbau taniju yadabai, merged buyu medeju yadaba, mongγul buyu bolaju yadaba /A I, 100/. "Были ли это тайчи-гуды, не мог распознать, меркиты ли, не мог узнать, монголы ли, не мог рассмотреть"; Bodung ögüler-ün: örlüge qoor-a-tu siγayan sira eriyen moyai bolqu, tegün-dür bariju ulü bolqu, üdedu küren ereyen bars bolqu, tegün-dür bariju ulü bolqu, udesi γuba sira

kobegün bolju, qatun-lux-a nañadju sañuqu bui, tegün-dür
bariju bolqu geñü kelebe /А II, 96/ "Бодон

сказал: "Утром превращается в ядовитую пестро-желтую змея,
тогда поймать нельзя; в полдень превращается в пестро-рыжего
барса, тогда /тоже/ поймать нельзя; вечером превращается в
прекрасного русого вьюгу и развлекается с госпожой, /вст/
тогда можно поймать".

Принятие сокращения

А I - Altan Tobči, degedü debter, Ulañanbañatur, 1937.

А II - Altan Tobči, dooradu debter, Ulañanbañatur, 1937.

Список цитируемой литературы

1. Амоголсов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
2. Бертагаев Т.А. О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний I-ой группы. Сб. акад. В.В.Виноградову к его 60-летию. М., 1956.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
5. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956.
6. Пагва Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. Улаанбаатар, 1961.
7. Перевозчиков Н.П. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
9. Рамштедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
10. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
11. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
12. Сулик О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.
13. Сырмятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
14. Цыдыпов Ц.-Э. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Б.Я.Владимирцов отмечал, что старописьменный монгольский язык был общим для монгольских народов литературным письменным языком, и что он всегда в значительной степени отличался от живых монгольских говоров /2, 21-32/. И хотя на протяжении всего существования монгольской письменности происходило взаимовлияние и взаимообогащение литературного письменного языка и живой речи, расхождения между письменным литературным и разговорным языком остаются до сих пор реальным фактом и хорошо прослеживаются, в частности, в области модальных значений. Разговорная речь оказывается богаче и разнообразнее модальными значениями и оттенками и формами их выражения, чем традиционный письменный язык и служит источником пополнения и обогащения последнего.

Область модальных значений остается в монголистике недостаточно исследованной. Степень изученности модальности как одного из предикативных признаков предложения ограничивается в монгольском языке признанием двух наклонений - изъявительного и повелительно-желательного, которые выражаются агглютинативными морфемами в глаголе, а также установлением разряда частиц, в составе которых находятся и единицы, служащие для выражения субъективно-модальных значений. Что касается частиц, то они имеют отношение и к объективной, и к субъективной модальности, ибо элементы, относимые в разряд частиц, участвуют в формировании структурно-семантических типов предложений, передающих отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего, и в выражении субъективно-модального отношения говорящего к высказываемому. Тем не менее частицы не подверглись специальному анализу ни в одном из монгольских языков. В работах как зарубежных авторов, так и советских /1; 3; 5; 6; 7; 9; 10/ дается, как правило, семантическая классификация частиц, в ко-

торой не отражаются их функциональные и дистрибутивные особенности. Обычно выделяются наиболее употребительные частицы: утвердительные /даа, нгу/, вопросительные /уу, ну, ээ/, усилительные /ч, а/, частицы отрицания и запрета /гүй, бии, бүү, битгий/, причем количество семантических групп частиц и их состав у разных исследователей не совпадают.

В последнее время в некоторых работах по монгольским языкам /8, 32I-22; 7, 28I-32/, наряду с традиционными, выделяется еще группа модальных частиц, "которые придают всему высказыванию различные оттенки субъективного характера" /8, 32I/. В монгольском языке в эту группу включены биз, байтай, бий. Список модальных частиц, представленный в "Грамматика бурятского языка", содержит семь единиц: бы, аал, алтай, аабза, аабы, бавз, хаяа. Дефиниция этой группы, варная по существу, не совсем согласуется с общей схемой частиц, т.к. другие частицы, например, утвердительные, вопросительные, усилительные, тоже передают субъективно-модальные оттенки и могут быть квалифицированы как модальные. Употребление частиц в различных модальных типах предложений, а также участие самих частиц и частиц в сочетании с другими средствами в выражении всего богатства модальных и экспрессивных значений, как-то: совета, колебания, недоумения, иронии, удивления, недоверия и др., почти совсем не затрагивались в работах по монгольским языкам. Попутно отметим, что совсем обходился исследователями и вопрос о существовании в монгольских языках одного из важнейших средств выражения субъективной модальности - модальных слов. Все это говорит о том, что частицы крайне нуждаются в тщательном исследовании и со стороны функционально-семантической, и в плане общей классификации.

В этой связи небезынтересно несколько подробнее рассмотреть ряд слов монгольского языка, частично указанных в группе модальных частиц, и не упоминаемых там, но близких им по значению и получивших широкое распространение как в разговорном, так и в современном литературном языке.

Слово биз со значением "вероятно, наверно, видимо" имеется во всех монгольских языках как в разговорном, так и в письменном языке /бур. бэвэ, калм. биз/. Существует вполне вероятное предположение, что биз — это лексикализация сочетания глагольной формы бий /"есть"/ с частицей сомнения эа /Ө, 79/. В современном языке в слове биз не чувствуется ни прежнего бытийного значения, ни времени. Этимологические связи в нем нарушены, оно полностью модифицировалось в смысловом и функциональном отношении.

Слово биз имеет несвободную позицию в структуре предложения, всегда находясь в конце высказывания, в постпозиции к его последнему слову. За биз может следовать только утвердительно-экспрессивные частицы дэе или ээ. В конце предложения оно одинаково свободно и часто сочетается с будущим /на -х/, прошедшим /на -сан/, настоящим /на -аа/, многократным /на -даг/ причастиями, а глаголами в форме настояще-будущего времени на -на и прошедшего на -в /с формами прошедшего времени на -хээ/чээ и -лаа примеров не встретилось/, с формами сослагательного наклонения /на -х сан, -х байсан, -х юмсае/ /II/.

Рассматриваемое слово обладает значением, которое характеризует субъективное отношение говорящего к отражаемым в сообщении связям и указывает на предположение, ту или иную степень уверенности говорящего в том, о чем говорится. Например, в предложении —За яриг хэсэг балбах байгаад л буцна биз /НШ, I 28/. "Ничего, постучит немного /в дверь/ и уйдет, наверно", слово биз показывает, что говорящий высказывает предположение, допущение реального факта. Изъятие биз из предложения дает простую констатацию факта. Как видно, биз существенно влияет на смысловую структуру предложения, переводя высказывание из достоверного в предполагаемое, не столь уж достоверное. Еще примеры: —Та нар бол мөн л алс хол нутгийн хүүхдүүд биз /Соел 1959, I, 49/ "Вы, по-видимому, тоже издалека /букв. вы, наверно, дети из далекого кочевья/". З. Морины толгойн чинээ молор эрдэнэ үзсэн үү гэж танаас асуувад үгүй шүү үлгэр домогт л гардгаас биш үзсэн юм байхгүй л дээ гэж

харшулах биз /ШУ 1961, 4, 58/ "Если у вас спросят: Видели ли драгоценный камень величиной с лошадиную голову. - Вы, наверное, ответите: -Нет, не видел, ведь такое бывает только в сказках".

При употреблении биз с формами сослагательности в предложениях с нереальными условно-следственными отношениями, выражается предположение говорящего о неосуществленных действиях, различная степень категоричности связи между условием и следствием. Например: 1. Уг нь тэмдэглэх хөтлөх зав байгаад хөтөлсөн бол тэдний цаашдын амьдрал үйл явдал уншигч бид хоёрт улам сонин байх байсан биз /М.Х., 113/ "Если бы они вели свои дневники, нам с вами, читатель, конечно, было бы интересно узнать о их дальнейшей жизни и делах". 2. Нөхрөө дэргэдвэ байсан бол... гэж хэлэх байсан биз /Ч.Лх., 48/ "Если бы друг стоял здесь рядом, ... он сказал бы, наверное..."

Значение предположения ослабляется, если за биз следует утвердительно-экспрессивная частица дээ. Частица ээ придает экспрессивное значение, также внося оттенок утвердительности. Примеры: -Чи манайд хононо биз дээ, хүү ч ирнэ биз /Тула 1959, 5, 14/ "Ты, несомненно, у нас заночуешь. И сын, вероятно, придет /к тому времени/". 2. Нөхөр нь бодвол мөнгөтэй баян хүн байгаа биз дээ /НТТ, 13/ "Ее муж - конечно, богатый человек".

Биз /часто с дээ/ используется и для очень уверенного предположения, почти утверждения факта. В этой связи стоит отметить, что, например, в монгольском переводе стихотворения М.Ю.Лермонтова "Бородино", сделанном известным поэтом Д.Сэнгээ, именно биз используется с целью уверенного, эмоционально-окрашенного предположения.

Авалцан шатсан Москваг

Францчуудад өгсөн нь

Арай жирийн хэрэг биш биз дээ

Авга минь ярьж өгөөч!

Байлдаан тулалдаанууд байсан л биз.

Байх байхдаа жигтэйхэн байсан гэж ярилцдаг юм.

Одоо хүртэл Бородиногийн өдрийн тухай

Орос даяар шагшин дурсдаг нь жирийн хэрэг биш биз/Үн.143/

"Слахи-ка, дядя, ведь не даром
 Москва, спаленная пожаром,
 Французу отдана.
 Ведь были в схватки боевые,
 Да, говорят, еще какие!
 Недаром помнит вся Россия
 Про день Бородина!"

Употребление биз в общевпросительном предложении снижает частицу общего вопроса УУ и превращает предложение по структуре в невопросительное. Тем не менее, в силу своего значения предположения и в сочетании с вопросительной интонацией биз способствует выражению вопроса и в живой бытовой речи нередко используется в общих вопросах, отчего предложение приобретает дополнительный модально-экспрессивный оттенок. -Эмээ бизе тань зүгээр биз гэвэл - Зүгээр хүү минь гэвд... /Цог 1964, 4, 55/ "Бабушка, как ваше здоровье? - Да ничего, сынок..." Однако такая замена возможна не во всяком категорическом вопросе и определяется его смыслом.

Еще сильнее экспрессивное и субъективно-модальное значение передается с помощью биз в отрицательно-вопросительном предложении, когда биз следует непосредственно за отрицанием биз. В таком предложении значение прямого отрицания отсутствует, а все высказывание выражает неуверенное предположение, предположение нежелательного, экспрессивно окрашенные оттенками недоверия, иронии и др. Примеры: Чи ер нь Хангай газар нэг гэр оронтой болсон хүн биз биз? /Цог 1968, 3, 73/ "Уж не обзавелся ли ты в Хангае еще одной семьей?" 2. Бид танд ондоо морь сольж эх болов...- Ямар морь вэ? Бас нэг адсага биз биз дээ. /Цог 1967, I, 141/ "Мы готовы дать вам другого коня...- Какого коня? Уж не клячу ли какую-нибудь опять?"

Как видно, слово биз обладает большой степенью лексической самостоятельности и используется для передачи субъективно-модального значения предположения. Это значение остается постоянным и единственным независимо от конкретной сочетаемости слова. Все это существенно отличает биз от частиц, которые вообще лишены лексического значения, и сближает с мо-

дальними словами. Биз не влияет на синтаксическую функцию слова, которое сопровождает, и является свободным по отношению к нему. Позиционно примыкая к сказуемому, биз входит в его состав.

БАЙХ

Семантическим и функциональным дубликатом биз и его конкурентом по употребительности в современном языке является слово байх. Это слово соотносится с формой будущего причастия байх от глагола бай- "быть, находиться". Но в результате семантико-грамматической модификации оно обособилось от формы будущего причастия в слово с модальным значением "наверно, вероятно, по-видимому". Развитие модального значения у этой глагольной формы требует отдельного исследования, но родилось оно в разговорном языке, возможно, из переосмысления временного значения причастия байх, выражающего действие будущего времени, действие предстоящее, предполагаемое.

Модальное слово байх находится в конце высказывания, позитивно примыкая к сказуемому, или любому слову, выражающему предикат, и указывает на предположение, неуверенность говорящего в сообщаемом. При наличии после байх частиц даа или аа выражается более слабое предположение, близкое к утверждению.

Приведем примеры на сочетаемость байх с неглагольным предикатом: 1/ Танайхаас өөр газар ийм хивс очсон болов уу? - Үгүй байгаа /Туяа 1959, I, 4/ "Поступили ли такие ковры и в другие магазины? - По-видимому, нет." 2. Бодвол хэдлэлгүй сууж ажилладаг оюуны хөдөлмөрийн ажилтан байгаа /НТТ, 7/ "Это, конечно, работник умственного труда, у которого сидячая, неподвижная работа". 3. -Должин гуай та өнгөрсөн сард 1800 литр сүү тусаасан юм уу..? -Тийм байгаа. Эрхлэгч л бицдэг юм /Туяа 1960, 2, 40/ "Должин гуай, в прошлом месяце вы сдали 1800 литров молока? - Столько, должно быть. Заведующий же записывает". 4.- Би олон морины нуруун дээр эмээл тохож үзсэн. Үүн шиг тэнхээтэй адуу ховор байгаа гээд... /Цог 1967, I, 115/ "Много коней я объездил, но такой сильный конь, как этот, - редкость, пожалуй".

Байх сочетается с глаголом-сказуемым в форме настоящего-будущего времени на -на, например: 1. Намайг үхчихвэл Хорлоо ях бол? ...өөр нэг ганган аалуутай сууна байх /Дог 1963, 3, 24/ "Если я погибну, что будет с Хорлоо? ..Наверно выйдет замуж за какого-нибудь шаголя". 2. -Ээжээ ам цангаад байна гэж... - Одоо мэд айл дайралдана байхаа /Соел 1958, 3, 37/ "-Мама, пить хочу... Вот скоро, наверно, айл попадется..." Следует указать, что функция связи будущего времени при форме назывительного наклонения не свойственна байх в современном монгольском языке, и поэтому исключает толкование этого сочетания как составного сказуемого. С формами прошедшего времени на -даа и жээ/чээ байх, как и другие слова с тем же модальным значением, видимо, не сочетаются, вследствие того, что первоначальные модальные значения форм прошедшего времени, а именно достоверность и непредвиденность, не совмещаются с выражаемым этими словами значением вероятности.

Употребляется байх и с формами сослагательности: Хуучин хэвээрээ бол ч ирсэн өдрөө давхиад ирэхсэн байх л даа /УТ 1946, 15/ "Если бы было все по-прежнему, он бы, конечно, приехал в тот же день, когда приехал".

Особенно часто встречается байх в конечном сказуемом, выраженном формами причастий:

настоящего: 1. ...чоно чи мэхэлж байгаа байх гэж.../Ц.Д., Т. 3., 196/ "-Ты обманываешь, наверно, - говорит волк..." 2. Үд болж хонь орох оройтож байна, хүү маань цангаж яваа байх /Д.Ц., З.Т., 75/ "Уже полдень, а овцы все не возвращаются, сын мэннээт от жадь, наверно".

будущего: 1. -За чамайг харь газар цөлөх гэнэ. Маргааш үүрээр мордох байх /Туяа 1960, 2, 21/ "Говорят, что тебя сошлют в далекую ссылку. Завтра утром отправитесь, наверно". 2. -Үдийнхөө завсарлагаар ирэх л байх. Та суугаач дээ /Соел 1960, 3, 13/ "-В обеденный перерыв придет, вероятно. Вы посидите".

многократного" 1. -Юу байдаг бол? Та мэдэх үү? -Би сайн мэдэхгүй юм. Байдаг л байхдаа /Соел 1960, 3, 13/ "-/Какие книги/ есть? Вы знаете? -Точно не знаю, но, конечно, есть". 2. Над шиг муу охин ч байдаггүй байхаа даа /М.Х., 71/ "-Нет /букв.

не бывает/, наверно, такой плохой девочки, как я".
приведенного: 1. Бид нэг гаригт нэг удаа байн идаж байна. Инч
байниг та ер олж үзсэнгүй байгаа /Туна 1958, 3, 45/ "Один
раз в неделю мы едим пельмени. Таких пельменей вы, конечно,
еще не пробовали". 2. Одоо нэг үйддвэрт ажилд орсон байх гэдэг
дам сураг дуулаад.../Туна 1959, I, 2/ "Помни слуха, будто
теперь /она/ поступила работать на какое-то предприятие".

Понимание элемента байх в сочетаниях с указанными причастиями как модального слова подтверждается контекстом и проверяется методом субституции, заменой, например, словом биз. Изъятие байх не разрушает структуру сказуемого, а лишь снимает субъективное модальное значение, которое является дополнительным, необязательным. Таким образом, слово байх, выражая модальное значение предположения, является свободной, факультативной единицей в составе сказуемого.

БОЛОЛТОЙ

В письменном монгольском языке с тем же значением "вероятно, возможно" распространено слово бололтой, разговорное /гапдологическое/- болтой. Грамматическая природа этого слова не совсем ясна. Его возникновение связывают или с именной формой от глагола болох "стать, делаться" в совместном падеже /I, 166/, или с переосмыслением имени в совместном падеже в дополнительно-предикативном сочетании /тида хэрэгтэй/ в результате опущения вспомогательного глагола /8, 50-51/. Но еще В.Д.Котвич указывал на существование в калмыцком языке формы на -лта, -лта со значением "большой степени вероятности совершения действия" /4, 282/. И сейчас в монгольском письменном языке встречается в конечном сказуемом глагольная форма на -лтай со значением возможности, допустимости действия, например: Дахрамд Архангай, Төв аймаг зэрэг хүн-ам сэхэвтэй олонтой аймгууд манай сэтгүүлийн захмалгад сууга барьж янааг дурьдалтай /ТЖА 1968, I, 77/ "Попутно можно отметить, что Архангайский, Центральный и другие густонаселенные, с большим процентом интеллигенции, аймаки по подписке на наш журнал стоят на последнем месте". 2. Хувьсгалын жингүүдэд монгол хэл-

ний зүйн байгууллын талаархи бүтээлийг хоёр зүйл болгон хувааж үзвэл зохилтой гэж... /МХБА, 13/ "Все, что сделано за годы революции в области создания грамматики монгольского языка, можно разделить на две части..."

Но гораздо чаще, особенно в диалогах, пьесах, где язык очень близок к разговорному, встречается эта форма в сочетании с отрицательной частицей биш и выражает невозможность, недопустимость действия, например: 1. Чи бид хоёр үргэлж ахаас нууж явалтай биш эртхэн мэдвэл мэдэг /Соёл 1960, I, 39/ "Мы не можем без конца все скрывать от брата, чем раньше узнает, тем лучше". 2. ...нэгэнт эхэлчсэн ажлыг дутуу хаялтай биш... /Туяа 1959, 4, 18/ "...начатую работу не следует бросать недоделанной..."

Происхождение формы на -лтай нуждается в особом исследовании, но связь слова бололтой с этой глагольной формой представляется вполне вероятной и допустимой.

Особенностью слова бололтой/болтой, по сравнению с рассмотренными выше модальными словами, является свободная позиция в структуре предложения при неизменном постпозитивном примыкании к характеризуемому им слову. Способность свободно передвигаться внутри предложения позволяет бололтой/болтой выразить предположение в отношении различных членов предложения. Например, бололтой/болтой встречается в составе группы подлежащего: гэрийн эзэн болтой нэг өвгөн ажлаас сая тарх ирсэн маягтай гар хөлөө угаагаад... /ЯТТ, 7/ "Пожилой человек, вероятно, хозяин дома, по всей видимости только пришел с работы и умывался..."

определения: 1. нэгдлийн бололтой олон адуу, хэд гурван тэмээ, нэмнээтэй үнээ мал дэрс зулгаана /Туяа 1960, 6, 17/ "Нас ся скот, принадлежащий, видимо, сельскохозяйственному объединению /букв. скот видимо объединения/, - много лошадей, несколько верблюдов, коровы". 2. ...зай нь сулдсан болтой радио хүлээн авагч намуухан дуутарч... /Туяа 1958, 6, 12/ "Звуки радиоприемника, видимо, приглушенные расстоянием, едва были слышны..."

дополнения: Хунай өвгөн... гамин цэргийнхэн бололтойг дорхноо

ажиглан таншад... /Туяа 1958, 6,5/ "Старик Хунай, поляв, что это, вероятно, гоминдановские солдаты...";

срединного /однородного/ сказуемого. Здесь надо указать, что бололтой/болтой не сочетается со срединным сказуемым в форме соединительного, разделительного или слитного деепричастия. Традиционная деепричастная форма срединного сказуемого при сочетании с этим словом заменяется необходимой по смыслу формой настоящего или прошедшего причастия. Например: 1. Баахан загсосхийгээд ямар нэгэн зүйлийг бодож олсон бололтой даруй үхрийн пин доторхи усан гангийнхаа хажууд хүрч.../Туяа 1958, 3, 44/ "/он/ постоял немного и, по-видимому, решив что-то, быстро подошел к бочке, стоявшей в хлаве..." 2. Тэр денгэж сая ирээд байгаа бололтой цай ууж сууна /Соел.1958, 3,32/ "Он, вероятно, только что пришел и сидит пьет чай.";

конечного сказуемого. В конце предложения бололтой/болтой может следовать за глаголом-сказуемым в форме прошедшего времени на -в: таван минут хиртэй болсны дараа хаадгаа дахин дуутарч ирсэн хүн явав бололтой /Цог 1958, 5,67/ "Минут через пять дверь опять закрипела: пришедший, видимо, ушел", за причастиями:

настоящим: овоон дээр олон лам нар хоер эгнэн зээглэж сууж тахилын ном хураад тэгсч байгаа бололтой /Туяа 1960, 2,2/ "На возвышенности в два ряда сидят много лам, собрав священные книги, по-видимому, заканчивают обряд...";

многократным: ...ямар ч анир гарахгүйг бодвол тэр байшинд ганцхан хүн суудаг болтой /Туяа 1958, 6,12/ "...в доме не слышно никаких звуков, вероятно, в нем живет только один человек";

прошедшим: -ааваа би... гэж тугдрэн хэлтэл эцэг нь охиныхоо юу хэлэхийг мэдсэн бололтой /Соел 1959, I, 48/ "-Папа, я...-запинаясь только начала она, а отец уже наверно знал, что скажет дочь."

Как видно, рассмотренные выше слова биз, байх, бололтой/болтой вносят в предложение субъективное модальное значение предположения, которое является необязательным, факультативным признаком предложения. Указанное модальное значение пере-

дается лексическим значением самих этих слов. Следовательно, часть частиц, относимых в группу модальных, в сущности представляют собой слова с модальным лексическим значением. Лексическая самостоятельность и само значение и отличают рассмотренные слова от семантически пустых, передающих лишь различные усилительно-экспрессивные оттенки частиц, как например: шуу, даа, ий, аа, или от многозначных частиц, семантико-грамматическое значение которых зависит от синтаксического употребления, как например, бол, ч, нь, ээ. Именно как лексемы противопоставляются биз, байх, бололтой частицам, которые вообще лишены лексического значения. Функционально совпадая с частицами, указанные слова выражают иные значения, отличные от тех, которые передают, например, усилительные, утвердительные и др. частицы. Все это выделяет рассмотренные здесь слова в особую группу — модальных слов.

Соответственно, в разряде служебных слов монгольского языка наряду с частицами должны занять свое место и модальные слова, список которых не ограничивается, конечно, рассмотренными выше.

Список использованной литературы

1. Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
2. Владимирцов Б.М. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
4. Котвич В.Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
5. Лувсанвандан Ш., Дэмчигдорж Б. Монгол хэлний зүй. Нэгдүгээр дэвтэр. Улаанбаатар, 1951.
6. Лувсанвандан Ш. Монгол хэлний зүйн сурах бичиг. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 1956.
7. Орчин цагийн монгол хэл зүй. Улаанбаатар, 1966.
8. Рагба Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. Улаанбаатар, 1961.

9. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
10. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Морфология. М., 1951.
11. Швернина Э.В. О сослагательном наклонении в современном монгольском языке. - Исследования по восточной филологии. М., 1974.

Условные сокращения

- Д.Ц., Э.Т. - Д.Цэвэгмид. Зохиолын түүвэр. Улаанбаатар, 1956.
- М.Х. - Д.Гармаа. Мөнгөн хөнг. Улаанбаатар, 1970.
- МХБА - Монгол хэд бичгийн зарим асуудлууд. Улаанбаатар, 1956.
- НШ - Лувсанцэрэн. Нар мингээгүй. Улаанбаатар, 1970.
- Соёл - журнал
- Туяа - журнал
- УСТ - Уран сайханчуудад тусламж.
- Үн. - Д.Сэвгээ. Үнэн. Улаанбаатар, 1956.
- Цог - журнал
- Ц.Д., Т.Э. - Ц.Дамдинсүрэн. Түүвэр зохиол. Улаанбаатар, 1956.
- Ч.Лх., - Ч.Лхамсүрэн. Цэцэг барьсан хүүхэн. Улаанбаатар, 1958.
- ШУ - Шинжлэх ухаан, журнал.
- ШУА - журнал "Шинжлэх ухаан амьдрал".
- ЯТТ - Ц.Дамдинсүрэн. Японы тухай тэмдэглэл. Улаанбаатар, 1958.

НЕПРОИЗВОДНЫЕ НАРЕЧИЯ В МОНГОЛЬСКИХ И ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, так же как и во многих других, выделяется группа непроеводных наречий, которые иногда упоминаются и под названием "корневых" или "первообразных".¹ Все эти терминологические определения не лишены недостатков и любое из них можно принять лишь условно. Действительно, вряд ли можно утверждать, что какое-либо из бытующих ныне наречий сохранило свою исконную "первообразную" форму, или же, что оно действительно представляет собой "корень" в чистом виде. Что же касается термина "непроизводные" наречия, то и он может быть применим лишь к тем наречьям, формы которых в настоящее время не этимологизируются, что не исключает его вторичности, производности, каковая впоследствии может быть выявлена. К тому же, в эту группу попадают наречия заимствованные, которые в заимствующем языке неизбежно оказываются непроеводными ввиду отсутствия родственных морфем, хотя в языке, из которого они заимствованы, эти формы могут быть производными.

Так, например, наречия эртэ 'рано' и арай 'едва', 'с трудом' в эвенкийском языке можно считать непроеводными, как заимствованные из бурятского. /Ср. калм. эрт 'рано' и эрэ 'едва'/. В то же время в тюркских языках словоформы, имеющие, возможно, даже общевалтайское происхождение, возводятся к глагольному корню: арайк ар- ~ ары 'установить' и эртэ к корню ер со значением 'утро, рано' + суфф. местн. пад. -та/ -те.²

Точно также в группе непроеводных наречий могут оказаться наречия с каким-либо омертвелым древним суффиксом, не сохранившимся в других словоформах, а потому и воспринимаемый теперь как неотъемлемая часть словоформы. В сущности такого рода "непроизводным" наречием может оказаться любое двухсложное наречие, как, например: эвенк. битэр 'немного', делум 'тайно', тугэ 'зимой', тье 'тесто'; бур.: мэтэ 'как, словно, точно', дэмы 'зря, напрасно'; калм. өмн /өмне/ 'вперед', шидр /шидер/ 'поблизости'.³

Некоторое затруднение с точки зрения определения "производности" и "непроизводности" вызывает наречия, не отличающиеся по форме от существительных и прилагательных. Подобное явление можно характеризовать как конверсию, однако в этом случае возникает затруднение с определением первичных и новообразованных форм /т.е. какая часть речи в какую "переходит": наречие в существительное или наоборот/. На наш взгляд эти словоформы целесообразно рассматривать как омоформы. В рамках настоящей статьи нет возможности подробно характеризовать эту группу наречий, безусловно, обладающую своими специфическими особенностями, но являющуюся, с указанными оговорками, одновременно группой непроизводных наречий.⁴ Здесь рассматриваются лишь некоторые особенности бытования подобных разрядов наречий в двух группах языков азиатской общности. Причем смысл и цель выделения отмеченных типов наречий в одну группу вызывается лишь необходимостью установить единые критерии выделения групп для сравнительного изучения наречий в различных языках с тем, чтобы сравнение проводилось между сопоставимыми явлениями.

Группе непроизводных наречий в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках относительно немногочисленна. В нее входят наречия заимствованные /или, возможно, общеалтайского происхождения/, такие как уже упоминавшиеся арай, эрта, а также орой 'совсем', горс /эвенк./, хол /кал./, холо /бур./ со значением 'далеко'. Параллельно с заимствованной формой эрта 'рано' существует в эвенкской форме унэ 'рано утром',⁵ в калыцком эндэ эн - энд 'сегодня',⁶ а в бурятском мүнээ 'сегодня, сейчас'.

Отмечаются случаи, когда наречия с одинаковыми значениями в трех рассматриваемых языках оказываются непроизводными. Таковы еще несколько следующих примеров, кроме уже приводившихся:

кал.	бур.	эвенк.	
дана, ка	дэны	эмэн	'зря, попусту'
зерг /лэд/	зэргэ	дэрян	'рядом'
бас, дэки	баһа, дахви	нян, няни	опять, еще

калм.	бур.	эвенк.	
чяк	зүб	тэдэ	'верно, правильно'
баһ /баһъ/	бага	угя, ули	'мало'

Однако полное совпадение семантики, или семантическая близость производных наречий не обязательна. Некоторые наречия, производные в эвенкийском языке, оказываются производными в монгольских, и наоборот, производные в монгольских могут быть производными в эвенкийском. Примером первого рода могут послужить следующие наречия:

эвенк./непроизв./	калм./произв./	бур. /произв./	
делум	нуучинер	нхусаар	'тайно'
цэри	герлэ /гэрелтэ/	харуулар	'светло'
эней	уудьрта /уудьрта/	хамартай /гаар/	'скучно'

Примером второго рода являются следующие:

бур./непроизв./	эвенк./произв./	калм./непроизв./	произв./	
үня	горово	удан	уданар	'долг'
шанга	маннат	бат	батар	'крепко'
шанха	ңуңнэт	һо, шуд		'прямо'
яб	диптэмэт	нигт	нигтар	'плотно'

Приведенные факты не позволяют делать каких-либо выводов относительно взаимосвязи исследуемых языков, кроме разве того, что заимствования имеют одностороннюю направленность — из бурятского языка /или из тюркских через бурятский/ в эвенкийский, а не наоборот. Дальнейшее же рассмотрение некоторых специфических свойств производных наречий выявляет ряд сходных черт и явлений, характерных как для наречий эвенкийского, так и монгольских языков.

Одной из таких особенностей является тенденция к оформлению производных наречий живыми продуктивными суффиксами, широко употребляющимися и для образования наречий от других грамматических разрядов слов.

В эвенкийском языке таким суффиксом может быть наречный суффикс -т, по происхождению своему представляющий собой суффикс творительного падежа.⁷ При помощи этого суффикса наречия образуются от существительных и прилагательных: тэдэ, 'правда', тэдэт 'правдиво'; уса 'плохой', усат 'плохо'; игды 'громкий', игдыт 'громко'. Некоторые наречия с этим суффиксом никогда не встречаются: нян 'опять', эси 'потом', уря 'недавно', а некоторое, /хотя и ограниченное/ число производных наречий встречается в двух формах - без этого суффикса и оформленное им. Наиболее распространенным примером подобного типа служит наречие сō 'очень'. Причем, форма сō встречается только в сочетании с прилагательными и наречиями. Напр.: Асаткан бичэн сō гое 'Девочка была очень красивая', Куцакан бичэн сō элкэ 'Ребенок был очень спокойный', Сб актыра бичэн 'Очень темно было', Ацадякан бегаду эсилэ сō аят бидевки 'Сиротка на дуне теперь очень хорошо живет'.⁸ В форме сōт наречие 'очень' изредка может употребляться в сочетании с наречиями и прилагательными: Цынакирвун сōт дыгарит уктлчэтин 'Наши собаки очень быстро побежали'; Тэр сōт бэркэ бичэн 'Он очень смелый был' /Эф,6I/, но чаще всего встречается в сочетании с глагольными формами. В этих случаях наречие сōт является скорее всего производным от существительного сō 'сила', а в качестве наречия сохраняет первоначальную семантику: 'сильно': Минэ сōт валадера 'Меня очень /сильно/ ругают' /Эф,90/, Бэвтэдери хутэви сōт аяэран 'Охотник сына своего очень /сильно/ любит' /Эф,6I, Сот нуливча 'Очень /сильно/ надмылено', Сбт одерял бээлвэ арай сэриздэв 'Крепко /сильно/ спавших людей еле-еле разбудил'.

В калмыцком языке наблюдается та же самая тенденция к оформлению некоторой части производных наречий наречными суффиксами. Наиболее часто в этой роли выступает суффикс - ар /-эр/, ведущий свое происхождение от суффикса орудного падежа.⁹ Таковы следующие наречия: удан /уданар 'долго', невчки /невчкнар 'немного' их /икар 'много'. При этом "неподкрепленные наречия" употребляются преимущественно в сочетании с именными формами и в тех случаях, когда наречие стоит не непосредствен-

Но перед определяемым им глаголом: Шял дотр невчки усн үлдэ, 'В бутылке немного воды осталось', Навчки едиг өг 'Немного хлеба дай', Удэн керм күлэвди 'Долго парохода ждали'. В позиции перед глаголом, наречием и прилагательным чаще всего употребляются "подкрепленные" наречия: Домброн удамар цокти 'На домбрене дощше играйте', Машина невчк хурдар йово 'Машина немного быстрее поехала', Невчкнэр дударад бээв 'Немного потеплело'.

Иногда такие же закономерности можно проследить и в бурятских примерах с подобного рода наречиями: Трактор удаан уһанда орожо байга 'Трактор медленно в воду опускался', Тэдэнэр удааннар ажаллада 'Они медленно работают'. Но в большинстве случаев в бурятском языке подобная тенденция не действует, и употребление двух форм наречий носит случайный характер: Хубсаһан бага муудаа хиргыда 'Одежда немного попортилась в дороге', Саахар багаар аба 'Сахару немного бери'.

Случаи "подкрепления" наречий продуктивными суффиксами были отмечены В.А.Аврориним и в янайском языке, относительно чего автором было высказано предположение, что это явление "может быть, со временем станет общепризнанной нормой"¹⁰. Это предположение подтверждается как материалами эвенкийского, так и монгольских языков. Многочисленные случаи употребления наречных суффиксов не только с непроизводными, но и с другими типами наречий свидетельствуют о намечающейся тенденции к переходу от факультативного употребления этих суффиксов к обязательному. Эта тенденция, возможно, отражает стремление языка к более последовательному выделению наречий в морфологическом плане. Эта последовательность особенно заметна в тех случаях, когда одни и те же словоформы могут функционировать и как прилагательные, и как существительные. Подтверждением этому служит и тот факт, что в качестве наречных суффиксов здесь выступают суффиксы "вторичные", т.е. суффиксы творительного /в эвенкийском/ и орудного /в монгольских/ падежей, взявших на себя дополнительную нагрузку словообразовательных суффиксов наречий, что свидетельствует как о сравнительно позднем возникновении этой тенденции, так и о широком развитии и пополнении категории наречий. Наличие нового качества в этих суффиксах

особенно ярко выявляется при образовании наречий от заимствованных слов. Напр., калм. ударн 'ударный' - ударнар 'ударно'.¹¹

С возможностью присоединения суффиксов к непроизводным наречиям связано еще одно явление, представляющее определенный интерес. И в монгольских и в тунгусо-маньчжурских языках можно выделить ряд своеобразных наречий, относительно которых трудно сказать, являются ли они производными или непроизводными. Эти наречия расчленяются на корень и суффикс - причем суффиксы могут быть как словообразовательными /подобно уже упоминавшимся наречным суффиксам/ так и словоизменительными /усилительными, уменьшительными и т.п./. При этом словоизменительные суффиксы могут терять свою семантику, либо даже передавать значения, противоположные своим основным значениям. В этих случаях они оказываются уже не словоизменительными, а словообразовательными суффиксами наречий. Подобная ситуация возникает тогда, когда основа, к которой они присоединяются, либо отсутствует в данном языке вообще /или является заимствованной/, либо существенно меняет свое значение. Поэтому вся словоформа в целом приобретает слитный характер и, в результате такого своеобразного взаимодействия корня и суффикса, она перестает члениться на морфемы с присущими этим морфемам обычными значениями.

Рассмотрим несколько подобных случаев в эвенкийском языке. Бү асекән нирмәйчавун 'Мы потихоньку стали подкрадываться' и Асекән тэгэткэд 'Тихо сиди'. В наречии асекән можно выделить основу асе - и уменьшительный суффикс - кән. Однако ни самостоятельно, ни в каких-либо других словоформах эта основа не встречается. Значение уменьшительного суффикса -кән тоже значительно ослаблено, если не исчезло совсем. В первом предложении более точным был бы перевод 'медленно' /м.б. 'помаленьку', тем более, что в маньчжурском существует словоформа всикан со значением 'маленький'¹², а во втором - 'тихо', 'спокойно', но никак не 'медленно'. Собственно значение 'медленно' передается в эвенкийском языке наречием ара-күкән /от арай 'едва'/. Таким образом, в обоих случаях мы

наблюдаем определенное преобразование исходных морфем. В предлогах *Асуулдун ицгидук ивдгин* 'Как много /сколько много/ у него денег' корневая морфема *зуу* /от *зугу*/ означает 'многого'; 'мало', *-хэвдүн* — усилительный суффикс. Следовательно, вся словоформа должна была бы означать 'очень мало', либо 'немного, маловато', чего мы на деле не наблюдаем.

В клишированном измен его явление можно проанализировать на примерах наречий *эгдэр* 'даром', 'бесплатно' и *зөвөр* 'правильно', 'хорошо', 'ладно': Би машид эгдэр суух брүүа 'Я в магазине бесплатно купил', Би тирөө эгдэр галга абуга 'Я брүүэ почти даром купил', Хувцга уйхаари, зөвөр уйх картга 'Хорошо купил одежду, Хорошо взял карты: В то же время основа *эгд* без суффикса — *эр* означает 'плат', 'нужность', а основа *зөв* — 'право', 'совокупность норм'.

Клишированней и подосновные явления в бурятском языке могут служить следующие наречия: *һая* 'только что' — при присоединении наречного суффикса *-аар* меняет свою семантику — *һаяар* 'наде' — *эр һаяар* /'скоро'. Два биде күбэ эжосбиде 'Только что мы охотили в кусты' и *һаяар* концерт гараха 'Скоро концерт неизвестен'. Суффикс — *маг*, обычно передающий направление качества, с этим наречием приобретает усилительное значение: *Һаяар тавьзда эжос һым* 'Совсем недавно к вам приходил'. Наречие *манга* 'крепко' с суффиксом — *аар* приобретает значение 'громко': *Дардла хэбтэгаге хэвэда манга хадаа* 'Плотник доску в сабору крепко прибил' и *Тэр оос мангаар хэргэдэге* 'В доме громко разговаривают'. Словоформа *яар*, означавшая 'плохой' и часто употреблявшаяся в этой же форме и значении усилительного наречия 'совсем' — *яар үгитэй совсом беднэй*,¹³ значившая наречия 'плохо' приобретает с суффиксом *-аар*: *Энэ хүнүүд караар ахаладаа* 'Эти люди плохо работают'.

Наречия, рассмотренные выше, представляют собой особого рода переходную группу к исторически производимым наречиям, т.е. к наречиям, поддающимся этимологизации, но суффиксы которых представляют собой омертвевшие образования, не функционирующие в живом современном языке как самостоятельные морфемы. В отличие от последних, суффиксы наречий в приводившихся предложениях являются продуктивными в современных языках, но упот-

раблается в несвойственной им роли, принимая, как правило, на себя большую семантическую нагрузку /из сисвокозменительных ставовась сисвообразовательными/, или "оливая" корень, утративший свое значение.

- 1 В отдельных работах эти же наречия несут название "коренных", см.лар., Д.А. А н з к о в а. Наречие в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, 1941, с.87
- 2 Подробный анализ этих форм см. Э.В. С е з о р т а н. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, с.167, 302
- 3 В квадратных скобках приводится транскрипция из "Календарно-русского словаря" под ред. Б.Д. М у н з а в а. М., 1977
- 4 Упомянутая группа наречий будет подробно рассмотрена автором в отдельной статье
- 5 Г л а д к о в а Е.И. Наречие в эвенкийском языке. Л., 1970, с.6 /Автореферат/
- 6 М о н р и е в М.У. Наречие в современном эвенкийском языке. М., 1974, с.13 /Автореферат/
- 7 К о н с т а н т и н о в а О.А. Эвенкийский язык. М., 1964, с.239
- 8 В о с к о б о в н и к о в М.Г. Эвенкийский фольклор. Л., 1960, с.91 Далее - ЭФ
- 9 М о н р и е в М.У. Указ. соч., с.6
- 10 А в р о р и н В.А. Грамматика эвенкийского языка. т.1, М.-Л., 1959, с. 225
- 11 М о н р и е в М.У. Указ. соч., с.8
- 12 З а х а р о в И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875
- 13 Бурятско-русский словарь. Составитель К.М. Ч е р е м и - с о в . М., 1973

МОНГОЛЬСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ $V+j+i$
И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Монгольский старописьменный язык сохранил сочетания $V+j+i$, встречающиеся, как правило, в начале или середине слова в сочетании $V+j / i /$, характерные конечных слогов. Данные сочетания монгольского письменного языка имеют двоякое происхождение: 1. $V+j+i < V+j+i$, 2. $V+j+i < V+j-g-w+i$, что устанавливается на основании сравнительного изучения соответствующих форм в тюркских языках. Например: 1. см. *ajiraq* 'вашилок из кислого молока, кумыс, айрак'; ср. кыр. *ajara* 'id', тюрк., уйг., ком., осм., дж. *airan*, кыр., алт. *айрав* < *ajiran* 'id'. 2. см. *ujila* - 'плакать', ср. тюрк., орх., уйг., ком. *uyula*, лоб. *uula* -, тоб. *uula*-, тел. *uula*- 'id', микр. *gingxa* 'тушить, грустить', монг. < *ujila* /I, 266-268/.

Переход $j-g-w$ в j объясняется палатализирующим влиянием i .

Комплексы $V+j / i /$ встречаются, как правило, на конце слов. В свое время они представляли собой сочетание гласного с полугласным, в котором отсутствовала долгота одного из элементов /I, 284/.

Например: см. *oj > oi* 'ум, разум', - *ojin ~ ojun* 'id' ср. тюрк., уйг., дж. *oi*, тел., кыр. *oi* 'ум, разум', уйг. *od* 'мысль', кыр. *oila* 'думать';

см. *dalaj > dalai* 'море' - *dalaj -in* /*dala -jin* /genitiv. < *dalai* ср. начертание орх. письменности *taluj* 'море'.

В процессе исторического развития монгольского языка данные письменные сочетания выполняли разные функции. Изначально, очевидно, каждый из их компонентов был самостоятельным элементом. В дальнейшем эти же письменные сочетания передавали дифтонги монгольского разговорного языка. Процесс трансформации указанных комплексов начался, очевидно, так же рано,

I. Подобное явление наблюдается в диалектах немецкого языка, где $-igi > iji > i$; $-egi > eji > ei$; $-age > aji > ei$ /8, 154/.

как в монгольском $V+j \sim g+V$ - , т.е. не позже XIX в. Предполагается, что эволюция их началась с ассимиляцией интервокального j в i под влиянием ударного переднего гласного /i, e/.

Переход в диглиты, данные монгольским в течение долгого времени сохранялись в этом качестве, о чем говорит наличие письменных памятников монгольского языка. Еще в XVIII в., очевидно, диглиты сохранялись и в казахском языке, которые преобладали в окрестном языке теми же сочетаниями, что и в письменном монгольском языке. Например: см. $qojin$ а > см. $qojino$ 'после'; см. $üjele$ - > каз. $üjiletqı$ 'дзлеть'.

В татяской транскрипции "Сокровенного сказания" наблюдается последовательное выпадение интервокального j в указанных комплексах. В очень редких случаях встречается сохранение интервокального j .

Например: см. $ojira$ > кит. т. $s-i$ -га 'ближний';
см. $qojitu$ > кит. т. $qo-i-tu$ 'следующий /год/';
см. $tejn$ > кит. т. $tejn$ 'так, таким образом';
см. $horai$ > $orai$ > кит. т. $horaji /jin /$ 'вершина, наклан';
см. $kedüi$ > кит. т. $ke-dui$ 'сколько'.

При этом следует отметить, что выпадение интервокального j характерно в этом памятнике лишь для сочетаний $V+j+i$, в то время как в сочетаниях $V+j+V$ j регулярно сохраняется, например: см. aju - aji > кит. т. $a-ju$ 'болеть';
см. $uñjen$ > кит. т. $u-ni-jen$ 'корова'.

В квадратном письме сочетания $V+j+i$ и $V+j /ä /$ передаются сочетаниями $V+ji$ /первых слогом/ и $V+g /g$ - /второго элемента/ в конечных слогах. Например:

см. $ajıtau$ > кв. п. $ajımaq$ 'аймак, административная единица';
см. $dalai$ > кв. п. $talaji$ 'море', 'великий';
см. $öljei$ > кв. п. $öljäg$ 'счеть'.

Памятники монгольской средневековой речи XII-XVI вв. передают указанные комплексы монгольского письменного языка сочетаниями $V+i$, за очень редким исключением - $V+j+i$. Эти сочетания в них отражают уже вполне сформировавшиеся диглиты /5,48/. Например: см. $ujlaqu$ > МА. $uila/ba$, Ст. сл. $uila$, L. $uila/ba$ 'плакать';

ошн. manglai > МА. manglai, ИМ. манлай, Л. manglai, Ст. сл. manglai 'люб';
ошн. tajila- > МА. tajilba 'распутна', ИМ. tajilaba 'открыл'.

Особенностью языка этих памятников является наличие *ai* в положении после *o* первого слога, например: ошн. noqai > МА. noqai, ЗМ. noqai, ИМ. noqai, Ст.сл. noqai, З. noqai 'собака'.

В обратной письменности "тодо бичиг" имеются идентичные старонисьменным формы сочетания на месте указанных комплексов. В "тодо бичиг" эти сочетания передают дифтонги разговорного ойратского языка /4,6; 2, 2Г8/. Например: ошн. tajilburi > слн. tajilburi 'объяснение'; ошн. moqai > ошн. moqoi 'змея'.

В современных монгольских языках на месте старонисьменных сочетаний $V+j+i$ и $V+j /i/$ имеются три основных формы: 1. дифтонг - $V+i$; 2. долгий гласный - \bar{v} ; 3. краткий гласный - v .

Дифтонг - $V+i /v+v/$

Эта форма представлена в большинстве современных монгольских языков. Нет дифтонгов только в калмыцком языке, в близком ему говоре уральских калмыков и, за редким исключением, в говорах Внутренней Монголии.¹ Кроме этого не отмечено наличие дифтонгов в дунсянском языке /9/. Однако на месте старонисьменных комплексов в данном языке часто встречается сочетание $V+i$, как и во всех других монгольских языках, и как противоположность ему сохраняется сочетание $V+j+i$.
Например: ошн. yuji- > дунс. roji 'просить';
ошн. sajiqan > дунс. сайдан, см. саёхан, бур. сайхан 'красивый';
ошн. malai > дунс. мани ~ маји 'нам', ср. совр. монг. манай 'нам';
ошн. yaqai > совр.монг. гахай, мон. yōqai, баован. хэй

1. А. Д. Руднев отмечал, что "дифтонги письменного языка в виде общего правила развились в один гласный, не всегда долгий в восточных говорах" /6,193/.

'свнцзя';

опш. kūjiten > совр.монг. хуйтен, ннх.ннгр. куїтен, дат. kwiten, дуно. куїчен, бур. хуйтан 'холодно, холодный';
спн. ūjile > ннгр. уїле, дуно. уїліз, дарх. ūⁱлэ ~ уїлэ 'дале, работа';

опш. qajilqu > совр.монг. хайзах, дарх. хайзахэ 'растаять'.

Дифтонги в дархатоком говоре обладают некоторыми особенностями: они не встречаются в последних слогах, первый гласный этого сочетания является долгим и основным звуком, а и лишь элементом рекурсии" /7, II/.

В языке уральских калмыков дифтонги сохранились лишь в отдельных грамматических формах, например: в повелительной форме третьего лица / - батутэй - 'дусть останется', вртутэй - 'дусть придет'/, кроме того - в отдельных словах, выражающих родственные отношения - авай 'девушка', какай 'мать', дудей 'отец' или в собственных именах Сэхэй, Олзэй /8, 50/.

Спорадически дифтонги встречаются и в восточных говорах, например, опш. qoɣolai > д.-б. хойлоі 'горло';

спн. ilerqei > гора. ілерхеі 'язвнй, очевадный';

спн. moɣai > а.-х. моґоі 'змея'.

В ногольском языке наряду с дифтонгами встречается сочетание двух гласных, в котором гласный і долгий в первых и последующих слогах, а оба гласных долгие в конечных слогах.

Например: спн. sai > мон. с̄оі 'чай';

спн. moɣai > мон. мау оі 'змея';

спн. ojuqu > мон. оіно 'нить'.

В диалекте хуцау монгурского языка в некоторых примерах наблюдается развитие старописьменных монгольских комплексов в сочетании двух гласных, где второй гласный долгий.

Например: спн. qojin a > ннгр. хуїно 'после';

спн. soluxai > ннгр. солхуэ 'левый';

спн. kūjiten > ннгр. куїтен 'холодно, холодный';

спн. gūjice > ннгр. куїдже 'быть в состоянии, снравиться, выполнить'.

Долгий гласный - \bar{v}

Полная монофтонгизация дифтонгов и переход их в долгие

гласные, независимо от позиции в слове, сохранились в калмыцком языке. Например: смн. $a\ j\ i\ m\ a\ \gamma$ > калм. $\bar{a}m\bar{g}$ 'район, административная единица';

смн. $n\ \bar{e}\ \bar{q}\ \bar{a}\ i$ > калм. $n\ \bar{o}\bar{x}\bar{a}$ ~ $n\ \bar{o}\bar{x}\bar{i}$ 'собака';

смн. $n\ \bar{e}\ j\ i\ t\ o\ n$ > калм. $n\ \bar{o}\bar{x}\bar{i}$ 'мокрая, влажная'.

То же произошло в восточных говорах, где дифтонги развились в один гласный, однако не всегда долгий.

Например: смн. $a\ j\ i\ l$ > вост. $\bar{e}\bar{l}$, $\bar{e}\bar{l}$ 'ейла, озеро';

смн. $t\ \bar{e}\ \bar{q}\ \bar{a}\ i$ > а.-х. $t\ \bar{o}\bar{x}\bar{o}$ 'локоть';

смн. $s\ \bar{a}\ j\ i\ n$ > а.-х., горн. $\bar{o}\bar{s}\bar{n}$ 'хороший'.

Полная монофтонгизация дифтонгов в долгий гласный наблюдается в конечных слогах в диалекте хунзу монгольского языка и в дархатском говоре. Дифтонги неконечных слогов в этих языках лишь в некоторых случаях развились в долгий гласный.

Например: смн. $b\ \bar{o}\bar{k}\ \bar{o}\bar{j}\ i$ > ингр. $b\ \bar{u}\bar{k}\bar{i}$ 'окукаты, поникаты; исколенты';

смн. $d\ \bar{u}\bar{l}\ \bar{e}\bar{i}$ > ингр. $d\ \bar{u}\bar{l}\bar{i}$, даг. $d\ \bar{u}\bar{l}\bar{i}$, совр. монг. $d\ \bar{u}\bar{l}\bar{i}$ 'глухой';

смн. $t\ \bar{e}\ \bar{q}\ \bar{a}\ i$ > дарх. $t\ \bar{o}\bar{x}\bar{a}$ 'локоть';

смн. $\bar{s}\bar{a}\bar{i}$ > совр. монг. $n\ \bar{a}\bar{e}$ ~ $n\ \bar{d}\bar{a}$, бур. $\bar{o}\bar{s}$, даг. $\bar{c}\bar{e}$, калм. $n\ \bar{d}\bar{a}$ 'чай'.

В ряде примеров в диалекте хунзу монгольского языка на месте старонисыенных монгольских сочетаний $V+j+i$ встречается долгий гласный, предшествующий склываемым i .

Например: смн. $\bar{e}\bar{o}\bar{i}$ > ингр. $u\ \bar{r}\bar{i}\bar{e}$ 'псадно';

смн. $n\ \bar{e}\ j\ i\ l\ e$ > ингр. $n\ \bar{i}\bar{b}\bar{l}\bar{i}\bar{e}$ 'присоединяться, объединяться'.

Краткий гласный

Эта форма характерна дунсянскому, баоаньскому языкам, диалекту минхэ монгольского языка и говору уральских калмыков. Встречается краткий гласный на месте старонисыенных комплексов и в восточных говорах, чередуясь с долгим гласным.

Например: смн. $j\ \bar{u}\bar{j}\bar{i}\bar{l}$ > орд. $\bar{c}\bar{u}\bar{l}$, $\bar{c}\bar{u}\bar{l}$ 'род';

смн. $n\ \bar{a}\ j\ i\ \bar{q}\ \bar{a}\ n$ > Г. $n\ \bar{i}\bar{x}\bar{a}\ n$ 'штер';

смн. $k\ \bar{u}\bar{j}\bar{i}\bar{t}\bar{e}\bar{n}$ > баоан. $k\ \bar{i}\bar{t}\bar{a}\ n$ 'холодно, холодный';

смн. $n\ \bar{e}\ j\ i\ r$ > минх. ингр. нор, дуо. но, басан. нор 'сон';

смн. $\bar{s}\bar{a}\ j\ i$ ~ $\bar{s}\bar{a}\bar{i}$ > дуо. $\bar{c}\bar{a}$, баоан. $\bar{c}\bar{a}$ 'чай';

спм. *ujila-* > ур.калм. *ужь* 'плакать'.

Если во всех указанных выше языках краткий гласный на месте старомонгольских комплексов $V+j+i$ встречается в любой позиции в слове, то в дунсянском языке он не наблюдается, как правило, лишь в конечных слогах. Имеет место в ряде примеров краткий гласный и в диалекте хуцау монгорского языка.

Например: спм. *ajimaɣ* > мнгр. *имаг* 'клан, племя';

спм. *kedui* > мнгр. *кидин, кид нге* 'сколько';

спм. *šimaji* > мнгр. *чиму* 'тебя, тебе';

спм. *qaranguui* > мнгр. *харангу, карангу* 'темнота, темный'.

Краткий гласный, предшествующий скользящим *i*, в небольшом количестве примеров встречается в дунсянском языке.

Например: *najiman* > дунс. *ниман* 'восемь';

спм. *majil-* > дунс. *мив гив* 'боятся'.

Сохранение интервокального *j* в комплексах $V+j+i$ в современных монгольских языках наблюдается в очень редких случаях. Можно привести лишь несколько примеров с этой формой.

Например: спм. **axil* > *ajil* > дунс. *авын, мнгр. ажил* 'село, деревня'.

спм. **aju* > *aji* > мнгр. *аји*, дунс. *аји*, баоан. *аји* 'бояться, испугаться', совр.монг. *аэ* - 'бояться';

спм. *ajaɣa* > баоан. *аји гэ /- јица/*, ср. калм. *аь* 'чашка, пиала', совр.монг. *ајата* 'пиала'.

В современных монгольских языках наблюдаются следующие звуковые соответствия монгольским письменным сочетаниям:

I. *aji*

aji > *аэ* - в современном монгольском и бурятском языках;

aji > *аі*, *аји* - в баоанском и дагурском языках, и в диалекте минхэ монгорского языка;

aji > *аі*, *оі*, *еі* - в ногольском языке;

aji > *а̄і*, *а̄ји* - в дархатском говоре.

Примеры:

спм. *sajin* > совр.монг. *сайн*, бур. *һайн*, мон. *сōin*, даг. *saikan* 'хорошо, красивый', дунс. *саиван* 'красивый, чудесный';

син. qajidi > освр.монг. хяёч, минх.ингр. кеиджи, дунс.

kaich, монг. qeidi 'носкици';

син. aji - > aji - > монг. aina, басоя. aji, ингр.

aji, дунс. aji - 'боятся, полугаться';

син. qajilaqu > дарх. хяйлахя, освр.монг. хяёла 'растать'

2. aji > ē, а /редко ai/ в монгольских языках Китая, в восточных говорах, в говоре уральских калмыков и в дагурском языке

aji > ā - во всех примерах реализовано в калмыцком языке

Примеры:

син. ajil > д.-б., удх., а-х., горл. ēl ~ al, калм. āl 'село';

син. zaiqan > калм. сәхи, ингр. сәхан /сәхан/, басоя.

сәхад 'красный', монг. sēin 'хорошо';

син. qajici > ингр. хөдж, ур.калм. хэч, калм. хяч 'носкици';

син. qajila- > минх.ингр. хяйла, басоя. хяёла 'кричать /о животных/';

син. baji- -> ингр. bē, дунс. bai 'есть, быть, иметься'

aji > ē~а с палатализацией предыдущего согласного в некоторых примерах в дагурском языке.

син. bai > даг. ч'б 'чай'.

3. Как исключения наблюдаются следующие формы:

а, ia - в дунсянском языке и в диалекте минхэ;

ei, i - в диалекте хуцау и в могольском языке.

Примеры:

син. najiman > дунс. niaman, ингр. nīman 'восемь';

син. baji -> минх.ингр. бан, монг. байна, басоя. vi~ва,

дунс. bi 'иметься, находится';

син. ajimaу > ингр. imay 'клан, племя'.

aj /i/ - конечных слогов во всех языках имеет тенденцию монофтонгизироваться.

1. ai > äē, ā; öē; uī~ū - под лабиализирующим влиянием о или i предыдущего слога, в современном монгольском, бурятском и дагурском языках.

I. Здесь в далее - монгольские языки Китая - басоянский, дунсянский, монгорский языки.

В некоторых восточных говорах $ai > ai$

Примеры:

спм. $\dot{t}aula >$ совр.монг. $\dot{t}ul\bar{a}\bar{e}$, бур. $\dot{t}ul\bar{a}\bar{e}$, орд. $\dot{t}ul\bar{a}\bar{i}$
'заяц';

олм. $solu\dot{y}ai >$ совр. монг. $sol\bar{g}\bar{o}\bar{e}$, даг. $sol\bar{g}\bar{o}\bar{i}$ 'левый /
руке/';

2. $ai > ai$, $\bar{a}\bar{i}$ - в нескольких примерах в монгольском языке и в диалекте минхэ монгурского языка.

Примеры:

спм. $no\dot{q}ai >$ минх.мигр. $no\bar{k}\bar{o}\bar{i}$, совр.монг. $no\bar{x}\bar{o}\bar{i}$ ~ $no\bar{x}\bar{h}\bar{o}\bar{e}$
'собака';

олм. $mo\dot{y}ai >$ монг. $mo\bar{y}\bar{o}\bar{i}$ 'змея'.

3. $ai > ai\bar{e}\bar{i}$ - в баоанском и дунюанском, монгольском языках и в диалекте минхэ.

Примеры:

спм. $\dot{t}aulai >$ дунс. $\dot{t}aul\bar{a}\bar{i}$ 'заяц';

спм. $\dot{y}aqai >$ минх.мигр. $ha\bar{z}\bar{e}\bar{i}$, баоан. $z\bar{e}\bar{i}$, монг. $y\bar{o}\bar{q}\bar{a}\bar{i}$
'свинья';

4. $ai > ue,ui$ - в монгурском и в баоанском языках.

спм. $mo\dot{y}ai >$ мигр. $mu\bar{z}\bar{u}\bar{e}$, минх.мигр. $mu\bar{z}\bar{u}\bar{i}$ 'змея';

спм. $no\dot{q}ai >$ баоан. $no\bar{z}\bar{u}\bar{i}$ 'собака';

спм. $qula\dot{y}ai >$ мигр. $ko\bar{l}\bar{u}\bar{e}$, минх.мигр. $ko\bar{l}\bar{u}\bar{i}$, монг.
 $qul\bar{a}\bar{y}\bar{e}\bar{i}$ 'вор';

5. $ai > \bar{e} \sim e \sim \bar{a}$ - в диалекте хунцау монгурского языка, в восточных говорах;

$ai > \bar{a} \sim a$ - в калмыцком языке, дархатском говоре, в говоре уральских калмыков;

спм. $di\dot{t}ai >$ мигр. $dal\bar{i}$, вост. $de\bar{l}\bar{e}$, $de\bar{l}\bar{e}$, $te\bar{l}\bar{e}$, калм. $dal\bar{a}$
'море';

спм. $\dot{t}aulai >$ даг. $\dot{t}aul\bar{e}$, дарх. $\dot{t}ul\bar{a}$ 'заяц';

спм. $an\dot{g}ai >$ мигр. $an\bar{g}\bar{e}$ 'раскрывать, открывать';

спм. $ma\dot{y}ai >$ ур.калм. $max\bar{a}$, калм. $max\bar{a}$ 'шапка'.

6. $ai > i, i$, - в некоторых примерах в монгольских языках Китая. Переход $ai > i, i$, наблюдается в этих языках после о или и первых слогов.

Примеры: спм. $\dot{t}aulai >$ мигр. $\dot{t}ul\bar{i}$, минх.мигр. $\dot{t}ul\bar{i}$, баоан. $tol\bar{i}$
'заяц';

спм. soluxai > дунс. соді 'ловный /о руке/'.
Встречаются случаи выпадения конечного ai, например:

спм. noqai > даг. нод, горя.,дж. вох, горл.нох/о/ 'собака';
спм. tuxurai > совр.монг. түр ~ түраё 'копыто'.

II. eji

1. eji > i~i - в большинстве монгольских языков;
eji > i~ē - в дархатском и восточных говорах;
eji > ie - в некоторых примерах в диалекте хуцзу монгольского языка.

Примеры:

спм. dejil- -> совр.монг. дїл, бур. дїл, калм. дїл, дарх. дєлхє 'одолеть, победить';

спм. ejimu > совр.монг. їм, бур. їмє, ур.калм. имь, калм. їмь 'этаким';

спм. nejile- > горл.,дж., нїл, дарх. нїлхе, мнгр. нїелє 'соединяться, объединяться'.

2. eji > eї - характерно для лагурского языка.

Примеры:

спм. ejimü > даг. єїмєр 'этаким';

eї - конечных слогов.

1. eі > i~i, ē~e~ē - в большинстве языков.

Примеры:

спм. ūgei > мнгр. угуї, мнгр.мнгр. угуо, мог. ūgei, боовн. гї/гинэ/, совр.монг. угуї, угує 'нет, не';

спм. erbedekei > тум. ервєхе, совр.монг. эрвєхї 'бабочка';

спм. dülei > мнгр. дулї, даг. дулї, калм. дула 'глухой';

спм. tūdikai > мнгр. тєгї, дунс. тутунї, дарх. туха 'сырой, недосваренный';

спм. kei > совр.монг. хї, бур. хї, ур.калм. кї, калм. кї, мнгр. кї, боовн. кї, даг. кїн, мог. кеї 'воздух'.

2. eі > u, эї - в дунсянском языке;

eі > eї - в могольском языке.

Примеры:

спм. dülei > дунс. дулє 'глухой';

спм. kei > дунс. кєї, мог. кеї 'ветер';

спм. ūgei > мог. ūgei 'нет, не'.

3. uji

1. uji > uī , uī - в монгольском, бурятском, дун-сянском языках.

uji > ūī / ūī / - в дархатском говоре;

uji = oji > oai - в дагурском языке, в начале слова - woai .

Примеры:

спм. ujitan > совр.монг. уйтан, бур. уитан 'узкий';

спм. ujila- > совр.монг. уила-, дунс. уила-, дарх. уилаха 'плакаты';

спм. qojina > даг. ховин 'задняя часть'.

2. uji > ū - ū - в калмыцком языке и

uji > u - ū - в говоре уральских калмыков;

uji > ū - ue - ua - в восточных говорах.

Примеры:

спм. qijiqe > калм. хух, бур. хуха 'кожа черепа';

спм. ujila- > калм. ульх, ур.калм. улхъ, герл. uel , ūl , д.-б. ual , ual 'плакаты'.

спм. qujila- > калм. хул- 'подниматься /о вихре/'.

3. uji > ju - в диалекте хуцэу в начале слова

спм. ujitan > мнгр. jutan 'узкий, тесный'.

uī - конечных слогов

1. uī > uī - ī - в монгольском, бурятском языках

спм. qarandui > совр.монг. харандуи , бур. харанги 'темный';

2. uī > u - в монгольском языке

uī > uī - в монгольском языке

спм. qarandui > мнгр. харанду, мнх.мнгр. каранду, сог. qarandui 'темный';

3. uī > ū , u , ī - в калмыцком языке и в говоре уральских калмыков

uī > a, u - в дархатском говоре

Примеры:

спм. qarandui > калм. харанду, дарх. харанха 'темный, темнота';

спм. darui > ур.калм. дару 'вскоре'.

4. uji

I. $\bar{u}i > \bar{u}i$, ui - в большинстве языков в первых слогах

$\bar{u}i > ui$ I - в монгольских языках Китая.

Примеры:

спм. $\bar{u}jile-$ > совр.монг. $\bar{u}ile-$, бур. $\bar{u}ile-$, дуно. $uile$, дарх. $\bar{u}ile-$, даг. $\bar{u}id-$ 'делать', нигр. $uile$ 'дело'.

2. $\bar{u}i > \bar{u} \sim i$, ui , \bar{u} - в калмыцком языке, в говоре уральских калмыков, в восточных говорах.

Примеры:

спм. $\bar{u}jile >$ калм. $\bar{u}i$, ур.калм. $\bar{u}i$ 'дело';

спм. $\bar{q}ujiten >$ калм. ki ти, ур.калм. ki ти, удж., д-б. hi ти $\bar{u}i$ ти 'холодно'.

В монгольских языках Китая иногда встречается монофтонг, например: спм. $kujiten >$ баован. ki тен 'холодный';

спм. $sujike >$ нигр. si те, бур. hi хе 'серьга'.

В диалекте минхе монгурского языка и в монгольском языке наблюдается развитие этого комплекса в сочетании двух гласных, где второй гласный долгий.

Примеры:

спм. $kujiten >$ нигр. ku итен 'холодно';

спм. $gujice-$ > нигр. ku иджа 'быть в состоянии справиться с ч.-л.';

спм. $\bar{q}uji - >$ нигр. hu i , монг. $\bar{q}u$ iна 'бежать, бегать'.

$\bar{u}i$ - конечных слогов в большинстве языков имеет такое же развитие как и uji в первых слогах

I. $\bar{u}i > \bar{u}$, ui , \bar{u} ,

$\bar{u}i > \bar{e} \sim e$ - в восточных говорах.

Примеры:

спм. $edui >$ дж. udu i , горя. udu i , все вост. ude , $\bar{u}de$, ude , ude , калм. $ed\bar{u}$, совр.монг. $ed\bar{i}$ / $tod\bar{i}$ / 'столько, еще не';

спм. $kedui >$ монг. $ked\bar{u}$, баован. кат.о, ур.калм. $ked\bar{u}$, совр. монг. $hed\bar{i}$ 'сколько'.

5. oji

I. $oji >$ $o\bar{o}$, oi - в монгольском, бурятском, дунсян-

I. В монгольских языках Китая нет переднеязычных \bar{u} и \bar{o} , откуда их своеобразное развитие переднеязычных комплексов.

ском, монгольском и монголском языках.

Примеры:

опш. oi > совр.монг. оё, бур. оё, минх.мигр. хоі 'лес';

опш. nojitan > совр.монг. ноётан 'сырой, влажный';

опш. qojina > совр.монг. хоёна, минх.мигр. хоіно, монг. qojina, дунс. куіна 'после, позади'.

2. в дагурском языке и дархатском говоре комплекс oji получили такое же развитие как и uji

3. oji > o, ö - в калмыцком языке и в говоре уральских калмыков.

Примеры:

спш. qojina > калм. хон, ур.калм. хон 'после';

спш. ojir > калм. ор 'близко'.

4. oji > i, ö-о, i - в монгольских языках Китая.

Примеры:

спш. nojitan > мигр. нитен, баоан. нитан 'сырой';

спш. nojir > мигр. нор, минх.мигр. нор, дунс. но, баоан. нор 'сон'.

5. oji > ue - в диалекте хуцзу монгольского языка

спш. qojina > мигр. хуёно 'после, позади'.

Список литературы

1. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
2. Павлов Д.А. Развитие дифтонгов в монофтонги в калмыцком языке. - Исследования по восточной филологии. М., 1974.
3. Павлов Д.А. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. - Записки Калмыцкого НИИЯДи, № 3, Э., 1964.
4. Попов А.В. Калмыцкая грамматика. Казань, 1847.
5. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Л.-М., 1938.
6. Руднев А.Д. Материалы по говорам Восточной Монголии. Спб., 1911.
7. Санжеев Г.Д. Дархатский говор и фольклор. Л., 1931.
8. Серебrenников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
9. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1963.

Список сокращений

алт.	- алтайский
а.-х.	- ару-хорчин
баоан.	- баоаньский
бур.	- бурятский
вост.	- все восточные говоры
горл.	- горлос
даг.	- дагурский
дарх.	- дархатский
д.-б.	- дурбут-бэйсэ
дж.	- Джасту
дунс.	- дунсянский
ИМ.	- словарь Ион-Муханны
калм.	- калмыцкий
кв.п.	- квадратное письмо
кир.	- киргизский
кит.т.	- китайская транскрипция
минх.мнгр.	- диалект минхэ монгурского языка
МА	- Мукаддимаг ал-Адаб
мог.	- могольский
монг.	- монгольский
манжр.	- маньчжурский
орд.	- ордосский
орх.	- орхонские письмо
осм.	- османский
совр. монг.	современный монгольский
спк.	- старописьменный калмыцкий /"тодо бичиг"/
спм.	- старописьменный монгольский
Ст.сл.	- Стамбульский словарь
тел.	- телеутский
тум.	- тумутский
турк.	- турецкий
удж.	- уджуленин
уйг.	- уйгурский
ур.калм.	- говор уральских калмыков
хуцз. мнгр.	-диалект хуцзу монгурского языка
L	- Лейденский глоссарий
ZM	- Зирни манускрипт

АКАДЕМИК Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ И ПРОБЛЕМА ДВУЯЗЫЧИЯ

Проблема двуязычия, имевшая общетеоретическое значение, актуальна и для монгольских языков, носители которых по разным историческим причинам оказались разбросанными далеко друг от друга — на территории разных стран и в результате длительных контактов с различными народами их языки претерпели существенные изменения. В связи с этим монгольские языки представляют необычайно богатый материал с точки зрения изучения языковых контактов и проблемы двуязычия. В настоящее время проблема билингвизма, как специальный объект изучения, приобрела особую актуальность, о чем свидетельствуют имевшиеся исследования на материале разных языков /Ис. 18, 18-25; 8, 3-12; 9, 62-74; 1, 124-155 и др./ . Определенный интерес представляют в этом отношении данные, имевшиеся в исследованиях Б.Я.Владимирцова. Вопросы языковых контактов нашли отражение во введении к "Сравнительной грамматике..." /5/, в которой Б.Я.Владимирцов, указывая на территориальное расселение монголоязычных племен, дал классификацию монгольских наречий,¹ говоров и установил "связь монгольского с другими языками". В этих разделах введения Б.Я.Владимирцов изложил следующее: 1/ какие "монголы" на каких монгольских наречьях говорят; 2/ какие "немонгольские племена" говорят на монгольском языке, для которых последний является подсобным языком. Здесь по существу речь шла о двуязычных китайские колонисты /ремесленники, торговцы/ на территории Монголии, овладевших монгольским языком в результате повседневного контакта с местным населением. О двуязычных русских, находившихся в контакте с халхасами, бурятами и калмыками, тоже говорится, что они, проживая по соседству с ними и среди них, говорят на "местных монгольских говорах". Относительно турк-

1. Монгольские языки: бурятский, монгольский, калмыцкий, дагурский и др. характеризуются Б.Я.Владимирцовым наречиями, диалектами.

оких племен отмечено, что у танну-тувицев, танну-урянхайцев монгольский язык был языком культуры, а сойоты двуязычны, так как они хорошо говорили по-монгольски. "Многие киргизы С.-В.Монголии хорошо владеют одним из ойратских говоров", - пишет Б.Я.Владимирцов. /5,14/.

3/ Закончив обзор немонгольских "племен", говоривших на "монгольских наречиях", Б.Я.Владимирцов также отметил, какими еще языками владели монголоязычные "племена", кроме своих родных. По признанию автора почти все ишане монголы и баргу-буряты, дагури находятся под воздействием китайского языка. "Многие представители этих племен, говорящие на соответствующих монгольских диалектах, - писал Б.Я.Владимирцов, - не только хорошо владеют китайским, но часто являются двуязычными, одинаково владея своим монгольским говором и одним из китайских диалектов. В результате замечается в некоторых местах процесс окитавания монгольского населения, процесс все более и более усиливающийся за последнее время" /5,15/.

Далее автор отмечает монголо-тибетское двуязычие монголов, живущих на окраине Китая и Амдо на Куку-Норе, Тибете, а также монголо-персидское двуязычие монголов в Афганистане.

Относительно владения русским языком, Б.Я.Владимирцов писал, что "очень многие буряты и калмыки, в особенности получившие европейское образование, отлично владеют русским языком, который в той или иной мере известен и другим группам бурятского и калмыцкого населения, общаются с русскими. За самое последнее время русский язык стал по-немногу проникать и к халхасам, а также к ойратам С.-З.Монголии, являясь проводником европейской культуры, посредником между Монголией и Западом" /5, 15-16/.

Таким образом, монгольские народы говорили на русском, китайском, тибетском, таджикском языках. Таков исторический фон проблемы двуязычия на материале монгольских языков, представленный академиком Б.Я.Владимирцовым полвека тому назад.

Б.Я.Владимирцов обратил внимание не только на языковые контакты монголоязычных народов с другими народами, но им также отмечено взаимодействие монгольских наречий, т.е. языковые контакты в сфере монгольского языкового мира. Эта идея

изложена в работе "О двух сменных языках Западной Монголии" /4, 32-52/.

В данной статье Б.Я.Владимирцов отразил свои наблюдения над живым процессом смешения "диалектов" на территории Западной Монголии во время неоднократных поездок и проживания там около двух с половиной лет. Б.Я.Владимирцов отмечал, что страна эта может быть любопытна для всякого лингвиста, благодаря тому, что там сталкиваются и тесно соприкасаются между собой ряд языков и наречий: монгольский в лице своих наречий, в свою очередь представляемых многими говорами, главными из которых являются наречия: халхаское, бантское, дэрбэтское, захачинское, торгутское и хотогойтское; турецкий, представленный наречиями: киргизским, урянхайским, хотонским, алтайско-урянхайским /часть алтайских урянхайцев давно уже омонголилась и говорит на особом наречии, другая же часть этого племени говорит на особом наречии турецкого языка, значительно отличающемся от говоров северных урянхайцев/. Б.Я.Владимирцов писал, что монголу из Западной Монголии часто приходится слышать разные языки, и еще чаще приходится общаться с представителями других монгольских племен, также очень и очень часто слышать и ту странную монгольскую речь, на которой обычно говорят с одной стороны русские, с другой стороны китайские торговцы, где морфология и лексика монгольские, а фонемы русские или китайские соответственно /4,33/. Здесь автор показал не только контакты между представителями разных языковых миров, но также указывает и на явления фонологической интерференции в монгольской речи немонголоязычных бидингзов. Однако основное внимание автора было направлено на выяснение сущности смешения халхаского и ойратского наречий, диалектов.

Б.Я.Владимирцов полагал, что монгольские наречия Западной Монголии представлены двумя большими группами: халхаским и ойратским. Кроме них еще было хотогойтское наречие, которое, по мнению Б.Я.Владимирцова, образовалось в более отдаленную эпоху в результате смешения халхаского и ойратского наречий. Это наречие фиксируется как факт состоявшегося смешения, но объектом анализа стал непосредственно наблюдаемый автором живой процесс смешения халхаского и ойратского "наречий", носи-

юсти Восточных Проклятых на близком, пограничной территории, на окраинах поселений Бантов и Калхасов — ольдигенов, т.е. в восточной части гор Ала-Хухей, в прилегающих Стенях и на границе поселений Калхасов и Калхасов на реке Давыкина, а также в других местах, напр., в долине Закачкинов и Калхасов /4, 5/. Возникновение особого типа "смешанного наречия" обусловлено объективно-экономическими причинами. Близость этих "местных говоров" имеет для своего узла — Молда, вне его социально-экономических отношений. Е.Я.Владимирцов отмечал, что восточнее пограничных поселений произошло в виде обособленных групп развитие под влиянием развития носимой торговли и близости к Молда. Везде среди них встречались смешанные калхаско-сиратские диалекты, которые также способствовали образованию "смешанного самосознания". По признакам автора смешанного диалекта сиратов из "особого смешанного диалекта", который не является ни калхаским, ни сиратским, и "диалекта сиратов одного из носимых смешанных говоров" берет хорошо развитый ко-чиготский и ко-калхаский. Своим диалектологическим анализом автор подкрепляет исторически данными особенности, лексика и синтаксис. Водичев в своем языковом подразделении наблюдает особенность Я, не употребляемая ни в сиратских "диалектах", ни в калхаских и которую не с мест правильно воспроизвести "как нормальный сират, так нормальный /лингвистически/ калхас" /4, 88/. Вместе с тем в этом говоре обнаруживаются черты и сиратского и калхаского наречий. Это один, так называемый, смешанный язык по определению Е.Я.Владимирцова, который в статье именуется и говором, и диалектом. Следует отметить, что автором зарегистрирован конкретный языковой процесс близости на стыке двух родственных языков.

Вторым смешанным языком Е.Я.Владимирцов считает устный литературный язык сиратов в сиратской части Западной Монголии в Кобдоском скруте, который существует в "перемешанном виде" с разными сиратскими говорами. Следовательно, здесь смешение много содержания, чем в первом типе "смешанного наречия", так как в данном случае говорится о диглоссии, о соотношении разных форм сиратского языка.

Идея о сменении ~~языков~~ / по существу повествующая о билингвизме и диглоссии/ на материале именно монгольского этнического мира была впервые высказана акад. Б.Я.Владимирцовым, исследовавшим живой процесс происходящего смещения, в результате образующего новую языковую общность, не совпадающую с этническим признаком говорящих. Автор подчеркивал, что этнический признак не всегда совпадает с языковым признаком.

В этих работах Б.Я.Владимирцов очень кратко, но четко дал понять, что в результате повседневного бытового контакта разных народов завершается этот контакт двуязычием, следующей ступенью которого является смещение языков, завершающееся в одних случаях образованием нового языка, в других - ассимиляцией. Это можно рассматривать как общераспространенное явление, свойственное не только монгольским языкам.

Результаты по исследованиям современных монгольских языков во многом, но не во всем, подтвердили правомерность этого взгляда Б.Я.Владимирцова.

Прежде всего, качество, сам характер двуязычия и его последствия зависят от целого ряда экстралингвистических и интралингвистических факторов к которым относятся:

1. Структурно-типологическое соотношение контактирующих языков, т.е. одним из главных предопределяющих условий в направлении развития контактирующих языков является генетическая связь последних. При этнической близости носителей этих языков имеет место одни результаты, при отсутствии генетической общности - другие.

2. Общественно-политический статус самих носителей языков, их культурно-экономический уровень и численный состав.

3. Большое значение имеет общественный, государственный строй той среды, в которой живут носители контактирующих языков.

4. Соотношение социальных функций этих языков.

Эти четыре фактора неразрывно связаны между собой как составные компоненты единого целого. Из собственно лингвистических факторов решающую роль играет именно соотношение структурно-типологических систем контактирующих языков. В случа-

их контакта с близкородственными языками образуется новый диалект или говор одного из контактирующих языков, на территории которого оказывается данный языковой коллектив. По мнению Б.И. Владыкинского в подобных ситуациях образуется новый самостоятельный язык, отличный от контактирующих языков.

Однако фактические данные говоров и диалектов бурятского языка показывают несколько иные результаты. Как известно, бурятский язык представляет собой неструе лингвистическую картину. Между явными диалектами и говорами бурятского языка наблюдаются значительные расхождения, объяснимые, возможно, этническим разнородным составом современного бурятского народа. С этой точки зрения особые внимание привлекают цонгольский, сартульский, хамнигелский и хилмуудинский говоры и диалекты бурятского языка.

Безотая сартульского и цонгольского говоров представляют обуряченные монгольский род цонголов и род сартулов, которые, по мнению Г.Д. Санжеева, являются этнодами из правых племен, ассимилировавшихся с монголами. Такую же двойную ассимиляцию претерпели хамнигеле тунгусского происхождения, значительная часть которых ассимилировалась в монгольской среде, затем, переместившись на северной территории с бурятами, претерпели этническую к языковому ассимиляцию. При этом хамнигеле, живущие на территории Монголии, являются себя монголами, а хилмуудинские бурятского наместничьего округа Читинской области называются и считаются бурятами.

Основной состав хилмуудинских бурят составляет обуряченные ойратские роды: орнон, туралег.

В монголоведной литературе имеются данные о том, что отдельные разрозненные группы ойратов в силу неблагоприятных для них исторических условий покинули родные места и поселились среди бурят в XVII-XVIII вв.¹ /18,9/, либо в XVI-XVII вв.

Материалы диалектологических исследований /2;3;6/ показывают, что эти небольшие по своему численному составу этниче-

1. Ц.Б. Дидендамбаев отмечает, что ойраты поселились преимущественно на территории расселения западных бурят среди хилмуудинских, эхирит-булагатских и аларо-унгунских бурят в XVI-XVII вв. /См. 19, 326/.

сия ближе-родственные группы монгольских, ойратских родов, ассимилировались с бурятами, образовав особые говоры бурятского языка. Причиной ассимиляции, несомненно, послужили социально-экономические факторы. Численное преобладание бурятов и их социально-экономически укладом жизни ускорили процесс языковой ассимиляции, поскольку сохранение родного языка во свободную от родственных языков, особенно большой единственной простях, практически было трудно.

Характерным для этих говоров является сохранение отдельных черт своего исконного языка. Визуально броским признаком у них является фонетический признак. Морфологический и лексический приметы исконного языка менее заметны, хотя и они имеют место.

Однако, в целом они уже значительно отошли от своего прежнего языкового состояния и активно функционируют как говор, диалект бурятского языка.

Таким образом, при контакте родственных языков малочисленный языковой коллектив, ассимилируется становится говором или диалектом более многочисленного языка, как это было именно на бурятском материале, хотя это не является исключительной особенностью бурятского или других монгольских языков. Это свойство носит общелингвистический характер.

Контакт генетически неродственных языков обнаруживает совершенно иные последствия, которые можно показать на материале территориально или территориально рассредоточенных монгольских языков, посителям которых явуют в разных странах. Судя по новейшей монголоведной литературе, необходимо сказать, что число подобных языков не было постыдным, что объясняется степенью научности монгольских языков. По материалам Б.Я. Владимирова к таким языкам относятся: монгольский и дагурский /5, 17-18/. Г.Д.Сажеев /18, 27/ причисляет к ним еще конгерский язык. В шестидесятых годах XX в. советскими монголологами выявлены еще два монгольских языка на территории Внутренней Монголии: дунсянский /16/ и баяньюнский /15/. Является ли окончательным этот список монгольских языков, сказать пока трудно, так как в монгологии еще много белых пятен. К числу таких островных языков следует отнести и калмыцкий язык на террито-

рии Калмыцкой АССР.

Современное состояние территориально-изолированных монгольских языков показывает разные тенденции в их социальных функциях и значительное расхождение с так называемыми материнскими монгольскими языками.

По признанию зарубежных исследователей /10; 20/ монгольский язык находится в стадии ассимиляции с таджикским языком.

Монгольские языки на территории современного Китая значительно отличаются от других монгольских языков в силу многовекового иноязычного окружения. Очевидно, и здесь имеет место ассимиляция, китаизация отдельных монгольских этнических групп, но монголистика пока не располагает точными данными.

Фактический материал по дунсянскому и баоаньскому языкам очень наглядно показывает истоки возникновения их как самостоятельных языков. Предки современных баоань и дунсян, еще в XIII-XIV вв. оторвавшись от основного массива монгольского этнического мира, находились в постоянном иноязычном окружении. В материалах русских путешественников они названы догда /12/, иронгол-монголы /11/. Впоследствии исследователями было выяснено, что в составе иронгол-монголов обитает монгоры /21/, дунсяне в баоане. Б.Х.Тодаева пишет, что слова дунсян /16/, баоань /15/ китайского происхождения, обозначающие название местности, где обитали носители этих языков. Из каких родоплеменных групп состоят носители баоаньского и дунсянского языков и степень их исконной близости к монгольскому языку, безусловно, сейчас трудно установить. Возможно, в прошлом они представляли диалектную разновидность монгольского языка и в результате длительного контакта с иноструктурными языками и абсолютного отсутствия связей с монголоязычной средой обособились до уровня самостоятельных монгольских языков.

Таким образом, факты говорят о том, что при контакте генетически неродственных языков близнецам завершается либо ассимиляцией, либо развитием их до уровня самостоятельных языков.

Будущность подобных языков в значительной мере зависит от социально-политической структуры общества. История развития языков народов СССР блестяще демонстрирует потенциальные возможности равноправного функционирования языков народов, насе-

дящих науку страны. Пример развития современного литературного калмыцкого языка, как одного из территориально-изолированных монгольских языков в СССР, является показательным образцом процесса его становления и формирования в условиях контакта с иноструктурными языками. Калмыцкий язык образовался в результате объединения ряда обратских родов. Калмыки, находясь вдали от своей адноязычной среды, во многом сохранили более древние черты обратского языкового мира.

Сохранение реликтовых черт относится к одним из обязательных признаков территориально-изолированных монгольских языков и диалектов. Например, в области фогетки наблюдается сохранение увулярного смычного 'к' в монгольском /диалект вихь/, дунсянском, могольском языках и в кичеудинском диалекте бурятского языка. Сохранение заднеязычного смычного 'к' встречается во всех территориально-изолированных монгольских языках и диалектах. Известно, что этим согласным соответствует в современных монгольском и бурятском языках заднеязычно-увулярная согласная фонема 'х'.

Для этой группы языков и диалектов свойственно неравномерное развитие процесса монофтонгизации комплекса гласный + проточный согласный + гласный. В частности в них встречаются все модели этого процесса, но в монгольском, дунсянском и баоаньском языках чаще встречается модель с выпадением интэрвокального согласного, т.е. двослог, например, ширie 'отол' в монгольском, джалау 'молодой' в дунсянском, гуар 'два' в баоаньском. Вместе с тем в них имеет место и монофтонгизация этих комплексов, как во всех монгольских языках. Необычным для современного состояния является именно сохранение двослогов, т.е. стечения двух гласных.

Отсутствие "перелома гласного i", либо частичное сохранение его также присуще именно территориально-изолированным монгольским языкам. Здесь приведены лишь отдельные, далеко не исчерпывающие реликтовые черты, которые являются общими для большинства данной группы монгольских языков и диалектов, носители которых живут на территории разных стран.

I. В сарт-калмыцком диалекте слово молодой сохранилось в фонетическом облике - залутун /14, 87/.

Второй характерной чертой структуры этих языков и диалектов следует считать наличие в них признаков, не свойственных монгольским языкам. В частности, нарушение сингармонизма гласных наблюдается в монгорском, дунсянском, баоаньском и могольском языках. Причины этого явления, возможно, объясняются влиянием языка окружения. Однако, Б.Х.Тодаева полагает, что нарушение гармонии гласных в монгорском, дунсянском, баоаньском языках обусловлено изменением звукового состава, что "с утратой фонем о, у /в этих языках - А.Д./ исчезла необходимость разграничения огубленных гласных переднего и заднего рядов как в основах слов, так и в суффиксах" /17, 17/. Вместе с тем нарушение гармонии гласных встречается и в могольском языке, в котором сохранились гласные о, у. В связи с этим необходимо указать и на подобное же нарушение сингармонизма и в узбекском языке под влиянием соседнего таджикского языка. Есть основание полагать, что и в могольском языке нарушение гармонии гласного обусловлено влиянием фонетики таджикского языка. Безусловно, каждое языковое подразделение из этой группы языков и диалектов обладает своими особенностями и вместе с тем явления общего характера могут быть обусловлены разными причинами. Тем не менее трудно игнорировать влияние языка окружения. Здесь возможно и непосредственное, и опосредованное влияние. Явления катализа /7/ особенно характерны для территориально изолированных языков и диалектов. В них нередко можно встретить нарушение нормы в стечении гласных и согласных в структуре слова. В баоаньском, монгорском языках употребляются согласные: н, л в андауте не только заимствованных слов, но и в исконно монгольских словах. Например: нгуа 'стирать' /в монгольском угаах/; ла̄ 'плакать' /монг. уйлах/; лавч 'листва' /монг. навч/.

Эти два признака: сохранение отдельных реликтовых черт и неологизмы, возникшие под воздействием языка окружения, составляют основную специфику анализируемых нами языков и они пронизывают все уровни языка. Это в свою очередь способствует структурному обособлению их от исконного языкового состояния.

В связи с этим следует сказать, что билингвизм разных монголоязычных народов в разных концах света оставил глубокие следы в структуре их языков, но многое еще в проблеме двуязычия не выяснено на материале монгольских языков.

Список литературы

1. Аврорин В.А. Двуязычие.— Проблемы изучения функциональной стороны языка. Д., 1975.
2. Будаев Ц.Б. Цонгольский говор.— Исследование бурятских говоров. Вып. I, Улан-Удэ, 1965.
3. Бураев И.Д. Сартульский говор.— Исследование бурятских говоров. Вып. I, Улан-Удэ, 1965.
4. Владимирцов Б.Я. О двух смешанных языках Западной Монголии.— Яфетический сборник. II, Петроград, 1928.
5. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Д., 1929.
6. Дамдинов Д.Г. Этно-лингвистический очерк хамниганского говора.— Исследование бурятских говоров. Вып. II, Улан-Удэ, 1968.
7. Дарбеева А.А. О личном местоимении третьего лица в монгольских языках.— Вопросы языкознания. М., № I, 1970.
8. Дешериев Ю.Д. Предисловие к книге "Проблемы двуязычия и многоязычия". М., 1972.
9. Катагощина Н.А. Проблемы двуязычия и многоязычия за рубежом.— Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
10. Дигети Л. О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана.— Акта ориенталва. т. I—3. Будапешт, 1954.
11. Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия.— Путешествие Г.Н. Потанина 1884—1886, т. I. СПб., 1893.
12. Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее /1870—1873 гг./ путешествие по восточной нагорной Азии. М., 1946.
13. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. т. I. М., 1953.
14. Тенишев Э.Р. О языке калмыков Иссык-Куля.— Вопросы языкознания. М., 1976, № I.
15. Тодаева Б.Х. Баоаньский язык. М., 1964.
16. Тодаева Б.Х. Дунсянский язык. М., 1961.
17. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М., 1973.

18. Бждин Ф.П. Современное общественное развитие и проблема двуязычия.- Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
19. Цыдендамбаев Ц.Б. Об обрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят.- Проблемы алтанстики и монголоведения. Вып. 2. М., 1975.
20. Iwamura Sh. and H.F. Schürmann. Notes on Mongolian groups in Afghanistan. Kioto, 1954.
21. A. Mostaert de A. Smedi, Le dialecte Monguor parlé par Les Mongols du Kaneu Occidental, t I Phonetique, - „Anthropos” т. XXV, Wien, 1930.

СЛОВЕСНОЕ УДАРЕНИЕ В КАЛЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ТУВЫ

Ударение относится к одной из слабоизученных проблем фонетики монгольских языков. По вопросу об ударении в монголотике существуют различные, нередко диаметрально противоположные точки зрения.

Г. Преобладающим является мнение, что ударение в монгольских языках "слоговое", "динамическое", "экспираторное". Причем эти термины употребляются почти как синонимы. Впервые наиболее четко сформулировал это положение Г.Н.Рамstedт, который положил начало систематическому изучению живых монгольских языков. Он писал: "Ударение в монгольском языке экспираторное и в х.ург. говоре чрезвычайно сильное. Различие между силой экспирации ударяемого слога и неударяемого так велико, что слог без ударения в живой речи часто совсем исчезает" /19, 56/. По мнению монголоведов, считающих ударение динамическим, силовым, оно падает на первый слог слова. "Едва ли есть другой язык, — писал Г.Н.Рамstedт, — в котором ударение на первом слоге было так сильно" /19, 56/. Б.Я.Владимирцов также охарактеризовал ударение как слоговое, динамическое, падающее на первый слог. Поскольку он считал, что "все известные монгольские наречия характеризуются таким же ударением" /4, 97/, целесообразно процитировать его формулировку. О характере и месте ударения он писал: "Ударение в халхаском наречии...экспираторное или динамическое, очень сильное, оно всегда падает на первый слог слова. Благодаря этому первый гласный слова в халхаском приобретает ясность, отчетливость и силу, происходит усиление гласного экспираторным путем" /4, 97/.

Динамическим, первослоговым считают ударение в монгольском языке и Г.Д.Санжеев /23, 20/, Б.Х.Тодаева /24, 40/, Ш.Дувсанвандан /13, 63/, Ж.Цолоо /25, 153-155/.

Основой такой точки зрения на ударение в монгольских языках является относительно четкое произношение гласного первого слога слова и редукция исторически кратких гласных нелер-

вых слогов, которые, по мнению авторов теории первослогового ударения, выступают как неударные. Именно в "наибольшей силе экспирации" ударения видел "ясность и первого гласного каждого монгольского слова" А.Д.Руднев /20, XXXII/.

Э. Однако преобладающим в монголоведении является положение о двух ударениях. Согласно этой точке зрения наряду с главным ударением, падающим на первый слог, существует и второстепенное ударение, падающее на последний слог слова. Так, Г.И.Рамstedт допускал возможность появления ударения в некоторых случаях на последнем слоге слова. "Бывают, однако, случаи,—писал он,—когда последний слог получает самостоятельное ударение — динамическое и музыкальное" /19, 33/. Б.Н.Владимирцов также выделял наличие в некоторых случаях второго ударения, падающего на последний слог слова. "Кроме этого экспираторного ударения в халхаском наблюдается,—писал он,—в известных случаях второстепенное ударение, падающее на последний слог слова. Это второстепенное ударение бывает одновременно экспираторным и музыкальным" /4, 97/. Однако, в отличие от А.Бобровникова, Б.Н.Владимирцов понимал под музыкальным ударением на последнем слоге слова, которое он считал второстепенным, интонационное оформление фраз, предложений. Об этом свидетельствуют такие пояснения автора: "Музыкальное ударение состоит в однорядном повышении тона. Наблюдается оно в конце такта речи, в конце фразы, в словах, произносимых изолированно, т.е. во фразах, состоящих из одного слова" /4, 97/. То, что Б.Н.Владимирцов под второстепенным ударением понимал не словесное, а интонацию во фразе, показывает и следующее высказывание: "Слабое экспираторное и вместе с тем музыкальное ударение на последнем гласном слова наблюдается также в халхаском при выражении вопроса, сомнения, удивления, иронии, призыве, при желании подчеркнуть известное слово, при всяком эмпазе" /4, 98/. Здесь ясно, что речь идет не о словесном ударении, пусть даже музыкальном, а о вопросительной интонации, что подтверждается и приведенными автором грамматические примеры /4, 98/.

Вместе с тем такое понимание ударения — сильным или динамическом, падающем на первый слог слова, и второстепенном —

"музыкальным", "экспираторном", падающем на последний слог слова в конце фразы, является характерным и для современной монголистики /23, 20; 25, 154/.

В последние годы для работ по ударению характерна тенденция использовать точные методы исследования. К ним относится и статья В.И.Золхоева /10, 59-63/, в которой на основе анализа кинмографической записи предложений, полученных от двух дикторов - носителей монгольского языка, автор устанавливает синтагматическое ударение - в виде повышения тона на конце первого слога синтагмы, смысловое ударение - на конце слов, выделенных в смысловом и эмоциональном отношениях, и словесное ударение, которое состоит в том, что "гласные первых слогов всех слов выделяются более четким произношением по сравнению с краткими гласными других слов. Это, - как считает автор, - качественное ударение в начале слова, служащее для выделения слова в потоке речи как особой звуковой единицы" /10, 63/.

Таким образом, по В.И.Золхоеву, в монгольском языке имеются синтагматическое и логическое ударения, которые относятся больше к синтаксической фонетике. Словесное ударение в монгольском языке является, как считает автор статьи, качественным и падает на первый слог слова. Однако физическая природа этого "качества" осталась неясной.

3. Существует и другая точка зрения, согласно которой ударение в монгольских языках является музыкальным. Так, А. Бобровников писал: "Вообще нужно заметить, что ударение монгольско-калмыцкое отличается от ударения русского, а именно: русское ударение сообщает гласной ясный выговор и как бы некоторую долготу, между тем как в монгольско-калмыцком языке ударение состоит только в повышении тона" /1, 34/. А.Бобровников подчеркивал, что ударение, которое состоит в повышении тона, с длительностью гласного не связано и падает на последний слог слова. "Сколько бы ни было в слове долгих гласных и где бы они не находились, - писал он, - повышение тона или ударение бывает всегда на последней гласной... В слове ~~дүгэрэн~~ дүгэрэн" /1, 34/. А. Бобровников считал, что с ударением не связаны количественные изменения гласных. "Последняя гласная

слова, если она короткая, несмотря на повышение тона, произносится бегло и слабо" /I, 34/.

Идея об ударении на последнем слоге монгольского слова была высказана еще О.М.Ковалевским /II, 19/. Положение А.Бобровникова об ударении нашло отражение в трудах А.М.Позднеева /17, 322/, В.Л.Котвича /12, 43-44/.

4. В монгольстике бытует точка зрения, согласно которой легкое ударение падает на первый по счету наиболее долгий гласный слова. Такая трактовка наложена, например, в учебнике монгольского языка Г.-П.Фитце /28, 17/. Так, в слове, в непервых слогах которого нет долгих гласных, ударение падает на первый слог: монгол 'монгол'. Если же второй слог является долгим, то ударение падает на него: хорёо 'комитет', харайт 'прыжок'. Если же в непервых слогах несколько долгих, то ударение падает на первый из них: бугдээрвэ 'все' /28, 17/. Нетрудно заметить, что здесь мы имеем дело с таким пониманием ударения, которое можно назвать количественным.

Точно такая же точка зрения на ударение в калмыцком языке наложена в работе Д.А.Павлова. Согласно Д.А.Павлову, ударение падает на первый слог, если в непервых слогах неясный гласный: цасън 'снег', цасън 'бумага', если в непервых слогах содержится гласный полного образования, то на него падает ударение при отсутствии долгого гласного в первом слоге: чире 'лицо', кулун 'быстрый', адъьмтá 'спешный', хамтхэ:сън 'лист дерева'. При наличии в непервых слогах двух и более гласных полного образования, ударение падает, как можно видеть из приведенных данных автора, на предпоследний слог с гласным полного образования: харада 'ласточка', эмерлу:лхэ 'опередить'. При наличии долгих гласных в первом слоге, независимо от характера гласных следующих слогов, ударение падает на первый слог /16, 195-197/. "Словесное ударение в калмыцком языке является, — по Д.А.Павлову, динамическим, в котором выступают элементы количественного ударения" /16, 200/.

В работе даны рисунки кинемограмм и осциллограмм некоторых слов /16, 198-199/, которые послужили для автора основанием для определения характера калмыцкого словесного ударения. Но автор, видимо, не имел рисунков слов с неясными гласными, а

они могли показать обратное, что неясные гласные, на которые, по мнению автора, не падает ударение, могут обладать и большей интенсивностью и большей длительностью.

Совмещенный характер количественного ударения автор объясняет следующим образом: "В тех случаях, когда интенсивность как кратких, так и долгих гласных в слове будет одинаковая или почти одинаковая, то ударным будет гласный с большей длительностью" /16, 194/. Однако, вопреки мнению автора, отсюда не вытекает, что ведущая роль в определении ударения в калмыцком языке принадлежит интенсивности, а высказывание автора, что "долгие гласные имеют большую амплитуду колебания, т.е. интенсивность" /16, 194/ говорит в пользу длительности гласного как основного признака ударения. Таким образом, точку зрения Д.А.Павлова об ударении в калмыцком языке можно охарактеризовать как понимание о количественном ударении.

Из вышеизложенного нетрудно убедиться, что трактовка ударения, связанная с длительностью гласных в слове, не нова. Еще А.Попов отождествлял долготу гласных с ударением и называл "долгим ударением" в отличие от "краткого ударения", падающего, по мнению автора грамматики, на краткие гласные и обозначаемый им диакритическим знаком / "акут" над буквой / 18, 20, 22, 26- 41/. Однако монголисты решительно подчеркивали отсутствие связи между ударением и долготой гласных в монгольских языках.

5. В монголистике существует положение, согласно которому в словах отсутствует словесное ударение.

Г.Д.Санжеев в отношении ударения в калмыцком языке писал: "Все краткие гласные в калмыцком языке на слух производят такое же впечатление, какое вызывается соответствующими русскими гласными неударенных слогов, но такими, которые артикулируются вполне отчетливо. Для того, чтобы понять излагаемое, — пишет он, — необходимо учесть то обстоятельство, что в калмыцком языке отсутствует ударение, по крайней мере в том виде, в каком ударение имеется в русском языке. Отсутствие ударения в калмыцком языке придает потоку речи особый характер, своеобразный тембр произношения" /21, 5/.

В этом отношении представляют большой интерес выводы, сделанные Л.К.Герасимович. Поскольку это наиболее полное исследование ударения в монгольском языке методами экспериментальной фонетики, то целесообразно рассмотреть его более детально.

Выводы, сделанные проф. Л.К.Герасимович на основе изучения большого фактического материала — оциллограмм, спектрограмм, изложены в специальной главе монографии "Монгольское стихосложение" /7, 25-54/ и в отдельных статьях /5, 131-137, 6, 128-130/. Результаты измерения интенсивности гласных не подтвердили мнения, что наиболее сильным в слове является первый слог. "Более того, гласный первого слога, — пишет автор, — не всегда бывает самым сильным даже тогда, когда первый слог является аллитерирующим, хотя именно аллитерация одно из важных средств ритмической организации монгольского стиха" /7, 43/. Не обнаружена какая-либо определенная закономерность в движении основного тона. Возможно, это связано с тем, что основной тон исследован был не в изолированных произнесенных словах, а в словах, взятых из прочитанных стихов. В монографической работе Л.К.Герасимович изложены и результаты спектрального анализа гласных, психолингвистических опытов по восприятию ударения на слух. Однако и они не дали надежных показателей в отношении характера и места ударения в слове. Более последовательными оказались данные длительности, а именно: при наличии в слове однотипных по качеству и длительности гласных, первый слог содержит наиболее протяженный гласный. Однако и "эта, казалось бы, общая закономерность, как отмечает автор, нарушается в трехсложных словах с тремя долгими/дифтонгами и в словах с первым кратким гласным и последующими двумя долгими/дифтонгами" /7, 48/.

Всестороннее экспериментальное исследование возможных признаков ударения в монгольском языке не дало положительных результатов в пользу наличия ударения. Автор исследования пришел к следующему выводу: "Поставленный эксперимент, таким образом, не дает никаких оснований утверждать, что в монгольском языке существует ударение, отчетливо воспринимаемое носителями языка" /7, 53/.

5. Несколько иную точку зрения высказал С.Мосмо, который занимается экспериментальным исследованием фонетики монгольского языка, также находит ударение на первом слоге слова, но склонен рассматривать его как качественно особый тип ударения. "Можно предположить, — пишет он, — наличие в монгольском языке особого типа ударения, а именно — ритмического, проявляющегося в повышении частоты основного тона на первом гласном. Поэтому целесообразнее говорить об удареми монгольского языка в тесной связи с темпом речи, паузой, тоном, т.е. просодическими характеристиками речи" /15, 8-9/. В связи с этим высказыванием С.Мосмо можно заметить, что повышение частоты основного тона на первом гласном слова нежел из монголоведов ранее не отмечалось, напротив, как уже об этом было сказано выше, исследователи с особым акцентом подчеркивали немелодический характер ударения первого слога. Не подтвердилось оно и в экспериментальных исследованиях Л.А.Герасимович. Что же касается темпа речи, паузы, с которыми, как подмечает С.Мосмо, связано ударение, относится к явлениям синтаксического порядка и не имеет прямого отношения к словесному ударению.

Таким образом, в отношении словесного ударения в монгольских языках нет единого мнения, а существующие точки зрения противостоят друг другу как по вопросу о характере, так и о месте ударения в слове.

Поэтому при исследовании вокализма ойратского языка, одним из вариантов развития которого является современный калмыцкий язык, необходимо изучить природу ударения в последнем, установить характер словесного ударения в современном калмыцком языке и место его расположения в слове.

Исследование ударения связано с выявлением характерных его артикуляционных и акустических свойств. Л.Р.Знадер пишет: "Средствами, используемыми для словесного ударения, являются: 1/ усиление ударяемого слога — динамическое ударение, 2/ повышение или понижение тона в ударяемом слоге — музыкальное ударение и 3/ удлинение ударяемого слога — количественное ударение. Эти три средства обычно не являются взаи-

исключаящими, ...напротив, изолированное употребление их, по-видимому, редко встречается в языках" /8, 297/. Смесанное употребление средств ударения видно на примере русского языка, где "ударные гласные характеризуются большей длительностью, большей напряженностью и иным тембровым рисунком" /9, 13/, но главным для русского ударения является протяженность гласного во времени.

Л.В.Дерба выделил еще "качественное" ударение /26, 176/, которое не является ни наиболее сильным, ни наиболее высоким и долгим.

Лингвистическая наука допускает существование языков, в которых отсутствует словесное ударение. На основе вывода Л.В.Дербы об отсутствии словесного ударения во французском языке и анализа данных ряда языков Л.Р.Зиндер приходит к заключению: "Словесное ударение, имеющее широчайшее распространение во множестве языков самого различного строя, не является, однако обязательной категорией" /8, 301/.

Поэтому исследование ударения в монгольских языках, в калмыцком в частности, необходимо начать не только с поисков наличия возможных средств выражения ударения и его места в слове, но и с допущения, что словесное ударение может отсутствовать. Тем более, что такая точка зрения уже существует в монголистике.

Для выявления характера и места предполагаемого ударения в калмыцком языке или его отсутствия были использованы осциллографические, кимографические, спектрографические записи.

Для определения количественного характера ударения были использованы осциллографические записи 380 слов в произношении 7 дикторов, всего 2400 словозаписей, из которых проанализированы и использованы в настоящей работе данные 5 дикторов-1720 словозаписей. Остальные 760 осциллографических словозаписей и 683 кимографических словозаписей /319 слов в двух-трех кратном повторе/ в произношении двух дикторов были использованы в качестве контрольно-сверочного материала. При определении интенсивности гласных были использованы осциллограммы, полученные от трех дикторов Д-1, Д-2, Д-3 - проведе-

но 706 измерений гласных в различных позициях слова. Высота основного тона гласных определена по оциллограммам названных тех же трех дикторов 853 измерений, а движение основного тона — по кимографическим данным дикторов К-9, У-10 319 графических рисунков. Для выяснения качественной характеристики были получены спектрограммы "видимая речь" от двух дикторов /450 словозаписей/.

Длительность

Как уже отмечалось выше, монголоеды особо подчеркивали отсутствие связи между ударением и длительностью гласных. Так, вслед за А.Бобровниковым, Б.Я.Владимирцов писал: "Следует отметить, что ударение может не совпадать с долготой, долгие гласные встречаются в халхаском как в ударных, так и в неударных слогах" /4, 64/. Вместе с тем бытует точка зрения, что ударение падает на более протяженный во времени гласный в слове.

Связывая ударение с длительностью в словах типа /С/ТСГ/С/ или /С/ТСГСТ/С/, исследователи исходили из того, что содержащийся во втором и третьем слогах неясный гласный является разновидностью кратких гласных, тогда как в калмыцком языке они представляют собой, как показано в IY главе, самостоятельные фонемы, отличные от кратких. Неясные гласные действительно подверглись качественной и количественной редукции. Так, неясные гласные в последнем закрытом слоге обычно значительно короче кратких гласных первого слога в сходных фонетических условиях, например, "а" короче "а" первого слога в 1,5-3,2 раза, "э" короче "э" первого слога до 3,2 раза. Однако нередки случаи, когда неясные гласные в указанной позиции слова равны или близки по длительности с краткими гласными первого слога.

Более частым является преобладание длительности неясных гласных в абсолютном исходе слова над длительностью кратких гласных первого слога многосложного слова. Так, были сравнены 55 словозаписей гласного [а] в первом слоге многосложного слова в произношении 4 дикторов и 76 словозаписей [а] в абсо-

литвом исходе слов в произношении также четырех дикторов. Сравнительный анализ усредненных показателей длительности гласных дал следующие результаты: [a] : [ʌ] - 130 мсек : 118,4 мсек /Д-1/, 106 мсек : 110,5 мсек /Д-3/, 70 мсек : 66,5 мсек /Д-4/, 61,7 мсек : 66,5 мсек /Д-5/.

Как видно из этих данных, в двух случаях /Д-1, Д-4/ краткий гласный первого слога имеет более протяженную длительность, а в двух других, наоборот, преобладает длительность чуждого гласного.

На основе усредненных данных 46 словозаписей, полученных от пяти дикторов по гласному [ɛ], и 104 словозаписей, полученных от тех же пяти дикторов по гласному [ə] в позиции абсолютного исхода слова, можно представить следующие соотношения длительности гласных: [ɛ] : [ə] = 150 мсек : 96,4 мсек /Д-1/, 169 мсек : 136 мсек /Д-2/, 116 мсек : 112,5 мсек /Д-3/, 70 мсек : 71,7 мсек /Д-4/, 78 мсек : 74 мсек /Д-5/.

Эти данные показывают, что краткий гласный первого слога имеет большую длительность, чем неясный [ə] последнего открытого слога, в трех случаях /Д-1, Д-2, Д-5/, а в двух остальных, наоборот, преобладает длительность неясного гласного.

Таким образом, неясные гласные, которые восходят исторически к кратким гласным первых слогов, в последнем открытом слоге слова обычно значительно уступают сходным по артикуляции кратким гласным первого слога, но бывают случаи, когда они равны или краткий несколько короче неясного.

В позиции последнего открытого слога двухсложного слова неясные гласные [ʌ], [ə] то уступают кратким [a], [ɛ] первого слога, то преобладают над ними по длительности. Следовательно, в этой позиции слова нет закономерного проявления длительности чуждых гласных по отношению к кратким гласным первого слога слова.

Гласные полного образования в позиции первого слога слова, которые восходят исторически к долгим гласным и дифтонгам имеют длительность, которая для гласного в последнем закрытом слоге в общем равна с протяженностью кратких гласных первого слога, и совпала с ними и по качеству. В позиции абсолютного

исходя из в середине многосложного слова исторически долгая и дифтонги имеют протяженность, которая занимает промежуток между краткими и долгими гласными первого слога своего положения, но несколько, а иногда очень близкую к долгим гласным.

При этом их количественная редукция побужда за собой качественное изменение — почти все гласные полного образования в первых слогах являются теперь краткими. Исключение составляют гласные в положении предпоследнего слога слова, особенно перед последним слогом с юными гласными. И в этой позиции слова гласные подверглись редукции и значительно уступают в длительности долгим гласным первого слога слова.

Таким образом, при количественном характере ударения в калмыцком языке в словах с кратким гласным в первом слоге ударение должно было бы падать на гласные полного образования первого слога, как на наиболее протяженные в слове. Однако последние — иногда долгие и дифтонги количественно редуцировались и, несмотря на то, что еще сохраняют относительно больше, чем краткие первого слога, длительность, изменились и качественно — в подавляющем большинстве случаев стали фонематически краткими. Если бы на гласные полного образования первого слога падало количественное ударение, то эти гласные не подверглись бы количественной и качественной редукции.

С полным основанием можно было бы говорить о количественном ударении, падающем на первый слог с долгим гласным. Во-первых, длительность долгих гласных в первом слоге слова менее всего подвержена фонетическим условиям: кратчайшие отсчеты долгих короче наиболее протяженных максимум в 1,3 раза, а обычно в 1,5 раза, тогда как редуцированные и протяженные отсчеты кратких гласных в той же позиции слова различаются по длительности обычно в 2-4 раза. Во-вторых, долгий гласный первого слога многосложного слова всегда будет наиболее долгим гласным в слове при любом гласном первом слоге. Однако это является только одним из типов калмыцких слов, который обусловлен фонематическим противопоставлением долгих гласных кратким в первом слоге многосложного слова, и на другие типы калмыцких слов не может распространяться.

Из вышеизложенного, таким образом, вытекает, что в калмыцком языке отсутствует количественное ударение, связанное с длительностью гласных.

Высота основного тона

Как уже отмечалось выше, монголоеды выдвинули положение, согласно которому ударение в монгольских языках связано с повышением тона гласных. Музыкальное ударение является, по мнению одних ученых /А.Бобровников, О.М.Ковалевский, А.М.Позднеев/, главным, а по мнению других /Г.И.Рамstedт, Б.Я.Владимирцов, Г.Д.Санжеев и другие/ - второстепенным. Кроме того, существует мнение, что первый слог характеризуется повышением основного тона /С.Момоо/. В том и другом случае местом музыкального ударения считался последний слог слова.

Для установления характера и места словесного ударения были проведены экспериментальные исследования высоты основного тона первого и непервых слогов по кинематографическим данным. Если языку характерно музыкальное ударение, то достаточно, чтобы ударный гласный отличался высотой основного тона от остальных гласных того же слова. Поэтому значение основного тона неясных, кратких, долгих гласных непервых слогов сравнивались с частотными показателями кратких и долгих гласных первого слога слова. В непервых слогах встречаются неясные гласные и гласные полного образования. Поэтому непервые слоги с неясными гласными сравнивались с первым слогом с гласным полного образования без учета качества последнего. Напротив, при анализе непервых слогов с гласными полного образования учитывалось и качество гласного первого слога слова с тем, чтобы гласные в сравниваемых слогах были однотипными, например, а, а:/а, и, и:/и, э, э:/э, ү, ү:/ү.

Материалами исследования послужили кинематографические записи изолированно произнесенных слов - составлены 257 графиков движения основного тона в калмыцких словах по данным двух дикторов, 145 графиков движения основного тона в словах монгольского языка Тувы.¹ При составлении графиков была использована ли-
I. Графики движения основного тона по кинематографическим материалам монгольского языка Тувы, записанным в 1966-1967 гг. автором настоящей статьи, начерчены Р.Б.Манджиевой.

нейка М.В.Гординой и М.Г.Кравченко.

Высота основного тона в двухсложных словах

Анализ графических схем движения основного тона в двухсложных словах калмыцкого языка показывает, что в двухсложных словах по высоте основного тона второй слог обычно выше первого слога, особенно когда гласным второго слога является неясный гласный. В 75 случаях из 77 второй слог с гласным полного образования также выше первого, однако в слове *tsaŋdʒi* 'по той стороне' оба слога равны по высоте основного тона /диктор Д-УЮ/, а в слове *ɕda* 'сейчас' /диктор Д-III/ второй слог даже несколько ниже первого слога, хотя в повторном произношении того же диктора уже выше второй слог слова. В целом, по кинематографическим данным в двухсложных калмыцких словах второй слог выше первого в 99% случаев. Здесь колебание высоты основного тона второго слога обусловлено, по-видимому, и качественным различием гласных первого и второго слогов. Аналогичную картину дают графики движения основного тона в двухсложных словах монгольского языка Тувы, где в большинстве случаев /95,6%/ второй слог выше первого, но в 3% случаев они оказались равны, в 1,4% случаев второй слог даже несколько уступает по высоте основного тона первому /см. рисунки/. Кроме того, по калмыцкому языку были проведены измерения высоты основного тона гласных в двухсложных словах - 305 слово-записей в произношении трех дикторов. Из них в 372 случаях, что составляет 96,6%, второй слог выше первого, а в остальных случаях /3,4%/ первый и второй слоги или равны, или первый слог выше второго.

Высота основного тона в трех- и четырехсложных словах

Сравнительный анализ 37 графиков трехсложных и 11 графиков четырехсложных слов показывает, что самым высоким в калмыцком слове является обычно последний слог, независимо от того, содержит ли он гласный полного образования или неясный гласный. Характерно, что самый высокий в двухсложном слове второй слог, например, в *tsaxa* 'собака', *baŋta* 'пряник',

уже не является таковым, когда слово становится трехсложным при присоединении постфиксов: *пэхэагаг* 'собакой', *балтагаг* 'пряником'. Когда же слово становится из трехсложного четырехсложным, например, *пэхэага:sl* 'от собаки', *балтага:rln* то повышение тона бывает уже на четвертом - последнем слоге слова.

Аналогичную картину дают и графики движения основного тона в трехсложных словах монгольского языка Тувы, где наиболее высокий основной тон имеет последний слог слова.

Дополнительно проведенный по калмыцкому языку анализ высоты основного тона на основе осциллографических записей 3-4-хсложных слов /ЮГ слово/ также подтверждает, что обычно наиболее высоким в них является последний слог слова. Однако в тех случаях, когда первый слог выступает как самый высокий в слове /9%, тогда последний слог бывает обязательно выше предшествующего слога, высота основного тона которого колеблется - бывает то ниже, то выше первого слога, но не выше последнего слога.

Высота основного тона в односложных словах

Основной тон в многосложных словах нетрудно определить путем сравнения его высоты в разных слогах. Что же касается высоты основного тона в односложных словах, такая возможность исключена. Визуальные наблюдения графики односложных слов калмыцкого языка и монгольского языка Тувы показывают довольно высокий основной тон в односложном слове. Сравнение высоты основного тона в односложных словах с первым слогом однокорневых многосложных слов, например, калм. *күн* 'человек' - *кү:ндэ* 'человеку', *тсе* 'пядь' - *тсе:lхэ* 'измерять пядью', монг.я.Т. *тэ:* 'число' - *тэллх* 'считать', *тал* 'скот' - *талта* 'со скотом', показывает обычно более высокий основной тон в односложном слоге, хотя это не обязательно, поскольку повышение и понижение основного тона относительное явление в пределах одного слова и одного и того же произношения.

Таким образом, в односложных словах калмыцкого языка и монгольского языка Тувы, которые являются одновременно и пер-

вым и последним слогом слова, характерно повышение основного тона подобно тому, как оно проявляется на последнем слоге многосложного слова.

Интенсивность

Гласные в первом слоге слова в монгольских языках отличаются, как известно, четкостью артикуляционно-акустических признаков. Напротив, гласные в непервых слогах слова, например, исторически краткие гласные, утратили те качества, которые им некогда были свойственны. Именно это обстоятельство давало основание исследователям выдвинуть положение о сильном, динамическом, экспираторном ударе, падающем на первый слог слова. Недавно прибавилось еще одно определение качества ударности первого слога, согласно которому ударение первого слога носит динамический и тональный характер.

Рассмотрим эти трактовки качества ударения. Так, в калмыцком и монгольском языке Тувы повышение тональности первого слога, как показывают изложенные выше данные, не обнаружено. Не наблюдается повышение тона гласных первого слога и в монгольском языке /7, 48-49/. В общей фонетике уже доказана неправомочность понимания ударения, выражаемое термином "экспираторное" /14, 71/, которое можно встретить и в монголистике. Д.Р.Зиндер пишет: "Утверждение, будто усиление выдоха механически обуславливает большую напряженность артикуляции, является неправильным. Это еще в большей степени относится к произнесению гласных" /8, 294/.

Термины "динамическое", "силовое" употребляются как синонимами, поскольку динамичность - силовое выделение ударного слога. Однако правомочность употребления термина "динамическое" применительно к монгольским языкам нуждается в уточнении. Так, если стать на точку зрения, что слова в монгольских языках имеют на первом слоге динамическое, или силовое ударение, то надо признать наиболее интенсивным в слове первый слог и особенно его обязательный вокально-центральный элемент - гласный. Однако материалы экспериментального исследования показывают, что большая интенсивность не является обязательным признаком гласного первого слога слова.

Для определения интенсивности гласных первого и второго слога были проведены измерения осциллограмм гласных калмыцкого языка /по монгольскому языку Тувы такой анализ не проводился/ по формуле $I = \frac{a}{t} \cdot 100$, где a - амплитуда, t - его длительность. Сопоставительный анализ показал, что в двухсложных словах со вторым открытым и закрытым слогом с неясными гласными интенсивность твердоядного гласного первого слога и неясного λ второго слога соответственно равны: 1,5 и 2,45 /Д-1/, 0,59 и 0,8 /Д-2/, интенсивность мягкорядного гласного первого слога и неясного ϵ второго слога равны: 1,76 и 2,07 /Д-1/, 0,47 и 0,6 /Д-2/. В двухсложных словах с гласными полного образования во втором слоге при однотипных гласных /например, а/а, аа/а, у/у, уу/у/ гласные первого и второго слогов в твердоядных словах в среднем равны: 1,55 и 2,19 /Д-1/, 0,84 и 0,92 /Д-2/, в мягкорядных словах - 1,65 и 2,17 /Д-1/, 0,66 и 0,67 /Д-2/. В трехсложных словах наиболее интенсивным является обычно последний слог, но бывают случаи, когда носителем наибольшей силы выступает первый слог, однако тогда гласный второго слога не превышает по силе гласного последнего /третьего/ слога.

Таким образом, наиболее интенсивными в калмыцком слове выступают, как правило, гласные последнего слога, на которые падает обычно, как выше было показано, музыкальное ударение. Следовательно, усиление интенсивности гласных калмыцкого слова - явление, сопутствующее, как правило, музыкальному ударению, падающее на последний слог слова. Однако спорадически бывает случаи, когда более интенсивным выступает гласный первого слога.

Следует отметить, что в монгольском языке гласные первого слога также не относятся к сильным. Так, на основе исследования большого фактического материала точными методами Д.К.Герасимович приходит к заключению: "Экспериментальные данные не подтверждают мнения, что наиболее сильным в слове является первый слог. Большей силой может выделяться любой слог, особенно если на него приходится долгий/дифтонг. Более того, гласный первого слога не всегда бывает самым сильным даже тогда, когда первый слог является аллитерирующим, хотя

именно аллитерация — одно из важных средств ритмической организации монгольского стиха⁷, 48/.

Таким образом, 1. Наиболее интенсивным в кадмышном слове является, как правило, гласный последнего слога. 2. Динамичность, или сила не является характерным признаком гласного первого слога и причиной ясности его звучания. Следовательно, словесное ударение на первом слоге, если оно есть, не является динамическим, смысловым.

Напряженность

Ни длительность, ни интенсивность, ни тональность не выступают, таким образом, как отличительные признаки гласных первого слога. Вместе с тем общеизвестно, что гласные в первом слоге отличаются четкостью, ясностью произношения. Это вполне объяснимо с точки зрения функциональной значимости гласных первого слога, который для слова в монгольских языках играет исключительно важную роль. Первый слог в монгольских языках, как и вообще в агглютинативных языках, составляет основу корневой морфемы, а в большинстве случаев выступает как корневая морфема. Последняя же, во-первых, является в семантическом отношении носителем основного значения слова. Во-вторых, гласный первого слога корневой морфемы выступает в качестве организующего центра сингармонической структуры всего слова. Быть ли слову твердорядным или мягкорядным зависит от гласного первого слога слова. Гласные в непервых слогах употребляются в зависимости от качества гласного первого слога. Следовательно, четкость, ясность гласных в первом слоге обусловлены их ролью и значимостью как для образования семантического содержания слова, так и для формирования звуковой оболочки всего слова.

В этом отношении функциональная роль первого слога слова и его гласного совпадают с функциональной ролью словесного ударения, суть которой сводится к организации звуковой структуры слова в единое целое и может быть использована и в целях формирования семантики слова.

Однако четкость, ясность звучания гласных в первом слоге, обусловленные их значимостью для формирования всего слова,

должны быть выражены какими-то фонетическими средствами. Приведенные выше результаты исследования свидетельствуют, что такими средствами в калмыцком языке не служат квантитативность, интенсивность, тональность звуков. Остается предположить, что фонетическим средством выражения четкости, ясности звучания гласных первого слога является нечто иное. Л.В.Щерба выдвинул положение о возможности существования качественного ударения, которое не связано с представлением об ударенном слоге как о наиболее сильном, наиболее долгом или высоком по тону, чем соседние слоги. Л.В.Щерба писал о качественном ударении, что "это некое свойство слога, которым он может обладать или не обладать, ... оно сводится к выделению начала ударного гласного, к своеобразному "удару" на это начало /26, 176/. Поясняя характер качественного ударения на примере русского языка, Л.В.Щерба пишет: "... Уже и сейчас несомненно, что выделение начала гласного под ударением в русском языке сопровождается сильной напряженностью всей артикуляции гласного... С этой напряженностью связан особый качественный оттенок самого гласного, который может быть разным в зависимости от соседства /26, 176-177/. Развивая это положение Л.В.Щербы, Л.Р.Зиндер пишет: "Словесное ударение - это не только выделение тем или иным способом отдельных слогов, но и наличие в ударенном слоге специальных свойств, отсутствующих в неударенном. Следовательно, слог воспринимается как ударенный прежде всего потому, что в с и с т е м е я з ы к а существуют два качественно различных типа слогов. Поэтому оказывается несущественным, сопоставлены ли оба типа в каждом данном отрезке речи" /8, 299/.

Применительно к монгольским языкам, к калмыцкому и монгольскому языку Тувы в частности, это означает, во-первых, что ясность и четкость произношения гласных в первом слоге является в фонетическом отношении результатом их более напряженной артикуляции. Именно напряженность стенок резонирующей полости при образовании гласных в первом слоге обеспечивает их акустический эффект ясности и четкости. Во-вторых, напряженный характер артикуляции первого слога слова и его обязательного вокально-центрального элемента делает первый слог

качественно отличным от непервых слогов.

Напряженность-ненапряженность звуков экспериментально изучены слабо. Установлено, что напряженные звуки образуются с большей отчетливостью и при большем давлении и обладают более высокой слышимостью, чем соответствующие ненапряженные /27, 206/. О напряженном характере артикуляции гласных первого слога калмыцкого слова можно судить по косвенным данным. Как известно, носителем ударности, наряду с гласным, являются и консонантные элементы, входящие в состав ударенного слога. В этом отношении показательно, что согласные в начале слова имеют более напряженную артикуляцию, чем в других позициях слова. Так, кинмографические кривые согласных [р, т, к, б, д] в начале слова имеют более высокий угол подъема и большее отклонение от нулевой линии, чем в ненаачальной позиции слова /З, ЗI, ЗS, 40, 43, 45/. Более напряженный характер артикуляции согласных [р, т, к] в начале слова подтверждается еще и их придыханием, составляющим до 35% длительности согласного /З, ЗI, ЗS, 40/, хотя и бывают случаи произношения без придыхания, как фонематически факультативного явления. По аналогии можно предположить, что в начале слова все звуки, в том числе и гласные, произносятся напряженно, и, что слог, начинающий собой слово и его вокально-центральный элемент - гласный произносится более напряженно, чем слог и их гласные в позиции первого слога слова.

Таким образом, можно считать, что первый слог слова в монгольских языках, будучи важной основой для его звуковой и семантической организации, является носителем качественного ударения, которое артикуляционно выражено более сильной мускульной напряженностью стенок резонирующей полости, что в свою очередь обеспечивает акустический эффект ясности и четкости звучания гласного первого слога слова.

Результаты экспериментального исследования фонетических средств выражения словесного ударения и его локализации в различных словоформах калмыцкого языка и монгольского языка Тувы позволяют сделать следующие выводы:

I. Современному калмыцкому языку и монгольскому языку Тувы свойственно два типа ударения: качественное и музыкальное.

2. Качественное ударение характеризуется напряженной артикуляцией первого слога слова и его обязательного вокально-центрального элемента – гласного и акустическим эффектом ясности, четкости и высокой слышимостью ударного гласного первого слога слова. Оно обусловлено исключительной важностью первого слога как исходной основы для образования фонетического облика всего слова и для формирования его семантического значения. Качественное ударение падает только на первый слог слова.

3. Музыкальное ударение, которое характеризуется повышением основного тона гласных, падает на последний слог слова. Музыкальное ударение обычно сопровождается и усилением интенсивности. Это ударение для слова в рассматриваемых языках является второстепенным. Экспериментально подтвердилось, таким образом, положение монголоведов о музыкальном ударении на последнем слоге слова.

4. Односложные же слова, которые являются по своей структуре одновременно и первым, и последним слогом, выступают как носители и качественного, и музыкального ударения. Следовательно, гласные в односложных словах характеризуются и напряженной артикуляцией, и повышением основного тона, и усилением интенсивности.

Список литературы

1. Бобровников А.А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1949.
2. Бондарко Л.В. Осциллографический анализ речи. М., 1965.
3. Битковец Н.Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка. Улан-Удэ, 1965.
4. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
5. Герасимович Л.К. К вопросу о характере ударения в монгольском языке. Вестник Ленинградского университета, № 14, 1970.
6. Герасимович Л.К. К вопросу о характере ударения в монгольском языке. Монголия судбал. Улаанбаатар, 1970.
7. Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение. Л., 1975.

8. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960.
9. Златоустова Л.В. Фонетическая природа русского словесного ударения /на основе экспериментальных данных/. АКД, Л., 1953.
10. Золхоев В.И. Ударение в монгольском языке. Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. V, Улан-Удэ, 1970.
11. Ковалевский О.М. Краткая грамматика монгольского книжного языка. Казань, 1935.
12. Котвич В.Л. Лекции по грамматике монгольского языка. СПб., 1902.
13. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний зүй. Улаанбаатар, 1967.
14. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. М., 1948.
15. Моомсо С. Система фонем современного монгольского языка. АКД., Л., 1970.
16. Павлов Д.А. Современный калмыцкий язык. Фонетика и графика. Элиста, 1968.
17. Позднеев А.М. Образцы народной литературы монгольских племен. Вып. I, СПб., 1880.
18. Попов А.А. Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
19. Рамstedт Г.И. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка из халха-ургинского говора. /Русский перевод/. СПб., 1908.
20. Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. Вып. I, III, 1913-1914.
21. Санжеев Г.Д. Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
22. Санжеев Г.Д. Об аллофонах в монгольских языках. Вопросы языкознания, 1978, № I.
23. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М., 1959.
24. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.
25. Цолоо Ж. Орчин үеийн монгол хэлний авиа зүй. Улаанбаатар, 1978.
26. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
27. Якобсон Р., Фант Г.М. Введение в анализ речи. - Новое в лингвистике. Вып. II, М., 1962.
28. Vietze H.P. Lehrbuch der mongolischen Sprache. Leipzig, 1978.

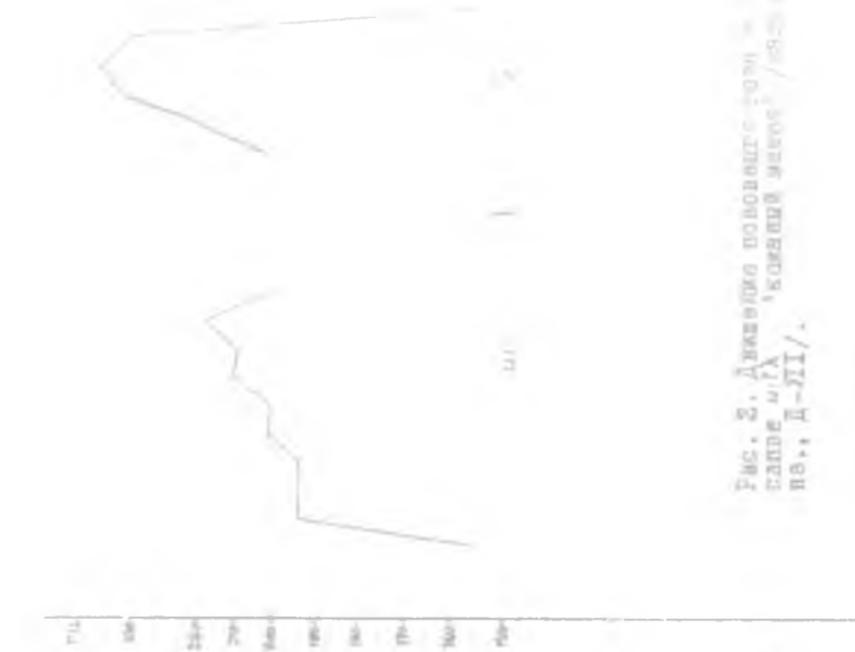

Рис. 1. Динамика относительного тона в слове: «договор» /Жуковский, Д.И., доктор Д-83/.

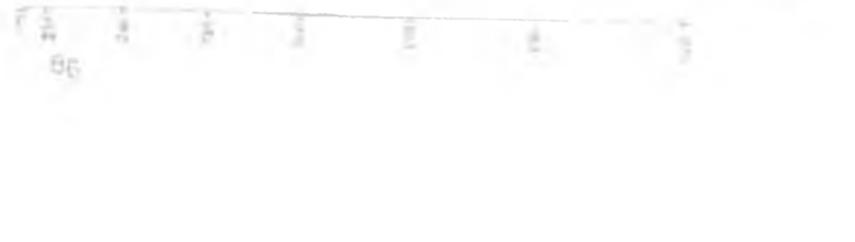

Рис. 2. Динамика относительного тона в слове: «контракт» /Жуковский, Д.И., доктор Д-83/.

т а т а т а

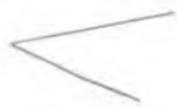

т а х л

Рис. 5. Движение основного тона в слове 'alala', открыто, /квал. яз., Д-К9/.

Рис. 6. Движение основного тона в слове 'axa', подкова, /квал. яз., Д-К9/.

ГЦ
210
200
190
180
170
160
150
140
130
120

П О

Х

А

С

П

О

Х

А

О

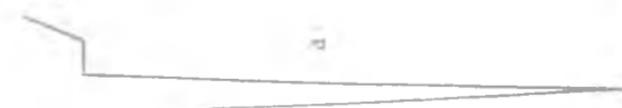
А

С

А

Х

210
200
190
180
170
160
150
140
130
120
110
100

П

О

А

С

А

Х

Рис. 7. Движение основного тона в слове "СОБАКИ" /кв.м.р.з., Д-49/.

Рис. 8. Движение основного тона в слове "СОБАКИ" /кв.м.р.з., Д-49/.

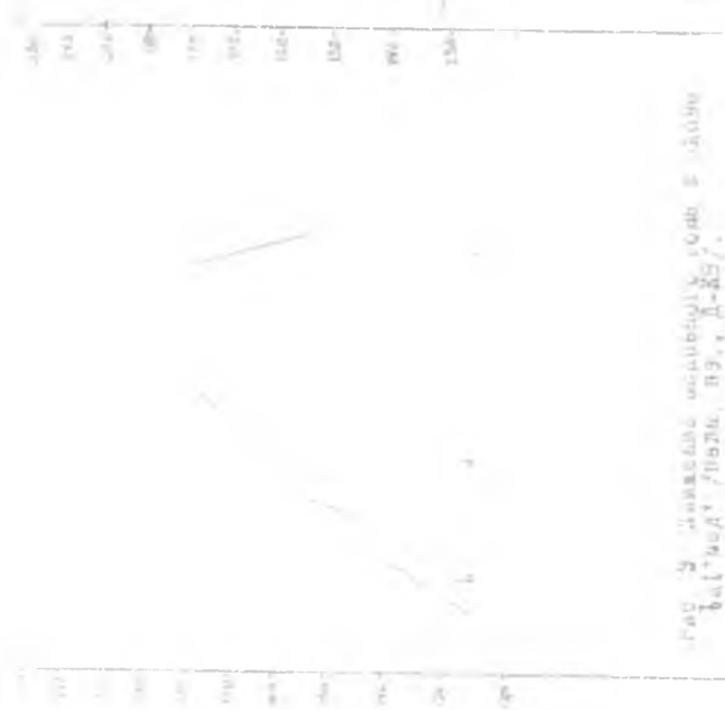

Рис. 3. Домашнее производство и валовой продукт в долине
 долины /Колумбия, ПЗ, в Д-КЗ/.

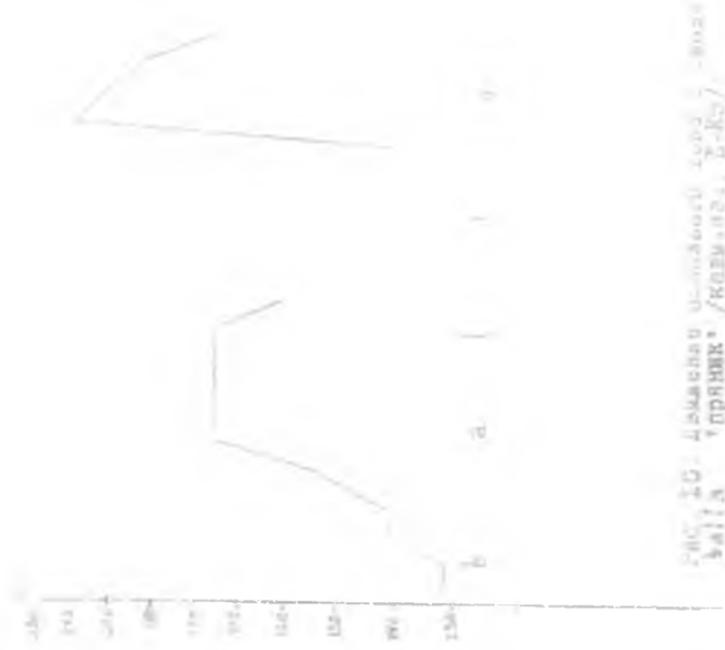

Рис. 2. Домашнее производство и валовой продукт в долине
 долины /Колумбия, ПЗ, в Д-КЗ/.

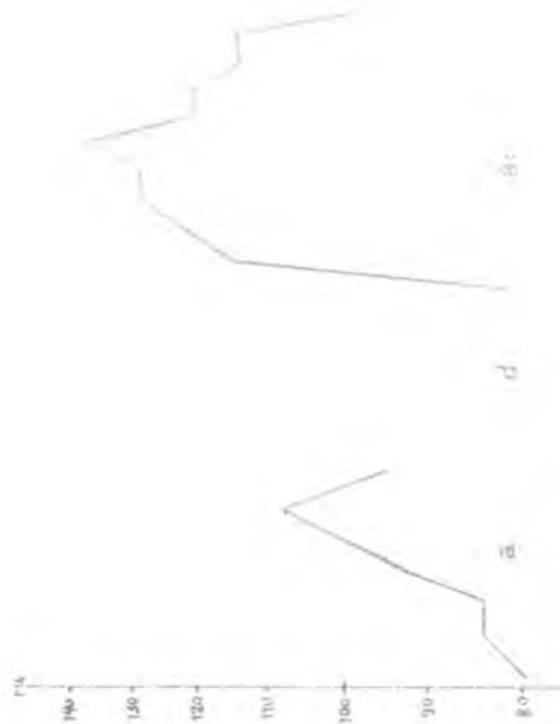

Рис. 11. Движение основного тона в слове район: район / район. Эз. 1) - - - - - 2) - - - - - 3) - - - - - 4) - - - - - 5) - - - - - 6) - - - - - 7) - - - - -

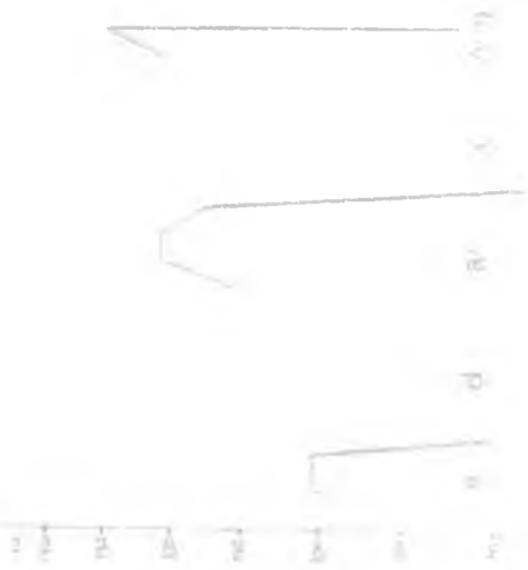

Рис. 12. Движение основного тона в слове район: район / район. Эз. 1) - - - - - 2) - - - - - 3) - - - - - 4) - - - - - 5) - - - - - 6) - - - - - 7) - - - - -

Рис. 13. Движение основного тона в слове *als* 'ветвь' /монг.яз.Т., Д-Сд/.

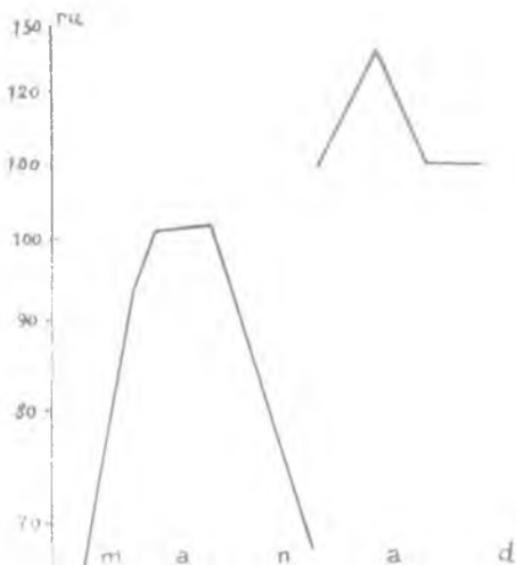

Рис. 14. Движение основного тона в слове *manad* 'карауля' /монг.яз.Т., Д-Мн./.

ФИТОНИМЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ^I

Фитонимы в калмыцком языке составляют целый пласт слов, представляющих собой довольно интересный и своеобразный лексикографический материал как по своему происхождению, так и по семантике и морфолого-синтаксическому отроу.

С точки зрения происхождения весь собранный материал можно разделить на две большие группы: исконные и заимствованные. Основную массу составляют собственно калмыцкие слова. Однако в общем составе этих групп можно обнаружить и слова малопонятные или вовсе неизвестные в своем происхождении.

В структурном плане встречаются различные формы, начиная от слов-корней, кончая названиями из двух, реже из трех слов. Но в преобладающем большинстве данные названия имеют аффиксальное образование.

Возникновение фитонимов объясняется различными обстоятельствами. Так, многие из них, как показывает материал, получили свое название по цвету, форме, вкусу, по месту и времени появления, по лечебным свойствам, по производимому действию и т.д.

Сложные конструкции по семантике разделяются на наименования, объяснимые или мотивированные, и на названия, в которых смысл каждого слова известен в отдельности, но значение названия в целом неизвестно, например, аавин улан. Буквально то же самое можно сказать и о наименовании аһин һуй. Значение сочетания беесэ түүдэг объяснимо только на основе народной этимологии /подробно см. соответствующие названия в тексте/.

Диалектизмы составляют одну из видных особенностей современного калмыцкого языка. В нашем материале они также занимают определенное место, например, аһин — нейтральный вариант, аһан — бузавинский, аһун — шкидербетовский.

Как весьма ценные исторические данные, в излагаемом тексте все варианты произношения сохранены в том звуковом офор-

млении, в каком они были произнесены устами информаторов. В транскрипции отдельные из них в известной степени совпадают со старописьменными формами: агчиргана, акчирне - ср. в соврем. орфогр. агчрн, беерднне /беерднн/, бударнн /будрнн/.

В текстах также помещены характеристики осведомителей к отдельным названиям. Разъяснения эти, естественно, не имеют под собой научную основу. Однако они, как и всякие другие первоисточники, представляют огромный интерес и потому при исследовании нельзя их не принимать во внимание.

Данная статья преследует цель наложить честь накопленного лексикографического материала, по мере необходимости дать к ним комментарии, которые, быть может, в чем-то прольют свет на историю и семантику того или другого слова.

Предоставляем наименования, начинающиеся с гласных [а] и [э] и согласных [б] и [в]. Остальные названия будут опубликованы в последующих изданиях института.

Аавин улан 'подо­рожник' /букв. - де­де крас­ный/. Опре­де­ле­ние аавин обра­зо­ва­но от аав 'дед' + ин - аф­ф.родит.п., улан по при­ро­де сво­ей ка­че­ствен­ное при­ла­га­тель­ное, обо­зна­ча­ющее цвет 'крас­ный', но здесь оно упо­тре­бле­но в зна­че­нии име­ни су­ществитель­ного.

В целом непонятно, почему это растение названо так. Обыч­ным местом его обитания являются территории населенных пунк­тов, дорожные и придорожные участки, на которых эта трава растет довольно обильно. Она охотно поедается мелкими домаш­ними животными и птицами. Поэтому название аавин улан явля­ется частопотребительным фитонимом в калмыцком языке.

Ааһты вары¹ 'бессмертник желтый'. В данной форме семан­тика первого слова непонятна. Смысл лексемы не проясняется и в сочетании с последующим за ним прилагательным вары 'жел­тый', которое выполняет здесь функцию определяемого слова. Можно принять вариант аагты, в котором аагы или агы означа­

1. За первым слогом слова восстановлены редуцированные глас­ные знаками [ы] в твердояр­ной позиции, [э] - мягко­ряд­ной и [и] после согл. [ж], [ш] и [ч]. Некоторые согласные, заключенные в скобках, указывают на их неустойчивость в данной позиции.

ет 'густой, насыщенный отвар', -т - представляет собой весьма распространенный в калмыцком языке словообразовательный аффикс, например, арслин амты, арты, дуужхуты и др. /см. ниже/. В этом случае сочетание агты жары будет означать 'густо-желтый отвар'. В монгольском агъ 'полюнь холодная'. Почти эта же форма обнаруживается в некоторых тюркских языках: чув. аги 'сочная трава', сой. агы 'полюнь каменная' < ак 'белый' /З,39/. Корень агы - /акы-/ в монгольских языках содержит более значение 'крепкий, твердый', например, калм. глаг. акы 'становиться густым' /о разного рода вещах/: акун малдары 'густой раствор', акун ханы 'крутая кама', перен. акун кун 'человек со знанием дела', агхун 'сильный', монг. аглуун 'плотный, густой'. Корень ак- /аг-/ плюс -ч- афф., плюс -х - афф. причастия: акчх /акычхы/ выражает значение 'сокращаться, сжиматься, становится меньше размером'. Аффикс -ч- в калмыцком языке очень продуктивен и, как свидетельствуют данные Э.В.Севортяна /7/, в прошлом в тюркских языках содержал уменьшительное значение. Поэтому не случаен тот факт, что агуч во многих языках алтайской семьи означает породу кустарниковых деревьев /см. агы/.

Аарур^ж 'миробаланы лекарственные'. Правильнее вариант арур, ср.монг. арур 'миробаланы' < тиб.^ж

Авын евсен^ж 'пастушья сумка', букв. 'дядя трава'. Этноним авыныр от авын 'дядя' означает калмыцкий род, монг. авга-племя во Внутренней Монголии. Вероятно, с этим и связано происхождение этой травы. Такой перенос названия рода или племени на названия растительного мира /или наоборот, что требует доказательства/ в нашем материале встречается неоднократно. Ср. як. абаза 'древовидная ольха', 'престарелый в роде', 'старший брат родного отца' /4,199/.

Агы 'полюнь'. В данном значении в калмыцких словарях отсутствует. Калмыцкий агы редко означает 'белый', вариантный агэ 'блеклый' в глаголе агэрхе 'выгореть, выцвести'. Более употребительно это название в сочетании агы шарылжин 'со-

^жЗдесь и далее слова со знаком ж над концом означают, что они представлены Ц.К.Корсункиевым.

лянка русская', букв. 'белая полинь'. В языке животноводов, как показали экспедиционные материалы, нередко произношение ага, где конечный /-а-/ является полным гласным. Записано нами это слово и в виде аки, где /-к-/ представляет собой глухой вариант звука / г /, ср. монг. агъ 'полинь холодная'. Агчи 'клен'. В произношении всегда слышится акчи. В живой речи часто употребляется синтаксическая форма агчи модни 'кленовое дерево'. Иное значение приобретает оно в сочетании ца-хан агчи 'ясень'. Агчи выполняет определительную функцию в названии посуды агчи ааһы 'чашка из клева'. Монг. агч мод 'клен', в бурятских словарях отсутствует. Вероятно, в корне аг- в значении 'белый', /-ч/ аффикс, который широко сочетается со многими частями речи, образуя новые слова. Синоним баты цахан, букв. 'прочный белый' /см. ааһы шарь/.

Агчирһын 'чемерица', монг. агширгана 'чемерица', бур. агширгана 'чемерица черная' агчи,- элемент -рһын, будучи очень продуктивным в монгольских языках, часто присоединяется ко многим другим корням или основам, образуя новые слова, например, зултирһын, алтирһын.

Аһыр 'алое'. В разговорном языке более в обиходе словосочетание аһыр модни 'сандаловое дерево' и аһыр занди модни 'сандаловое красное дерево' ср. бур. агар зандан, монг. агар 'кипарис'. Название аһыр /агар/ 'сандал' широко употребительно в устном народном творчестве, в частности в калмыцком героическом эпосе "Джангар". Как само дерево, так и изделия из него широко использовались богатырями эпоса в качестве орудий защиты против иноземных захватчиков: аһр занди модыг үндстәһинь суь тац авад, ачинь шудра хаяд, йовһар дэврэд ордг вериг гинэ 'говора́т, он так храбр, что сорвав с корнями сандаловое дерево и содрав с него ветки, сплывшись, наступает на врага'; аһр занди арман татц авад, кендц дтүрв 'взяв красное сандаловое копье наперевес'. В "Джангаре" и дворец построен из сандала: аһр занди ерге 'дворец из красного сандалового дерева'. Возможно, 'алое' или 'сандал' не исконное значение данного слова. Аһыр в отдельных тюркских языках означает 'святой, драгоценный' /5/. В калмыцком языке отдаленное значение его 'алый, красный'. Красный цвет у

калмыков считается не простым, не обычным. Он связан с понятием 'святой дорогой'. Поэтому калмыки почитают этот цвет. Не случайно когда-то калмыки называли себя удая залата халы - туд 'калмыки с красными кисточками на лапке', т.е. 'красношпачниками', а самый смелый сильный богатырь в героическом эпосе "Джангар" нарекается именем Ждан Хондр 'Алый Хонгор'. Ср. тат. азырткач 'очиститель' < азырт - 'белить'. Ср. также рассмотренные выше названия.

Алин хуй 'богородская трава'. Первое слово сочетания записано от информаторов с разницей в гласной во втором слоге аһан и аһун. Расхождение такое, очевидно, связано с диалектными особенностями носителей языка. Информаторы сообщали, что листьями этой травы варят чай. Трудно сказать, с чем связано происхождение этого названия, буквальный его перевод означает 'колени княжны'. По всей вероятности, это есть народное название травы эрвэн эвсэн 'богородская трава'. Но эта форма в таком же виде сохранилась в якутском языке - аһун 'ствол, стебель' /4,171/, ср. калмыцкий старонисыменный аһун, манч. аһа 'стебель, соломинка' из монгольского, о чем свидетельствует аффиксное слово - аһун монгольского происхождения, в данном случае представляющий слово - корень. Если иметь в виду, что слово часто прочно сохраняет свое исходное значение в иноязычной сфере, чем в родной, то первоначальное значение этого слова сохранилось в заимствованном языке. Определенное слово хуй 'ляжка' данного сочетания может иметь и переносное значение 'нижняя часть чего-либо', например, ствола дерева, высокой травы и т.д. Отсюда можно согласиться с тем, что данное сочетание в целом означает 'стебель ветки ствола'.

Адыр - какая-то трава. Значение не установлено, но ср. атыр 'отава'. Произношение /-д-/ может быть здесь специфичным лишь для языка данного лица.

Адымчи 'помидор' в бузавинском говоре калмыцкого языка. В других говорах отсутствует, ср. т.-мал.: нел. аданчуя /4,170/.

Ажирьин 'герань луговая', бур. азэргана, мсиг. азарга. В монгольских языках это слово выражает понятие 'большой, мо-

гучий'. С ним связано происхождение многих названий, например, калд. ацирьа цаһан хусым 'большая береза', монг. азраган бороо 'ливневый дождь', бур. азарга баабтай 'медведь'. Слово содержит следующий морфологический состав: ажи рһы н; /-н/ в данном случае образует новое слово, ибо ацирьым без конечного /-н/ выражает значение 'жеребец'.

Ацирьым зексэн 'чакан' /крупный/, рогоз.

Ацираньа^ж, ацирийһы 'горечаяка лавровая', -аһа - афф.

Айва 'арт, айва', ср. тюрк. айва, һайва.

Ацирсия, ацирсан 'дикая яблоня, дикое яблоко', 'брусника'.

Ср. бур. ацирһан 'брусника', монг. ацирсан, ср. эвенк. ацирсух < мо., калд. ацсын 'кожура фруктов', вероятно, ацисун, /IO/, совр. калд. хальһоми 'кожура'; монг. ацир, лиһр, бур. үһир; ср. т.-м. ули 'груша'.

Алтылыг^ж - 'донник желтый' < алты - < алтын.

Алтыма^ж 'адонис, горюццвет' < алты - < алтын.

Алтын дуслар^ж 'дождь', букв. 'золотая капля'.

Алтын дуухиты 'клемник байкальский', букв. 'золотой шлем'.

Алтын утһы 'пояска', досл. 'золотая нить'.

Алтын хундыһы^ж 'календула, ноготки ползучие', букв. 'золотая репка'.

Алтын цацгыт 'зверобой', букв. 'золотое соцветие', цацгыт 'головка цветка'.

Алтын шарьджин 'помянь золотая' см. шарьджин.

Алтырһия, алтырһа^ж 'золотарник, золотая розга, лилия'; монг. алтан харгана, бур. алтаргана. Название образовано из сложения основ двух слов алтын и харгана с выпадением в первом слове неустойчивого /-н/ и элемента ха- во втором слове. Последнее из них является самостоятельным словом: калд. харьа 'береза, доска' монг. харгай 'сибирская лиственница', бур. харгаһаян 'кустарник, калина'.

Алтына цецэг^ж 'донник желтый' < алтын.

Алцынхут 'сусан', /9/. Очевидцы свидетельствуют, что это белоголовая трава, растущая в сырой местности, в низинах. У камышов имеется этноним этого же названия - алцынхут. Монгольские алцы, алчы 'впадина на нижней стороне бабки' /ср. русск. альчик/, в общем-то значение совпадает с тюркским зна-

чением аличи 'низкий, низменный', отсюда возможно, что этноним алцянхут — это люди /община, род/, живущие в низине. Такое предположение подтверждается и самим фактом — алцянхути действительно живут в низине. В Приозарном районе Калмыцкой АССР имеется совхоз им. Чапчаева, который до недавнего времени назывался совхозом "Заливной". Обширный лиман здесь весной наполняется снежной водой. Летом вода высыхает и низина превращается в зеленые луга с обильной сочной травой. Таким образом, и местность, и народ, живущий на ней, носят одно название алцянхут. Из сказанного вытекает, что первично топоним алцянхут.

Аличи 'алыча', ср. тюрк. алыча, аду, алча, алуца и т.д.

Алыг нүдэн /цэцэг/ 'аютины глазки, фшакка', букв. 'пестрый глаз /цветок/', ср. бур. алаг нүдэн, монг. алаг нүдэн цэцэг.

Альмын 'яблоко; яблоня'. Дерево этого плода в народе обычно называет альмына модын 'яблоня', ср. монг.-бур. алым, ср. тюрк. алма 'яблоко'.

Аму цэцэг^х 'мак светловорный'/цветок/. Значение первого слова сочетания аму ясно только на монгольской основе — амуун 'злак; зерно', амуу тариа 'злаки'.

Анжигта^х /эвсэн/ 'ажгон', то же, что индийский тмин или айован, ср. каз. анжи.

Анчис 'имбирь', ср. тюрк. андыз, андуз 'растение, корень которого применяется как лекарство' /7/.

Анър /анир/ 'гранат' /дерево и плод/. Записана и форма аныр, монг. анар, в некоторых тюркских языках также анар в том же значении.

Аныс /анис/ 'брусника', монг. анис, ср. чув. энес, тат. анис 'анис' /4, 222/. По другому варианту улайна /улаыйна/.

Арва дерб. 'овес' от глагола арвахы 'быть пушистым'. То же, что торг. суль. Ср. монг., бур. арбай, тюрко-маньчжурские варианты арба, арпа, ар + а 'ячмень' /2, 54/.

Аржансы 'тимopheевка, аржанец'. Параллельно существует и форма аржанцы < русск. аржаной < рожь, ср. як. арсанай — ржаной /4, 216/.

Арныг* 'арника горная'. Ср. звенк. арнакта - арна /4, 223/.

Арсага айти 'кустарник пятилиственный', букв. 'львиная пасть':

Арсия* иден 'сумах дубильный', букв. 'шкура дубильный'.

Артинск* 'артишоки', ср. тюрк. артыш, ардыч 'моккевельник':

Есть варианты ардуч, ардик /7/. Вероятно, слово этимологически связано с арча. Несколько смущает окончание -ок, ибо это явно некалмыцкое звучание. Должно быть на калмыцкой фонетической основе артинка. Очевидно, -ок < русск. аффикс, т.к. калмыки, находясь в среде русских, могли его заимствовать. В других монголо-тюркских языках такого окончания не обнаруживается. Существует мнение о монгольском происхождении этого слова. Так, Раистедт его связывает с глагольной основой арчидэ 'чистить, очищать', одерживая смысл, что данное растение есть 'средство для очищения'.

Арты 'айва'. Этимология неизвестна, ср. калм. глагол артыхи 'слетаться'. В корне предполагаем элемент арт-, что при чередовании /т/ с другими согласными дает варианты арч-, ард-, арс-, ср. с расхожденными вале корнями.

Ардм 'кипарис, арча, моккевельник', тамея арцы 'кипарис' /разовидность его/, яван арцы 'моккевельник каменный', монг. ард 'моккевельник сибирский', бур. арса 'моккевельник', ухар арса 'моккевельник', хонли арса 'моккевельник казачий', явзак арса 'моккевельник каменный, рододедрон', ср. тюрк. арса, арча /4, 182/.

Аршлыг* 'мелкая остролистая и ушколистная', в корне, видимо, арш или арш-. Если принять последнее за действительность, то возможны корни арч-, арс-, арц.

Ашылыг вялэвтэ* 'корнандр, коландра', букв. 'ветка, голень', первое слово состоит из ац- 'ветка' плюс -лыг - аффикс сравнения.

Аш чиктэ 'коровяк мохнатый', букв. 'медвежье ухо' ср. тюрк. айу, айул 'медведь'.

Ээрэч 'пырей, реук, житняк'. Думается, что первое значение наиболее близко к истине. Другой фонетический вариант ээрэч принимается за диалектный. Нередко употребляются сочетания ээрэч эвзэч; бур. айрууд; ср. тюрк. айруч, айромг 'пырей'.

Эшиг 'череха трехраздельная', ср. азм 'горький, кислый'

ажы, ачык /ʃ/.

Өмтөхнэг 'дикорый корневой' от өмтөхэн 'сладкий', бур. амтаахай 'триостронник болотный'. Калм. диал. амтихын 'сладкий' от амтан 'вкус', ср. нан.амтака 'плод, фрукт, ягода', звенк. амтан, орок. апта 'вкус' /4, I75/.

Өнгүрн келэ 'батат'. Өнгүр синоним слова - шары /желтый/, букв. 'желтые ноги'.

Өнхөлүр^ж 'фшалка, аютины глазки'. Корневой элемент ан /анг/ 'цель', но неясно с чем связано происхождение названия.

Өрөхшэ^ж 'мимоза'. Не поддается этимологизации.

Өрэгдэл 'маргаритка'. В калмыцком языке глагол өрхэ 'реступаться'. Но есть такое же слово өрэгдэл 'конский навоа'. Что общего между ними - трудно сказать.

Бавгу^ж 'тасячедистник обыкновенный'. В корне должно быть бавһы-, бавгы- > бавһыр, бавгар 'лохматый, обросший, пушистый', аффикс прилагательного -һар, -гар в монгольских языках довольно продуктивен.

Багла хамтыхасты 'подмаренник настойный', букв. 'пучок листный', багла образован от корневого багы 'пучок', глагол багылхы 'скупивать', монг. -бур. багла 'пучок'.

Багаыра цецэгтэ^ж 'пролеска сибирская' /многолетняя/, ом. багла.

Баглур^ж 'ежевика', см. багла.

Багцы 'бахча', варианты: баһцы, бакцы, бакца; в корне баг-; глагол багцыхы, багынхы 'скупиваться, толпиться', монг. багц 'пучок, связка', бур. то же; ср. тюрк., аз. багчийāлāни < багчи < багча 'сад'; тунг.-ма. бакча 'табак' /с/.

Бадмы /бадым/, в сочетании бадмы цецэг 'лотос, водяная лилия'. У монголов бадма 'вид орнамента', и только сочетание бадма лянхуа означает 'лотос'. Во втором слове часть -хуа 'цветок' < кит. > калм. хув/а/ > хо 'белый, белоснежный', бур. бадма 'лотос', бадма ёнхобо ~ линхобо 'лотос' то же самое китайское слово лянхуа, отсюда бур. собственное имя Линховоин. Бадмы, Бадма, Бадым есть и собственное имя. Ср. тюрк. бадам 'миндаль' < ир /4, 297/. Наряду с этим в слове бадмы /бадым/

нельзя не отметить и другие важные для его этимологии значения, например, бадмы чолун 'рубин, рубиновый', букв. 'рубин камень'; имя существительное бадмыншилйн от бадмы плюс -шилйн - аффикс действия означает понятие 'рост, развитие', глг. бадмынхы 'расти, развиваться, зреть, уметь'; в казахском эпосе "Джангар" говорится "бадмын сөөхи йерелен төвөд..., зөв эрдөд харь" 'произошло подобно Бадме красивое благопожелание, выехали посольство'.

Бадра /бадры/ цецэг^к 'ирис, касатка', другое значение 'вид орнамента', глагол бадырхы 'процветать, пылать', то же самое с разницей в начальном звуке падырхы: бад падырхы 'огонь пылать'. Смысл всего сказанного сводится к содержанию 'пылать ярким пламенем /цветом/'. Исходя из этого можно сказать, что название бадра означает 'яркий' и сочетание бадра цецэг в целом выражает значение 'яркий цветок', монг. бадрал 'расцвет', бур. бадарха, бадаралга 'процветание, рост', глг. бадарха 'распространяться, разрастаться, процветать'; ср. т.-ка. бадара 'лесной пожар' < монг. /б/.

Бадрышу цецэг^к 'базилик священный'. Предположительно, в названиях бадмы, бадры, бадрыца /см. ниже/ и в данном один общий корень бад- /пад-/ со значением 'пылать, издавать яркий цвет'.

Бадрыж^к 'баклажаны' яв бадмы рж + а, очевидно, отглагольное имя существительное, аффикс -рж- образует глаголы: салыржи от глг. салырхы 'распеститься', перен. 'попадать в беду', тавыржи от тавырхы 'разветляться /о тумане/', адыржи от адархы 'сходить с ума'. В монгольском языке есть корневой фитоним бад 'баклажка', от него образовано название национального узора бад 'орнамент', бур. бадан 'чигирский чай'.

Байнг^к еосон 'мяталик луговой' в корне бай- от байн 'богатый', аффикс -нг в казахском языке довольно продуктивен, придает сл-у значение неполноты качества; монг. баялаг өвс; ср. зыря. байлан байлан 'калина, пихта' /4, 202/.

Байг^к зерин 'посеба' /пшеница/, букв. 'радость зернышко, крупица'. В первом слове корень бай-.

Балт^к өвсөз 'сокирки, живокость' от словосочетания бад 'мед' плюс -ты- словообразовательный аффикс, монг. балт 'медовый,

недоносный'; ср. тюрк. бад 'мед'.

Балвус модия^к 'восковое дерево' балву 'воск' корень бал-

Балтыг 'сокирки плевые' < бад-?

Балу 'падуб, остролист' от бад-

Балыты^к 'сняк обыкновенный, румянка'. значение бали 'сний, сняк', как балм - то же; см. выше слова с корнем бад-; ср. тюрк. балам~палам 'бузина, калина'.

Бальчирын 'борщевик сибирский'. Есть название бальчирына - то же и 'волчий корень', монг. балчирган 'борщевик сибирский, чемерица' < от балчир монг. балчир 'малолетний' в смысле 'названный', то же значение в глаголе бидчирхы 'то, что быстро кокетается, раздвигается'; ср. тюрк.: тат. балтырган 'мягкие побеги растений'; калм. балдырган 'мягкая трава; ребенок несовершеннолетний'.

Бамбы 'тюльпан'. Наряду с тем употребляется сложное название бамбы цецэг с тем же значением; монг. бамбай 'валерьяна' /лекарственная/, бур. только в сочетании бамба сэсэг 'роза'; Бамба у калмыков имя собственное.

Бамбы кырыджи 'одуванчик', определяемое слово от керк - 'желтый', -джи в калмыцком языке очень продуктивным сложным аффикс.

Баньы, баньва или баньы^к 'валерьяна', отмечено написание баньва и баньва; ср. кит. бан- в слове банжи 'остатки винограда на лозах' / 5 /, вторая половина этого слова -гва, возможно, от кит. -гуэ 'цветок'.

Банджи или банжи^к 'настурция' /цветок/, ср. банца 'остатки винограда на лозах' / 5 /.

Барвада буз. 'перекати поле', син. хамхул. Вероятно, от глагола барвакы 'быть растопыренным'. Но в корне бар- 'скалут, очертание'; ср. тюрк. бар- 'плод, фрукт' < ир. бар 'плод'.

Барванцыг 'лишир', родственно с барвада, син. шерзэб. Кроме того - имя собственное.

Бардычи, бардыжи 'чернобыльник, полынь обыкновенная'. По всей вероятности, от бардым 'бахвальство', т.к. растение это, имея видимость, замечается издали.

Барбус, барбус 'барбарис' < барбарис < лат. барбарис.

Барур цецэг^х 'илия' < бар-.

Батлу 'осока песчаная' < бат- 'устойчивый'.

Батлик 'батлаук', др. формы батлук, батлыг < бат-.

Батран, батрини 'мята' < бат-; ср. др.-тюрк. битрук
'фистанка' / 5 /.

Батхини хонун 'герань луговая', букв. 'нос мухи', бур.
батаганаан хонун 'герань луговая'.

Бати цаган 'клеп татарский', букв. 'прочный, белый',
монг. бат цагаан 'клеп татарский'.

Банир цецэг 'китайская гвоздика', букв. 'стыдливый цве-
ток', монг. банир цецэг.

Беегү^х 'кабачки' < бөө- или бө-.

Беегэ эвсн^х 'вех ядовитый, цикута', бөө- или бөт-, см.
бөтэ.

Бетэ, бөтэ 'кокосовая пальма', монг. бөт 'кокосовый орех'.

Беедэ^х 'кокос' /орех/, в корне слова может быть бөт-,
бөт-; беедэ модин 'кокосовое дерево', ср. тюрк. беде /4, 212/.

Бөрэ цецэг 'рыцарские шпоры, невестин цветок', букв. 'не-
веста цветок'.

Бөткэ, бөткө, бөтөг 'корневище' /ковья или стебля/,
монг. бөтөгө, тюрк. бөтөгө.

Бивлен 'перец долгий', монг. бивлэн 'перец долгий', ср.
тюрк. бивли 'черный перец' < скр. /5/.

Бидвал^х 'стрелолист обыкновенный', в корне бид-; афф.
-вал /-бал/ широко используется в словообразовании, например,
удбал, удвал.

Бизэндэг, бизэнэг 'бизника'. Зарегистрирована форма би-
зэнцэг 'паслен', монг. бизэндэг < русск.

Билчиндэр^х 'помидор' от глаг. билчихэ 'выпучиваться' <
билч- /билц-/.

Билчүхэ^х 'паслен черный', ср. прилагательное билчихэр
'пухлый' < билч- /билц-/.

Бимбэ ~ бимба^х - 'дерево' с красным плодом; тюрк. бимба^х
скр. 'бимба' /плод красного цвета /5/, имя собственное.

Бирнэг^х 'воробейка, воробейник луговой'.

Бинхүрвэ^х 'вострец', букв. 'свисток'.

Бобба^х 'боб' < русск. 'боб'.

Боббалик^ж 'бобовник' от бобба < русск. 'боб'.

Богшурмаг^ж 'воробейник, воробейка' от богшурна 'воробей',
-маг - афф.

Бодлачи 'осот; бодяк' - трава, растущая в воде.

Бодынцг 'картофель' < от боды- 'крупный', монг. бодон-
цог 'батат'.

Бодь модын^ж 'смоковница, священный фикус' < бодь 'свя-
тость'.

Божимыг 'полюнь укрополистная', бож - корень, афф. -мыг;
монг. божмог.

Бомбулиг^ж, бомбуииг 'зонник колдчий': бом-, -булиг /-пу-
лиг/, -буииг /-пуииг/, вероятно, сложный аффикс.

Боннаг 'аконит', монг. бунъаа 'аконит даурский', возможно,
что это заимствование из китайского, бон-~ бун- корень.

Боры будырһын 'курай', монг. бор бударгана 'солянка по-
чечковосная, курай', бур. бударгана 'поташник, жерняк'. Во
втором слове буды- /буда-/ корень, за которым возможно значе-
ние 'ветка; побег', ср. тюрк. буда кит. путао 'виноград',
бутаг 'ветка, ветви, побег' /5/.

Боры бурһьсын 'вяз', монг. бор бургаас 'вяз', бур. бурга-
аһан 'прут, хворостина, лоза', см. бурһьсын.

Боры борылда 'нижне трехдольная' борылда то же означает
'серый жаворонок' от бор /серый/, монг. боро боролдой, бур.
боролжо 'кустарник'.

Боры зарым 'гречиха', дерб. зарым 'прессо', торг. зарым
'пшеница'; монг. зарам 'отруби'.

Боры сикэ^ж 'лебеда', букв. 'серые серьги'.

Боры телэ 'полюнь запутанная; приплод', букв. 'серый ягне-
нок', монг. боро телег 'полюнь запутанная'.

Боры уласын 'осина', уласын < улан, букв. 'серая осина',
монг. бор улиас 'осина'.

Боры удын 'ива' /разновидность ивы/, монг. боро уд 'род
ивы'.

Боры шавыг 'полюнь ксерофитная', монг. бор шаваг.

Борылдин^ж 'березка кустарниковая' от бор, монг. боролдин
'береза Глимена', боролзгоно 'кустарник', бур. боролжо 'ку-
старник'.

Бөвгэн 'ольха' < бөв-.

Бөөлдирхэн 'машина' встречается оформление бөөлжирэн.
Известно также значение этого названия: ежевика, крыжовник,
рябина. Сложное название суевым бөөлдирхэн - красная смородина;
в котором слово суевым означает - жемчуг, букв. - 'жем-
чужная смородина' бөөлдү 'рвота' < бөөл-, тюрк. бүлдирген
'голова'.

Бөөмдө явхыг 'чидябуха, рвотный орех /и дерево/' < бөөл-.

Бөөргэн, бөөргөнэ 'костяника', отмечен вариант бөөрлэнэ,
бөөрлэнэ*, монг. бөөрлэгэнэ, бөөрлэгэнэ, бур. бөөрлэгэнэ 'кост-
яника' < бөөрэ 'почка'.

Бөөсэ түүдэг 'белена, дурман', досл. 'высказавший вней'.

Бөөсдэг* 'архека Тунбарга' < бөөс-.

Бунар 'бук'.

Булархын, бужырхын* 'жеряк', трава, растущая в солон-
чаках.

Будыг модон 'разеда красильная' < будыг 'краска'.

Будыгду 'онсежа красильная' от будыг 'краска' < буд-.

Будыа тавыгты 'копачья лопка', букв. 'ступня бедил',
монг. будага тават 'копачья лопка', ср. тюрк. будхума 'расте-
ние, похожее на тамариск'.

Будцы цоцэг* 'лилия, саранка'.

Будьчарха хамтыхасты 'мята ползая', букв. 'содержащий
листья в виде лимфатических узлов'.

Бунхарн* 'борец дуунгарский, аконит'.

Бурэ 'роза', монг. бурээ 'густая роза, лесная чаща'.

Бурхысын 'верба', улан бурхысын 'красный явник', бурхы-
сыя муу 'верба', бурхысын модын 'талык'; монг. бургаа-
сян 'ива, верба, шьян, талык'; бур. бургаахан 'прут, хво-
ростник, лоза'; ср. тюрк. барь < ир. берг. 'лист'; т.-ма.
бургай, бузал 'лиственный лес' /4, 167/.

Бурын 'сахарный тростник', то же в сочетании бал*
монг. бурин 'тростниковый сахар'.

Бурхус 'малый барзьяк' < бурхус.

Бурцы модон 'маленькая сетчатая'. Бурцы- /бурчи-, бурши-/.

Бурчиг өгтэ 'чужна степная; душистый горошек', букв. 'малень-
кий семена в виде гороха', монг. бурчиг 'горох'.

Бурчиг 'горох', зарегистрирован вариантный бурчиг 'брик-ва', ср. тюрк. бурчиг 'горох и др. растения из семейства бобовых'.

Бурия 'перец', бурия модии 'перцовое дерево', харь бу-рия 'черный перец', улан бурия 'красный перец'.

Буты 'куст, кустарник, заросль', бути модие 'кустарнико-вое дерево', монг. бута, бур. бута 'кучка, почва', ср. тюрк. бута, бутаг 'куст, кустарник' < бут-.

Бутирына 'солянка русская, поташник', то же -- будирына: бут-.

Буудя, бүүдэ, будаа 'зерно, пшеница', калм. будыи 'каша', монг. буудай, бур. будаа 'крупя'; ср. тюрк. бундай, будай 'пшеница'.

Буурьлда 'поляна горькая' от буурия 'седой' < буур 'су-рый'.

Бухи нилэг 'мальва, правирьяк, пирей', букв. 'быка за-ривка', где нилэ 'загривок', -г - аффикс.

Бухида 'мальва' от бухы- 'бых' + аффикс -ида, то же, что жамба; монг. кек бухандай зоол. 'смирница', бур. хухэ бухандай 'поползень'.

Бушты 'ольха' < бун- плюс словообразовательный аффикс -т.

Буя /буяа/ 'лакрица, лакричный корень, солодка', син. соһы; тюрк. бой 'ствол, стебель'.

Бүзэһнэ 'бузина', отмечено с удвоением гласной в первом слове бүүзэһнэ, бур. 'ветка, молодой побег', ср. тюрк. бур. бур /б, 290/.

Бүрсэ 'дикий клевер', зафиксировано произношение бүрсэл, подвиды этого растения образованы синтаксически: цаһан бүрсэ 'белоголовый клевер', шары бүрсэ 'желтоголовый клевер'. Название образовано от бүр 'покрытие, покров'.

Бүрэгдэг 'одуванчик' от бүргэхэ 'пылить'.

Бүтү пецэг 'бутон' /цветок/, букв. 'закрытый цветок'.

Бүүрсэн 'дескурения София'.

Бүүрэгте 'слошница' < бүүрэг 'блоха'.

Вандуй 'горох' < тиб.

С н о с к и

I. Сектор языковедения и диалектологии Калмыцкого НИИ ИФЭ периодически организует экспедиции по сельским местам республики для сбора языкового и фольклорного материала. В сборник вошли материалы экспедиций 1970 года по маршруту совхоз "Сарпа", поселок Цаган-Аман Юстинского района и населенные пункты Астраханской области, расположенные по обоим берегам реки Волги, и 1978 г. в двух западных - Городовиковском и Яшалтинском районах Калмыцкой АССР. В обследованных населенных пунктах проживают носители торгутского говора /пос. Цаган-Аман/ и хопутского подговора /совхоз "Сарпа"/. Часть территории Нижнего Поволжья заселена хопутами или так называемыми астраханскими калмыками. В западных районах республики проживают носители икидербетовского и бузавинского подговоров.

По свидетельству информаторов, коими явились в основном лица пожилого возраста, имевшие самое непосредственное отношение к растительному и животному миру, в калмыцком языке очень много народных названий флоры и фауны.

Список литературы.

1. Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. Издание "Наука" М., 1978.
2. Дамдинов Д.Г. О земледельческих терминах в монгольских языках. Исследования по восточной филологии. М., 1974.
3. Дмитриева Л.В. Монголизмы в тюркской растительной лексике. "Советская тюркология", № 3, Баку, 1976.
4. Дмитриева Л.В. Названия растений в тюркских и других алтайских языках. - Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Л., 1972.
5. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
6. Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975.
7. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1975, под редакцией В.А. Цинциус.
9. А.М. Позднеев. Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.
10. G.J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
ГНЕЗДО В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ

Производные слова, как и любые другие языковые единицы, должны рассматриваться в двух основных планах - парадигматическом и синтагматическом /4,302/. Например, слово мал 'скот' образует в современном калмыцком языке словообразовательную парадигму из следующих производных основ /слов/:

1	<u>мал</u>	'скот'
2	<u>мал-ч</u>	'пастух'
3	<u>мал-ст</u>	'любящий скот'
4	<u>мал-рхг</u>	'любящий скот'
5	<u>мал-д-х</u>	'пасты скот'
6	<u>мал-ш-х</u>	'обзаводится скотом'

Слово мал сопоставляется по разным признакам с приведенными производными от мал словами. При этом учитываются три признака: общность производящей основы /корня/, семантическое и формальное различие. Члены одной словообразовательной парадигмы противопоставляются по одному деривационному признаку и не взаимозаменяемы. Словообразовательная синтагма - это производная основа, состоящая из производящей основы и деривационного аффикса.

В данной части работы мы рассматриваем типы словообразовательных гнезд в современном калмыцком языке, в составе которых выделяются словообразовательные парадигмы.

Производные слова в калмыцком языке объединяются в словообразовательные гнезда. Для их объединения в одно гнездо необходимо наличие у них следующих трех признаков: общности корня /основы/, семантической мотивации и формальной производности. Основу словообразовательного гнезда составляет первичная основа /корень/. Например, глагольная основа ав - 'брат', являясь первичной, образует следующее словообразовательное гнездо и парадигму:

ав - 'братъ'	ав-лц-х	'братъ с кем-либо вместе'	→ ав-лц-ан	'взаимообмен, /совместное/взятие'
	ав-лнн	'взятие, прием'		
	ав-шнн	'пристрастный к взятию, привыкший брать'		
	ав-мтха	'мелочный; жадный; склонный к тому, чтобы брать'		

В зависимости от характера первичной основы в калмыцком языке можно выделить несколько типов словообразовательного гнезда: именные, наречные, глагольные, числительные, местоименные, изобразительные, глагольно-именные.

К числу именных словообразовательных гнезд относятся такие, где в роли первичных /исходных/ основ выступают основы имен существительных или имен прилагательных, например: словообразовательное гнездо с первичной основой толъа-'голова', включающая в себя производные слова: толъач 'руководитель', толъа-л-х 'возглавлять', толъа-д-х 'ударять по голове'. К числу глагольных словообразовательных гнезд /далее - СТ/ относится, например, СТ с первичной глагольной основой сонс-'слушать', которое включает в себя производные слова сонс-ач 'слушатель', сонс-х-вр 'слух//слуховой', сонс-лт 'слышимость, слух', сонс-лнн 'слушание'. К числу наречных словообразовательных гнезд относится, например, СТ с первичной наречной основой хаза-'вне, снаружи', которое включает в себя производные слова хаза-ь-ас 'извне, снаружи', хаза-ь-ур 'вне, с внешней стороны', хаза-д 'наружный, внешний', хаза-н 'внешний', хаза-нъ 'снаружи', хаза-ран 'наруж', хаза-л-х 'считать чулки' и т.д.

Остов, каркас словообразовательного гнезда составляет словообразовательная парадигма, которая представляет собой, как мы уже отметили, определенную совокупность моделей производных слов. Для каждого типа словообразовательного гнезда в калмыцком языке существует соответствующая парадигма. Так, к примеру, качественные прилагательные в современном калмыцком языке образуют производные слова по одним и тем же моделям, с помощью одних и тех же суффиксов, что позволяет говорить о существовании для них общей словообразовательной пара-

дигмы. Рассмотрим ниже словообразовательную парадигму качественных прилагательных.

	I	II	III	IV	V
1	бички 'маленький'	баһ 'небольшой'	ик 'большой'	сөн 'хороший'	му 'плохой'
2	бичк-пр 'маловат; маленький'	баһ-пр 'небольшой, маловатый'	ик-вир 'большева- тый'	сөө-вр 'несколько лучше'	муу-пр// муу-втр 'плохова- тый'
3	бичк-эки 'очень ма- ленький'	баа-хи 'небольшой'	ик-хи 'довольно большой'	сөө-хи 'красивый'	муу-хи 'плохонь- кий'
4	бичк-д-уд 'маленькие, малыш'	баһ-чуд 'молодые'	ик-чуд 'взрослые'	сөө-чуд 'лучшие, знатные'	муу-чуд 'плохие, низшие'
5	бичк-иэ 'маленький'	баһ-нэ 'младший'	ик-нэ 'старший'	сөө-нэ 'лучший'	муу-нэ 'худший'
6	бички-эр 'чуть-чуть'	бал-ар 'по-малу'	ик-эр 'по-многоу'	сөөн-эр 'хорошо'	муу-һ-ар 'плохо'
7	бичк-д-х 'быть тесным'	баһ-д-х 'не хва- тат'	ик-д-х 'быть боль- шим'	сөө-д-х 'стать хо- рошим'	мууд-х 'ухуд- шаться'
8	бичк-р-х 'уменьшаться'	баһ-р-х 'становить- ся меньше'		сөө-р-х 'улучша- ться'	муу-р-х 'ухудша- ться'
9		баһ-л-х 'делать меньше'	ик-л-х 'делать больше'	сөө-л-х 'улуч- шать'	муу-л-х 'худить, отзывать- ся плохо'

Обращает на себя внимание отсутствие некоторых производных слов в первой, третьей колонках. Их отсутствие объясняется действием ряда ограничений, которые мы и рассмотрим. В первой колонке отсутствует производная модель 9, хотя ее образование не противоречит законам калмыцкого словообразования. От прилагательного бички с помощью суффикса -л образуется глагол бичк-л-х со значением 'уменьшать, делать маленьким', однако современный калмыцкий язык редко прибегает к этой модели из-за активного употребления глагола бичкдлх 'уменьшать', образованного от глагола бичкдх. В третьей колонке отсутствует производное слово ик-р-х 'увеличиваться'

/модель 8/ по причине пока не совсем ясной.

Наряду с общими моделями производных встречаются и такие, которые присущи только отдельным СТ, что тоже вызывается ограничением семантического характера. Так, в СТ с исходными основами прилагательных *ик-* и *сен-* имеются производные глаголы *икрхх* 'заноситься, чваниться' и *сөөрхх* 'высокомерничать', от которых соответственно образовались прилагательные *икрхт* 'высокомерный' и *сөөрхт* 'надменный'.

Ограничения, действующие при образовании слов, видны и при рассмотрении качественных прилагательных со значением цвета. Качественные прилагательные *улан* 'красный', *цаһан* 'белый', *хэр* 'черный', *бор* 'серый', *кар* 'желтый', *көк* 'голубой' и *ноһан* 'зеленый' имеют одну словообразовательную парадигму, которая наиболее полно представлена производными первых трех из них. Вместе с тем, в каждой колонке имеются пустые клетки, что объясняется несколькими причинами.

Отсутствие производных глаголов с суффиксом *-д* /модель 3/ в колонках IV-VII объясняется тем, что здесь находят свое проявление омонимия. Так, производное слово *кар-д-х* 'желтеть, делаться желтым' остается на сегодняшний день пока потенциальным из-за наличия в языке омонимичного глагола *кар-д-х* 'отрадаться изжогой' /от *кар* 'жюрга'/; производное слово *бор-д-х* 'сереть, становиться серым' не реализуется из-за омонимичности глагола *бор-д-х* 'откармливать', например, *мал бордх* 'откармливать скот', производное слово *ноһа-д-х* 'зеленеть, становиться зеленым' не реализуется из-за функционального в языке глагола *ноһа-тр-х* с тем же значением; слово *көк-д-х* 'синеть, делаться синим' является только потенциальным, так как в этом значении употребляется производное *көк-р-х*.

Производные с суффиксом *-хи* /модель 6/ зафиксированы только от двух прилагательных. Это *-улаххи* 'красненький' и *цаһахи* 'беленький'. От прилагательных *хэр*, *кар*, *бор*, *көк*, *ноһан* подобные производные не образованы, хотя в принципе они возможны. То же самое касается производных с суффиксом *-һү* // *һү* /модель 10/.

Производные с суффиксами *-чуд*, *-да*, *-ла* /модели 7-9/

№	1	2	3	4	5	6	7
1	УЛН 'КРСЧНЫ'	ЦАВН 'СЕМН'	ХАР 'ЧЕРНЫ'	ХАР 'ЖАТЫ'	БОР 'СЕРЫ'	КЕК 'СМНН'	НОВН 'ЗЕЛОНН'
2	УЛ-ВР 'КРСЧОВА- ТЫ'	ЦАВ-ВР// ЦАВ-ЦР 'БОЛОВАТЫ'	ХАР-ВР// ХАР-ВР 'СМУТЫНН'	ХАР-ВР// ХАР-ЦР 'ХАТОВАТЫН'	БОР-ВР// БОР-ЦР 'СЕРОВАТЫН'	КЕК-ВР// КЕК-ВР 'СМНОВАТЫН'	НОВ-ВР// НОВ-ВР 'ЗЕЛОНОВАТЫН'
3	УЛ-Д-Х 'ДЕЛЕТСЯ КРСЧНЫ'	ЦАВ-Д-Х 'ДЕЛЕТ'	ХАР-Д-Х 'ОЕТЬ СЛМЕ- КОМ ЧЕРНЫ'	-	-	-	-
4	УЛ-Х 'КРСЧОНЕТ'	ЦАВ-Х 'ОЕЛЕТ'	-	-	-	-	-
5	УЛ-Р-Х 'СТАВОНЕТ'- СЯ КРСЧНЫ'	ЦАВ-Р-Х 'СТАВОНЕТ'- СЯ ОЕЛМ'	ХАР-Р-Х 'ЧЕРНЕТ'	ХАР-М-Х 'ЖЕЛТЕТЬ'	БОР-М-Х 'СТАВОНЕТ'- СЯ СЕРЫ'	КЕК-Р-Х 'СМНЕТ'	НОВ-Р-Х 'ЗЕЛОНЕТ'
6	УЛ-ХН 'КРСЧОНЕКНЫ'	ЦАВ-ХН 'ОЕЛОНКНЫ'	-	-	-	-	-
7	УЛ-ЧУД 'КРСЧОНТАВ- ДЕЛМ'	ЦАВ-ЧУД 'ОХОЛТАВ- ДЕЛМ'	ХАР-ЧУД 'ПРОСТОК- ДЕЛМ'	-	-	-	-
8	-	ЦАВ-ДА СОБОТ.МН	ХАР-ДА 'УСТОЧКА'	-	БОР-ДА 'ХЕВОРОНО'	-	НОВ-ДА 'ВАНЧОНК ВО- СЕННОТ ПРЕ- ЦАОВА
9	-	ЦАВ-ДЕ 'ЗАЦ-ОЕЛМ'	-	-	-	-	-
10	-	-	ХАР-НУ 'ТЕМНН'	ХАР-НУ 'ОРАКОВНН'	-	-	-

представлены не во всех колонках, так как их производство ограничено внеязыковыми причинами. Потребность в потенциальных словах шар-чуд 'желтые', бор-чуд 'серые', кек-чуд 'синие' и ноһа-чуд 'зеленые' среди носителей языка отсутствует, хотя их производство не чуждо тенденциям словообразования. По этой же причине, т.е. по причине отсутствия социального спроса, в калмыцком языке отсутствуют производные с суффиксом -да, которые могли бы служить для обозначения птиц по цвету типа ула-да, цаһа-да, шар-да, кек-да, ноһа-да по аналогии с реальными производными словами хара-да 'ласточка' и бор-л-да 'серый /о птицах/'.

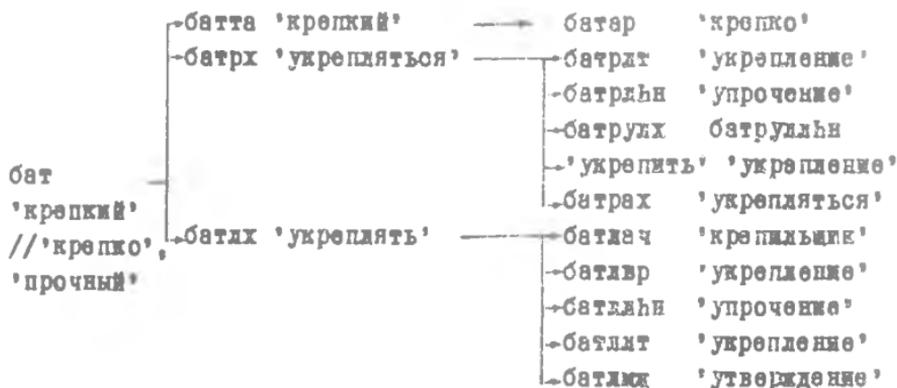
Вместе с тем известно, что в калмыцком языке есть производные слова, обозначающие птиц, но они образованы с помощью других суффиксов. Например: кек-ви 'синица', шар-һ 'соловый, соловый цвет'.

Внеязыковые и языковые причины наложили ограничение на образование производных с суффиксом -ла /модель 9/.

Итак, при образовании новых слов в языке действует ограничительные тенденции /закономерности/: внутриязыковые и внеязыковые. К числу внутриязыковых относится: устранение омонимии /как в случае с потенциальным словом шар-д-х 'желтеть', которое не получило прав гражданства из-за реального глагола шар-д-х 'страдать изжогой', а к числу внеязыковых тенденций можно отнести отсутствие предметов или явлений окружающей нас действительности, с которыми могли бы соотноситься потенциальные производные слова. /Как в случае с нереализованными словами типа шарчуд, борчуд, кекчуд, ноһачуд, в то время, как реальные слова улачуд 'красные, красногвардейцы' и цаһа-чуд 'белые, белогвардейцы' обозначают определенные социально-исторические группы людей/.

Словообразовательные гнезда бывают простыми и сложными. Простыми мы называем такие, в состав которых входят исходные слова и непосредственно образованные от них производные слова. Так, к числу простых относятся СГ с исходным словом тэрх 'сеять' /тэрэн 'хлеб', тэрэч 'земледелец', тэрмр 'посаженный', тэрмүр 'сеялка', тэрһн 'сев'/, с исходным словом тууж 'история' /тууж-л-х 'рассказывать', тууж-ч 'историк'/.

Сложными словообразовательными гнездами мы называем такие, в составе которых производные слова выступают на правах производящих, образуя дочерние словообразовательные гнезда. К примеру, СТ с исходным именем существительным бат 'крепкий' // 'крепко' относится к числу сложных.

Как можно заметить, в приведенном СТ в роли производящих выступают производные слова батрх и батлх, образуя дочерние словообразовательные гнезда.

Анализ словообразовательных гнезд показывает, что в некоторых из них наблюдается разрыв формальных и семантических связей, которые могут быть восстановлены при учете действующей в языке словообразовательной парадигматики. К примеру, в калмыцком языке есть однокоренные слова ан 'трещина, щель'; анъах 'раскрывать, открывать', анъалн 'раскрытие, открытие', анъър 'открытый, раскрытый', анълах 'открывать, раскрывать', анълаур 'постоянно открывающийся, закрывающийся', анърха 'щель//целистый', которые можно объединить в одно СТ. Однако здесь возникает трудность из-за отсутствия между словами словообразовательных связей, кроме двух, связанных отношениями производности — анъах 'раскрывать' → анъалн 'раскрытие'. Чувствуется, что нет какого-то производного слова, которое объединило бы их в одно СТ. Действительно, анъах не может быть образовано непосредственно от ан 'щель' с помощью предполагаемого суффикса -ъа, если есть производные анъър; анълах, анърха, где содержится -ъ, но отсутствует -а. Вместе

Для выяснения формально-семантической структуры словообразовательного гнезда необходимо знать о тех отношениях, которые складываются между исходным /производящим/ словом и производным. Опираясь на классификацию формально-смысловых отношений, которые складываются между производящей и производной основами, в современном калмыцком языке можно выделить их следующие три типа:

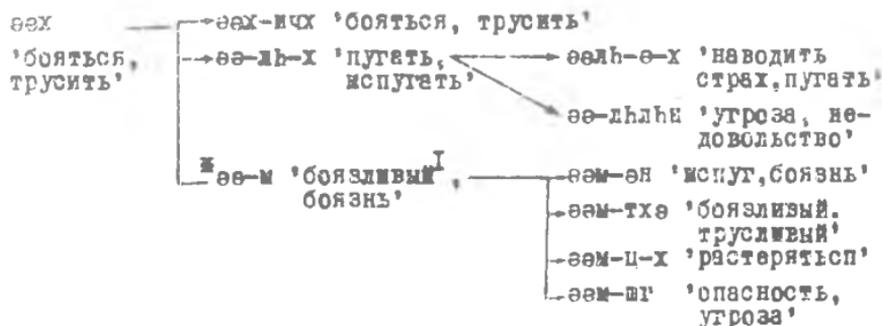
1. Производное слово семантически мотивируется производящим, т.е. по смыслу и по форме является более сложным, чем производящее. Например: эндр /гер/ 'высокий /дом/', но эндрцр /гер/ 'более высокий /дом/'.

2. Производное слово лишь по форме сложнее, чем производящее, а семантически они равны. Различаются они принадлежностью к разным частям речи. Например: умш/х/ 'читать', но умш-лнн 'чтение'. В этом случае глагол и существительное обозначают одно действие. К этому же числу следует относить производные от русских заимствований типа биолог 'биологч', математик математикч 'математик'.

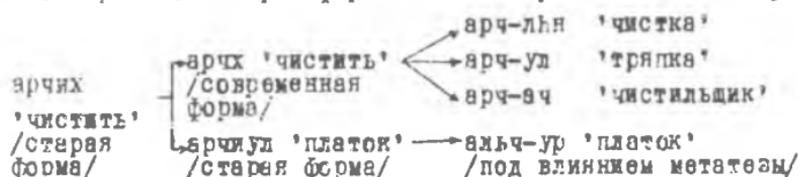
3. Производное слово находится в отношении производности с двумя производящими словами. Такие отношения называют "отношениями множественной производности /или мотивации/" /2, 67/. Например, производное слово балъ-ц 'глоток' находится в отношении производности с балъ-х 'глотать' и балъ 'глоток'. Это означает, что слово балъ-ц может быть образовано и от имени существительного балъ и от глагола балъ-х. То же самое наблюдается и с производным словом алх-ц 'шаг', которое может быть образовано и от существительного алх 'шаг' и от глагола алх-х 'шагать'.

Наблюдения над преобразованиями значения производящего слова в производных словах дают интересные данные. К примеру, значение производящего слова в процессе семантической трансформации превращается в свою противоположность. Так, в СГ с исходным глаголом эах 'бояться' у отдельных производных слов появилось полярное значение - 'пугать'. Сравнить:

[эа-дг 'боязливый, трусливый' → эа-дг-го 'храб-
 рый'
 [эа-лнн 'боязнь, страх'

В отдельных словообразовательных гнездах наблюдается изоляция некоторых производных из-за исторических фонетических процессов, которые произошли в свое время в них. Так, в СГ с исходным словом арч-х 'чистить' в такой изоляции оказалось производное слово альчур 'платок', которое было образовано в свое время от старой формы глагола арчих 'чистить'. Сравните:

Здесь, вероятно, можно говорить не только о современных словообразовательных связях внутри гнезда, но и исторических.

В современном калмыцком языке имеются многочисленные ряды однокоренных производных слов, но не связанных между собой отношениями формально-семантической производности. Например: к числу таких рядов можно отнести слова бавлр 'лохматый' и бавлх 'быть лохматым'. Производными эти слова считаются потому, что в них выделяются живые суффиксы *лр /ср. балхлр 'тучный', балвлр 'широкий'/, -к /ср. вак-и-х 'стигаться', унл-и-х 'связать'/. Морфемная членность позволяет выделить их общую часть бав-, значение которой ретроспективно восстанавливает-

1. Производное *вех 'боязливый' восстановлено по аналогии с агч-х 'сокращаться' → агч-и 'миг', адл-х 'торопиться' → адл-и 'спешка', алх 'убивать' → али 'убийственный'. Производные вехен, вехтхэ, вехцх подтверждают, что такое слово было в употреблении.

оя с учетом семантики производных бав-һр и бай-и-х как 'шерсть', либо как 'волосы'. Видимо, основа бав- обозначала шерсть какого-то конкретного животного, как в монгольском языке слово савга обозначает ячью шерсть. Итак, хотя слова бавһр и бавих не связаны между собой отношениями производности, все же они являются членами одного словообразовательного гнезда, т.е. они формально и семантически связаны с восстанавливаемой основой бав-, которая для них является общей. Сравнить:

бав-	{	бав-һр 'лохматый'
'шерсть'		бав-и-х 'быть лохматым'

В современном калмыцком языке основа бав- относится к числу связанных основ, т.е. встречается только в окружении суффиксов. У связанных основ, обычно, отсутствует в языке их словесные корреляты.

Большую роль в разрушении словообразовательных гнезд играет, видимо, исчезновение из речи их производящих слов, что и приводит к образованию рядов однокоренных слов, не связанных между собой отношениями формальной производности и семантической мотивации. Наши наблюдения показывают, что в калмыцком языке словообразовательные гнезда тесно связаны с этимологическими гнездами. Связь проявляется в том, что некоторые этимологические гнезда представляют собой не что иное, как старые словообразовательные гнезда, в которых по разным причинам между его членами утрачены словообразовательные отношения. Кроме того, отдельные словообразовательные гнезда являются дочерними по отношению к одному из членов этимологического гнезда. В этом можно убедиться, если рассмотреть следующий пример. В современном калмыцком языке есть четыре пары слов: 1/ ях-ях междометие, выражающее 'усталость, боль' и пах 'что делать, как быть'; 2/ ядох 'мзигуряться, обессмысливать' и ядх 'не мочь, не уметь; не быть в состоянии, не иметь возможности что-либо делать'; 3/ яерх 'разболтаться' и яалх 'якть, болеть'; 4/ яерх 'поправляться, улучшаться /о здорюльэ/ и нсх 'исправлять, поправлять'. Значения этих слов противоставлены по признаку "переходное-непереходное" дейст-

вио. Слова ядрх, яарх, ясрх обозначают непереходное действие. Междометие ях-ях можно отнести к этому же ряду слов, т.к. оно выражает состояние человека. Слова яах, ядх, яалх, ясх обозначают переходное действие. Семантический анализ показывает, что все эти слова близки, т.к. обозначают состояние человека, связанное с недомоганием, его проявлением и устранением. Словообразовательный анализ позволяет все слова, кроме междометия ях-ях, отнести к числу производных и расчленить на морфемы.

В слове яах 'что делать, как быть' вычленяется словообразовательный суффикс -а// -е по аналогии с глаголами гемгах 'обвинять'// гемгх 'признавать свою вину', һарһах 'вытаскивать, выносить'// һарһх 'выпровоаживать, выгонять', девтәх 'замачивать'// девтх 'мокнуть', ичәх 'стыдить'// ичх 'стыдиться'.

В слове ядх 'не мочь, не уметь, не быть в состоянии что-либо сделать' вычленяется словообразовательный суффикс -д по аналогии с глаголами эв-д-х 'ломать', балта-д-х 'наносить удары секирой'. В слове я-д-р-х 'изнуряться, обессиливать' выделяется словообразовательный суффикс -р по аналогии с глаголом эв-д-р-х 'ломаться'.

Морфемы вычленяются и в словах я-а-р-х 'разболеться', я-а-л-х 'нуть, болеть', я-с-р-х 'поправляться, улучшаться /о здоровье/', я-с-х 'исправлять, поправлять'/ср. ам-с-х 'пробовать, отведавать'/.

Анализ вышеприведенных слов убеждает нас в том, что они некогда были членами одного словообразовательного гнезда, т.к. помимо семантической близости, они образуют и словообразовательную парадигму, на основе которой можно восстановить исходную /производящую/ основу или корень. Такой основой будет я-. Сравнить:

*я-	{	-я-а-х 'что делать'	{	-я-д-у 'бедность' →	я-д-ур-х
		-я-д-х 'не мочь'			'обеднеть'
				-я-д-р-х 'изнуряться'	-я-д-р-лн
		-я-с-х 'поправлять' →		я-с-р-х 'поправляться' →	я-с-р-лт
					'исправность'

→я-о-в-р	'починка'
→я-с-лнн	'ремонт'
→я-с-лт	'ремонт'

Как нам представляется, в качестве производящей основы выступало междометие я-, служившее проявлением определенного состояния человека и соответствующее современному парному междометию ях-ях, которое тоже выступает в настоящее время в качестве производящей основы /ср. ях-д-х 'жаловаться на боль'/

В современном калмыцком языке глаголы яах, ядх, ясх выступают не как члены одного СТ, а как разные глаголы с разными корнями и значениями. Дело в том, что, подвергшись упрощению, они стали иметь разные корни, а именно яа-, яд-, что, в свою очередь, привело к ослаблению связи с производящим междометием и к дальнейшему его выпадению из употребления.

Итак, с одной стороны, есть живые словообразовательные гнезда с производящими корнями яа-, яд-, яс-, а, с другой - старое СТ с производящим корнем я-. Различие между ними сводится к тому, что в живых гнездах при наличии производящей основы /корня/ и словообразовательной парадигмы производятся новые слова, а в старом гнезде при знании словообразовательной парадигмы и наличии производных слов восстанавливается производящая основа /или корень/.

Рассмотрим другой пример, свидетельствующий тоже о распаде некогда единого словообразовательного гнезда, члены которого разошлись в значениях, хотя и близки семантически.

I	2	3	4	5	6
1	ым-г-х 'кусать /о собаке/'	ым-г-лд-х 'драться /о собаках/'	ым-г-лд-эн 'драка' /о собаках/		
2	ым-к-х 'откусывать'	ым-к-лнн 'откусывание'			
3	ым-с-х 'целовать'	ым-с-лт 'поцелуй'			
4	ым-н-х 'быть поджатым' 'о губах/				
5	ым-тә-х 'шинать, х/	ым-тә-лнн 'ргивать'			'выдергивание,

Из этого примера явно видно, что в роли исходной основы выступала основа ум-, которая в настоящее время относится к числу связанных.

Как нам представляется, этимологические гнезда являются продуктом распада словообразовательных гнезд, члены которых в процессе развития языков утратили между собой отношения производности. Мы присоединимся к мнению И.И. Варбста, что в отношении членов этимологического гнезда необходимо искать их родство, а в отношении членов словообразовательного гнезда указывать, как они образованы /I/.

Понятие словообразовательного гнезда шире понятия словообразовательной парадигмы, т.к. в составе гнезд может быть несколько парадигм. В этом можно убедиться, если рассмотреть структуру словообразовательного гнезда с исходным словом /корнем, основой/ даа-х 'ручаться':

№: Исходное слово : I-й словообразовательный шаг : 2-й словообразовательный шаг : 3-й словообразовательный шаг

I	<u>даа-х</u> 'ручаться'	-даа-вр 'порука'	даа-вр-л-х 'поручаться'	даа-вр-та 'ответственный'	-даа-вр-ма-һ-ар 'ответственно'
		-даа-һ-ач 'ответственный'			
		-даа-лһ-х 'поручать что-либо'	-даа-лһ-а-х 'поручать, возлагать'		
			-даа-лһ-ач 'поручатель'		
			-даа-лһ-вр 'поручение'	-даа-лһ-вр-та 'ответственный'	
			-даа-лһ-лһн 'поручение, задание'		
		-даа-лһн 'ответственность'			
		-даа-лт 'ответственность'			

В словообразовательном гнезде с глаголом *даах* содержатся две глагольные парадигмы: одна с исходным глаголом *даах*, другая с его производным *даа-лһ-х* 'поручать что-либо'. Первая парадигма представлена производными *даа-вр* 'порука', *даа-һ-ач* 'ответственный', *даа-лһ-л* 'поручать что-либо', *даа-лһн* 'ответственность', *даа-лт* 'ответственность', вторая парадигма представлена производными *даа-лһ-а-х* 'поручать, возлагать', *даа-лһ-ач* 'поручатель', *даа-лһ-вр* 'поручение', *даа-лһ-лһн* 'поручение, задание'. Таким образом, в составе приведенного словообразовательного гнезда имеются две глагольные словообразовательные парадигмы. Кроме того, имеется одна именная парадигма с исходным словом *даа-вр* 'порука', представленная двумя производными *даа-вр-л-х* 'поручаться', *даа-вр-тз* 'ответственность'.

Анализ словообразовательных гнезд калмыцкого языка позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего, необходимо различать реальные производные и потенциальные. Реальные производные — это такие производные, которые встречаются в современном калмыцком языке /в любой из его форм/ и находят свое отражение в словарях. Потенциальные производные — это такие, которые могут быть образованы на основе действующих словообразовательных парадигм, но до сих пор не реализованные в языке. К примеру, словообразовательная парадигма с исходным глаголом *даа-лһ-х* 'поручать что-либо' /см. выше/ может дать производное слово *даа-лһ-лт* 'поручение', которое не противоречит словообразовательным тенденциям.

Далее. Словообразовательные гнезда калмыцкого языка имеют параллели в родственных монгольских языках. Правда, состав их будет различным. В этом можно убедиться, если сравнить калмыцкое словообразовательное гнездо с исходным словом зв 'мир, согласие' /№ I/ и монгольское гнездо с исходным словом зв 'дружба, мир, согласие' /№ 2/.

Анализ словообразовательных гнезд калмыцкого языка показывает, что по своей структуре они в основном трехступенчатые. Первая ступень /или шаг/ связана с образованием производных от исходного слова. Производные, образованные от исходного слова, входят в состав словообразовательной парадигмы первой

Таблица № I /калмыцкий язык/

Исходное слово	1-й словообразовательный шаг	2-й словообразовательный шаг	3-й словообразовательный шаг	4-й словообразовательный шаг
I Эв	I. Эв-л-х	Эв-л-г	Эв-л-г-ч	
'мир, согласие'	'угovarивать'	'ласковый'	'мирный'	
		Эв-л-г-н	Эв-л-г-н-эр	
		'мирный'	'мирно'	
			Эв-л-э-ч	
			'примиритель'	
		Эв-л-л-н		
		'примирение'		
		Эв -л-лт		
		'примирение'		
	2. Эв-д-х	Эв-д-э-х	Эв-д-э-ч	
	'ломать, разрушать'		'нарушитель'	
		Эв-д-р-х	Эв-д-р-э-х	
		'ломаться'		
			Эв-д-р-л	
			'развал, распад'	
			Эв-д-р-л-н	
			'развал, разрушение'	
			Эв-д-р-м-хэ	
			'ломкий'	
			Эв-д-р-э	
			'обломок, развалина'	
			Эв-д-р-дг-о	
			'неразрушающийся'	
			Эв-д-р-шго	
			'нерушимый'	
	3. Эв-ц-х	Эв-ц-э-х	Эв-ц-э-ч	
	'соглашаться'		'примирительный'	
			Эв-ц-э-н	
			'соглашение'	
			Эв-ц-э-гч	
			'примирительный'	

	1	2	3	4	5
			Эв-ц-днн		
			<u>Эв-ц-лд-х</u>	Эв-ц-лд-лнн 'перомирне'	
				Эв-ц-лд-өн	
				Эв-ц-лд-үл-х	Эв-ц-лд-үл-лнн
			Эв-ц-лт		
			Эв-ц-нгү		
			'миролюбивый'		
			Эв-ц-шго		
			'непримиримый'		
4.Эв-тэ			Эв-тэ-н-өр		
'мирный,			'мирно'		
дружный'					
			Эв-тэ-хн		
			'аккуратный'		

Таблица № 2 /монгольский язык/

	1	2	3	4	5
I Эв	I.Эв-ч				
'дружба, мир, согласие'	'возливый'				
	2.Эв-лэ-х	Эв-лэ-л	Эв-лэ-л-дэ-х		
	'мириться, ладить'	'союз'	'объединяться'		
		Эв-лэ-г			
		'обходительный, возливый'			
		Эв-л-үүл-эх	Эв-л-үүл-эгч		
		'мирить, собрать, монтажировать'	'сборщик, монтажник'		
		Эв-лэ-ре-х	Эв-лэ-р-үүл-эх	Эв-лэ-р-үүл-тэй	
		'мириться, ладить с кем-либо'	'мирить'	'такой с которым следует примирить- ться'	
			Эв-лэ-рэ-гч		
			'примиренец'		

I. Примеры взяты из Монгольско-русского словаря. М., 1957.

1	2	3	4	5
3. <u>ЭВ-СЭ-Х</u> 'соглашаться'	ЭВ-СЭ-Л 'блок, коваленция'	ЭВ-СЭ-Л-ДЭ-Х 'образовывать коваленцию'		
4. <u>ЭВ-ЦЭ-Х</u>	ЭВ-ЦЭ-Л 'дружба, союз'	ЭВ-ЦЭ-Л-ДЭ-Х		
5. <u>ЭВ-ДЭ-Х</u> 'ломать'	ЭВ-Д-ЧИ-Х 'подломаться' ЭВ-ДЭ-ГЧ 'нарушитель порядка' <u>ЭВ-Д-РЭ-Х</u> 'ломаться'	ЭВ-Д-Ч-ҮҮЛЭ-Х ЭВ-ДЭ-Р-ХИЙ 'лом, обломок' ЭВ-Д-РЭ-ИГҮЙ 'нерушимый' ЭВ-Д-РЭ-Л 'развал, разлад'		
6. <u>ЭВ-ГҮЙ</u> 'недружный'	ЭВ-Д-ЛЭ-Х 'ломать многokrатно'	ЭВ-ГҮЙ-РХЭ-Х 'чувствовать себя плохо'		
7. <u>ЭВ-Т</u> 'дружный'				
8. <u>ЭВ-ТЕЙ</u> 'дружный, мирный'	ЭВ-ТЕЙ-ХЭН 'более удобный'			
9. <u>ЭВ-ХАМТ</u> 'коммунизм'	ЭВ-ХАМТ-АЧ 'коммунист' ЭВ-ХАМТ-ЫН 'коммунистический'			

ступени. Производные, образованные от членов словообразовательной парадигмы первой ступени, входят в состав словообразовательных парадигм второй ступени. Производные, образованные от членов словообразовательных парадигм второй ступени, входят в состав словообразовательных парадигм третьей ступени и т.д.

Наконец, словообразовательные парадигмы и словообразовательные гнезда имеют принципиальное различие, которое сводится к тому, что первые включают в себя производные одного сло-

вообразовательного пага, а вторые включают производные всех словообразовательных "агов. Кроме того, в состав словообразовательного гнезда входят все производные, созданные неморфологическим способом /способом сложения, сращения, редупликации и т.д./, в то время, как в состав словообразовательной парадигмы входят производные, образованные с помощью суффиксов.

Итак, анализ производных слов калмыцкого языка в составе словообразовательных гнезд позволяет выявить закономерно повторяющиеся тенденции в образовании новых слов. Парадигматические и синтагматические словообразовательные связи, дающие представление о реальных и потенциальных производных словах современного калмыцкого языка, составляют базу, на которой строятся наши знания о закономерностях морфологического словообразования.

Список литературы

1. Барбот И.И. О словообразовательной структуре этимологических гнезд.- Вопросы языковедения, № 4, 1967.
2. Земская Э.А. Современный русский язык. Словообразование. М., "Просвещение", 1973.
3. Монгольско-русский словарь. М., 1957.
4. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., "Наука", 1975.

РУССКИЕ ПРЕДЛОГИ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ И ИХ ВОЗМОЖНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение грамматической категории падежа позволяет определить сходство и различие между русским и монгольскими языками и выявить многообразные значения в их употреблении.

Академик Л.В.Щерба писал: "...насуточно необходимо внимательно изучать структуру самых разнообразных языков. На первый взгляд кажется, что этим всегда и занимались и что никакой специфической проблемы здесь не имеется. Однако, если обратить внимание на то, как до сих пор изучалась структура разных языков и как надо это делать, то становится очевидным, что мы действительно стоим перед лингвистикой" /3,6/.

Каждый из сопоставляемых языков обладает богатой падежной системой, значения которых в одних случаях сходятся, а в других — расходятся. Определение падежа в обоих языках одинаково. "Падеж — форма словоизменения, в котором пересекается и объединяется множество грамматических категорий, определяющих систему выражения пространственных, временных, притяжательных, причинных, целевых и других отвлеченных отношений в языке" /1, 167/.

Падежная система каждого языка определяется особенностями его грамматического строя и числом падежей. Значение падежа меняется в зависимости от семантики самого слова, оформляемого тем или иным падежом, от глагола, управляющего этим падежом, от всего словосочетания.

Сопоставительное исследование имеет большую практическую ценность, в его помощь проводится обучение языку. При этом до знания обучаемого доводится расхождение, существующее между его родным языком и языком, которому он обучается, помогает сознательному восприятию и усвоению особенностей изучаемого языка, способствует зарождению и воспроизведению его фактов, привлекает внимание к различиям расхождения. Необ-

ходимость сопоставления при обучении русскому языку была обоснована В.А.Богородицким. В журнале "Русский язык в национальной школе" была опубликована статья Б.Д.Серебрянникова "Всякое ли сопоставление полезно" /2/ - о необходимости научно-методологического пособия, в котором внимание фиксировалось бы на расхождениях русского и национального языков. Учитывая интерес к особенностям русского языка, который наблюдается в монголистике, а также желая помочь преподавателям вузов, читающим курс лекций по сопоставительной грамматике монгольского и русского языков, учителям родного языка, лицам, занимающимся переводческой деятельностью, мы поставили цель исследовать вопрос о монгольских эквивалентах русским предлогам.

Поскольку в данной статье трудно охватить значения каждого падежа в той или иной функции, мы ограничимся лишь русским родительным падежом с предлогами и его эквивалентами в монгольских языках /последлоги, падежные аффиксы и отдельные лексические единицы/.

Языковым материалом являются тексты переводов романа Н.Островского "Как закалялась сталь" на калмыцкий, бурятский, монгольский языки.

С русским родительным падежом наиболее употребительны предлоги, обозначающие удаление и причину: "от", "из", "с", эквивалентами этих предлогов в монгольских языках являются /в зависимости от контекста/ последлоги, падежные аффиксы; предлог отсутствия чего-либо "без" - в монгольских языках передается отрицанием "уга". Предлоги, обозначающие достижение "до", близость "у", соответствуют монгольским последлогам "күртл", "еер". С родительным падежом употребляются предлоги "для", "ради", имеющие эквиваленты в монгольском "төлө" и аффиксе дательного-местного падежа.

I. Предлог "от" в русском языке обозначает место, лицо, откуда направляется, исходит, посылается что- /кто-/нибудь:

Примеры:

От Павки известия /рус.148/. - Павкас зэнт ирв /калм.130/. - Павкаас мэдээ ирж /халх.114/. - Павкааа мэдээ ирэс /бур.227/.
В километре от станции кончалась вполне готовая узкоколейка

/рус.223/. - Станцас километр баарт бели болчкхс уутхн хааль чидэне /калм.205/. Границей стала река в тридцати километрах от города /рус.185/ - Балһснас Һучн тавн дуунад бээсн хол ме- же болж харв /калм.168/ - Шепетовко хотноос гучин километрийн зайтай цаагуур байх голоор тогтоосон байна /халх.148/. - Город- һоо гуван табан километрын газарта байһан гол мүнөө хила бо- лобо /бур.296/. В вышеназванных примерах русский предложный оборот "от" в монгольских языках передается посредством аф- фикса исходного падежа.

2. Предлог "от" в русском языке обозначает состояние, положение, от которого кто-/что-/нибудь переходит в другое состоя- ние, положение или избавляется, освобождается. В данной кон- струкции предложный оборот "от" передается монгольским исход- ным падежом.

Примеры:

После тяжелых испытаний и невзгод сошлись братья, уцелев от гибели /рус.186/ - Күнд зовли, түрү-зүдү үзснэ хөөн үклэс өмд үлдсн ах-дү хойр харьв /калм.186/ - Хүндэ үхэлһоо амиды үлэтэ сугларбад /бур.297/. По блестящей от влаги тужурке Ри- ты скатывались стеклянными крупинками дождевые капли /рус. 212/ - Норһнас гилвж бэех Ритан тужурк дееһэр иим өнгтэ хурин дусалмуд гоож бээнэ /калм.193/.

3. Предлог "из" обозначает предмет, место, изнутри которых исходит действие, откуда берется что-нибудь.

Примеры:

Из школы и барака выбегали люди /рус.218/ - Школас болн бара- кас эмтн гүүлдж харцхав /калм.200/.

Русской предложной конструкции "от", "из" эквивалентен монгольский исходный падеж, который выполняет ряд функций. С глаголами, обозначающими удаление, направление от данного мес- та исходный падеж выражает место и выражает пространственное отношение.

Монгольские языки прибегают в целом ряде случаев для вы- ражения и уточнения некоторых падежных значений к помощи до- бавочных средств, так называемых послелогов. Многие исследо- ватели считают их самостоятельными словами, которые выполня-

ют служебную функцию при соответствующих падежах, уточняя пространственные, временные и другие отношения.

Примеры:

Из сада выбежала маленькая сестренка Лисицына, Нюра /рус.284/-
Сад дотрас Лисицына бички дү күүкн Нюра гүүһэд һарч ирв /калм.
269/. В обед из города примчалась авторезина /рус.222/- Үд-
де балһсн тадас авторезин гүүлж ирв /калм.201/.

4. Предлог "для" обозначает цель действия.

Примеры:

Высадив пассажиров, он нагрузил платформы рельсами для узкоко-
лейки /рус.220/- Суусн эмтсинь бууһад платформст ууһхн
темп хаалд кергтө рельсмуд ачд /калм.201/. В них приказыва-
лось освободить путь для такой-то дивизии /рус.182/- Тиим
дивизд хаалһ һарһж өгтн гил заврмуд терүнднһ кегдженө /калм.
165/.

5. Предлог "для" обозначает предмет, лицо.

Примеры:

Это немного для себя и немного для Димки /рус.282/- Энүг би
эврәннһ теле болн невчк Димкин теле /калм. 267/. Есть ли у те-
бя для этого силы и желание? /рус.351/- Энүнө теле чамд чидд
болн седвр бөөнү? /калм.339/.

В функции обстоятельства причины дательного-местный падеж встречается довольно редко. Гораздо чаще предложная конструкция "для" в причинном значении передается послелогом "теле".

6. Предлог "до" указывает на предел движения, распространения действия в пространстве.

Примеры:

До Большого театра они прошли, не разговаривая, думая об од-
ном /рус.325/- Ик театр күртл тедн терүд күчндл уга, һанһхн
кына тускар ухалад одихав /калм.311/.

Данной русской предложной конструкции эквивалентен глагольный послелог "күртл". Он является одновременно и деепричастием /предела/ от соответствующего глагола. Послелогом же его можно считать условно, когда эти глагольные формы выступают в функции послелогов.

Иногда возможна передача русской предложной конструкции

"до" и монгольским дательно-местным падежом. Этот падеж в монгольских языках имеет широкое распространение с локальной семантикой и выражает пространственное отношение.

Примеры:

Корчагин незаметно дошел до сосновой рощи и остановился на бездорожье /рус.242/ - Корчагин меджөн угаһар шар харһа рощд күрөд, хааль деер зогсв /калм.224/. Едва добрался до станции /рус.237/ - Өрө гиж станцд күрв /калм.218/.

7. Наряду с пространственным значением, предложная конструкция "до" выражает и временное значение, т.е. указывает на предел распространения во времени /время, до которого совершается действие/, и в монгольских языках передается послелогом как с притяжением, так и без.

Примеры:

Валя Брузжак до последней минуты держалась хорошо /рус.167/ - Валя Брузжак сүүлин минут күртлөн бийэн сөөнөр бөрв /калм.149/ - Валя Брузжак һуултынгээ минута хүрэтээр бээс һайнаар барһа һан /бур.262/. Если откажутся, пусть сидят до Нового года /рус.232/ - Көмр зөвтө эс гихлө шин жил күртд сууцхатһа /калм.214/.

8. Предлог "без" употребляется при словах, обозначающих лицо, группу людей, в отсутствие которых что-нибудь происходит.

Примеры:

Обойдутся и без меня /рус.134/ - Намаг угаһар чигн чадицах /калм.134/ - Надгуйгээр онгорноо биз гэтээ /халх.117/ - Намшьегуйгоор бутоохэ /бур.233/. Мы уже без тебя соскучились /рус.303/ - Бидн чама угаһар уудьврта бөөнэвидн /калм.288/.

В этой функции основным эквивалентом предлога "без" в бурятском и халхаском языках является аффикс именного отрицания -гуй /-гүй/ в форме орудного падежа, а в калмыцком самостоятельное слово "уга" в форме орудного падежа.

9. Предлог "с" указывает на время начала действия, на известный момент, предел, отрезок времени.

Примеры:

С этих пор стал ее редко видеть /рус.366/ - Эн цагас авн Корчагин /гергэн/ хая-хая үздг билэ /калм.355/. С этого дня

жизнь Корчагина пошла под уклон /рус.355/.— Эн өдрөө ави эхлэд Корчагина бөөдл-жирьл доргван орв /калм.348/.

Предложной конструкции "с" соответствует исходный падеж. Исходный падеж, показывая временную обусловленность действия, в предложении выполняет роль обстоятельства времени. В отличие от других падежей в значении времени, исходный падеж указывает время, начиная с которого происходит действие — это основное временное значение исходного падежа. Исходный падеж эквивалентен в русском "изо дня в день", "из года в год".

10. Русской предложной конструкции "с" при обозначении места, от которого направляется действие, соответствует послелог в форме исходного падежа. Примеры:

С боковой полки свенивадись четыре пары ног /рус.192/.—Хөврүд бөөси полк деерес дөрвн пар келмүд унджала /калм.179/.—Хөдүү талын полко дээрэбээ дурбэн паар хүлнүүд һанжалзано /бур.9/.
И она схватила кнут с лавки /рус.241/.—Эмгн скамейк дээрэс тамг авб /калм.223/.—Эмгэн сандал дээрэс тамуур авав /халх.228/.

Монгольский послелог "деер" с основным значением "на" /нахождение/ обозначает действие в статике. У этого послелога /в зависимости от контекста/ гораздо больше значений, чем у предыдущих.

Таким образом, сопоставление русского родительного падежа с предлогами показывает, что этими соответствиями в монгольских языках являются: а/ падежные аффиксы; б/ послелоги; в/словесные обороты и некоторые другие средства языка. Одной из специфических особенностей монгольских языков является отсутствие в нем предлогов и наличие послелогов, которые служат для выражения и уточнения в языке множества различных значений.

Использованная литература

1. Виноградов В.В. Русский язык /грамматическое учение о слове/. М., 1947.
2. Серебрянников Б.Л. Всякое ли сопоставление полезно.— Русский язык в национальной школе. М., АПН, вып. 2.
3. Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л., 1958.

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ПИШЕМ

Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР 19 ноября 1959 года принял постановление "Об уточнении алфавита и орфографии калмыцкого литературного языка". Спустя 6 лет, 24 сентября 1965 года, Совет Министров Калмыцкой АССР принял постановление "О некоторых вопросах орфографии калмыцкого языка".

Эти постановления сыграли огромную роль в деле уточнения калмыцкого алфавита и графики, дальнейшего совершенствования орфографии калмыцкого литературного языка. Данные постановления остаются еще важным руководящим документом для успешного решения спорных вопросов, связанных с нормированием калмыцкого литературного языка.

Прежде чем приступить к освещению интересующих нас вопросов в области графики и орфографии калмыцкого литературного языка, отмеченных в указанных постановлениях, следует остановиться вкратце на их предьстории.

Переход Калмыкии на латинизированную письменность на первом этапе ее применения по сравнению со старокалмыцкой имел большое положительное значение. Однако эта письменность не способствовала изучению калмыцкими детьми русского языка, ставшего для них вторым родным языком.

Идя навстречу пожеланиям общественности Калмыкии, в связи с переходом на русскую графическую систему и по другим национальным областям и республикам, бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/ 30.XII.1937 года /протокол № 47/ по докладу А.Х.Хочинова вынесло постановление: 1/Считать необходимым переход калмыцкой письменности на русский алфавит. 2/Предложить наркому просвещения тов.Педерову и зав.школьным отделом обкома тов. Хочинову созвать в начале января 1938 года совещание при Наркомпросе для уточнения алфавита калмыцкой письменности.^I

Постановление бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/ о переходе на русскую графическую систему было одобрено и утверждено

срббиро ЦК ВКП/б/ 23.П.1938 г. /протокол № 32 / 55 /.²

Е соответствии с указанным выше постановлением бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/, Наркомпрос Калм.АССР начал разрабатывать конкретный план мероприятий по осуществлению перехода калмыцкой письменности на русскую графическую систему. По поручению гг. Д.П.Педерова и А.Х.Хочинова нами был составлен проект алфавита калмыцкого языка на основе кириллицы. Этот проект рассматривался на бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/ 10 марта 1938 года /протокол № 65/, получив одобрение и было решено организовать его обсуждение с привлечением широкой общественности.³

Трудность составления проекта нового алфавита заключалась в том, что была поставлена задача уложиться в пределах графической системы русского языка. В этом проекте гласные э, е, у передавались соответственно буквами я, е, ш, согласные г, һ одним знаком г, согласные ж, ц соответственно буквами дж, нг. Сличая данный проект с калмыцким алфавитом 1928 года, мы находим, что он по существу не отличался от системы обозначения специфических фонем калмыцкого языка, действовавшего в алфавите 1928 года. Новым здесь было предложение обозначить гласный е буквой е.

Бюро Калмыцкого обкома ВКП/б/ вновь вернулось к рассмотрению этого вопроса и своим постановлением от 31 марта - 1 апреля 1938 года /протокол № 69/⁴ одобрило окончательный проект калмыцкого алфавита в пределах русской графической системы по проекту, рассматривавшемуся 10.П.1938 года. Здесь было решено фонему е передавать буквой е, буквы я и ю соответственно сочетанием ъа и ъу.

В плане унификации алфавитов национальных областей и республик, переходивших на русскую графическую основу, проект нового калмыцкого алфавита рассматривался в Институте языка и письменности АН СССР и был одобрен с предложением передавать гласные э, е, у буквами а, о, у, согласные һ, ж, ц сочетанием букв гъ, дж, нъ. Затем данный проект был утвержден в Наркомате просвещения РСФСР.

Преимущество нового калмыцкого алфавита заключалось в

том, что буквы русского алфавита принимались в прямом их значении, специфические же фонемы калмыцкого языка обозначались особыми буквами. Это наилучшим образом отвечало задачам облегчения изучения калмыцкими детьми как родного калмыцкого, так и русского языков.

Калмыцкий алфавит на русской графической основе подвергся дальнейшему усовершенствованию в начале 1941 года. Совет Министров Калмыцкой АССР своим постановлением от 15.1.1941 года⁵ решил заменить буквы с точками сверху а, о, у соответственно буквами э, е, у, сочетание букв гъ, дж, нь соответственно буквами һ, ж, ц. Данное изменение было утверждено Наркоматом просвещения РСФСР 19.1.1941 года по приказу № 211⁶. На этом измененном алфавите стали выходить в Москве в 1941 г. калмыцкие учебники, в частности букварь, а несколько позже калмыцкие газеты в Элисте.

Мы остановились на этом вопросе в связи с тем, что в 1957 году, после восстановления автономии калмыцкого народа, в Элисте начали издавать газеты и другую печатную продукцию на алфавите, действовавшем до 1941 года, т.е. шрифтами а, о, у с точками и сочетанием букв гъ, дж, нь, а в Москве учебники выходили на измененном алфавите. Такое положение продолжалось до 1960 года, из-за отсутствия соответствующих шрифтов.

Кроме того, допускался некоторый разнобой в правописании, вызванный тем, что отдельные положения действовавшей орфографии не были в свое время узаконены в установленном порядке. В связи с этим подготовлен проект "Об уточнении алфавита и орфографии калмыцкого литературного языка", который был утвержден, как указано выше, постановлением президиума Верховного Совета Калм.АССР от 19 ноября 1959 года.

Данным постановлением были внесены следующие изменения и уточнения.

По вопросам алфавита было решено:

1. Принять буквы э, е, у, һ, ж, ц для обозначения специфических звуков калмыцкого языка вместо соответственно а, о, у, гъ, дж, нь.

Замена указанных мест букве однозначными знаками без каких-либо диакритических знаков была вызвана необходимостью устранить точки над буквами, а также двухбуквенные обозначения звуков. Это позволило избежать технических трудностей, связанных с печатным производством и добиться унификации нашего алфавита с алфавитами других народов нашей страны.

Благодаря указанным уточнениям новый калмыцкий алфавит на русской графической основе стал более совершенным, глубоким, способным точно передавать все основные звуковые особенности языка.

Дополнительные знаки, принятые для обозначения специфических фонем калмыцкого языка, было решено располагать в алфавите после соответствующих русских букв, а именно: э - после а, е - после о, ү - после у, һ - после г, җ - после х, ң - после н.

Такое расположение букв наилучшим образом отвечало задаче облегчения изучения нового алфавита калмыцкими детьми и пользования словарями.

2. Увулярный һ решено обозначать как в середине, так и в начале слова одним знаком һ.

При переходе в 1938 году на русскую графическую систему было решено увулярную фонему һ передавать в начале слова буквой г, а в середине - через гь, т.к. в начале слова он является смичным, а в середине - целевым. Необходимость обозначения и в начале слова через һ выказывалась тем, что калмыцкие дети под влиянием письменного текста стали произносить неправильно, т.е. не как увулярный смичный, а как заднеязычный смичный г, например: гэр "рука" не различали от г в слове гер "дом".

В соответствии с указанным постановлением Президиума Верховного Совета Калм.АССР газеты и другая периодическая печать стали выходить на уточненном алфавите. Газета "Хальг үнэ" начала печататься на уточненном алфавите с 28 августа 1960 г.

По вопросам орфографии было решено сохранить действующую тогда орфографию в отношении:

I. Самостоятельного написания согласного и в словах рад-

ного языка с переднерядными гласными и с гласным о, например: егйе "завем", бийён "себя", бийурн "к себе", йерэд "благодарение", йорал "дно", йосн "власть".

Такое написание вызвано тем, что в русском алфавите нет особых букв для передачи йотированных гласных переднего ряда, т.е. сочетания й с гласными переднего /мягкого/ ряда. Что касается написания йо, в отличие от е, то оно диктовалось тем, что слов с сочетанием йо в калмыцком языке считанное количество; обозначение же точек над е всегда вызывало технические затруднения, а при необозначении точек над о или при их полумке, изменялся смысл слова.

Йотированные гласные а и у, т.е. сочетание йа, йу, как и раньше, передавались буквами я, ю, чему соответствовало употребление этих букв в русском языке.

2. Глаголы типа ав, тэв, йов, шив, орфографируемые с конечным в, но восходящие к аб "возьми", таби "положи", йабу "яди", шибн "бросай", было решено писать в первом лице единственного и множественного чисел недавнего прошедшего времени в виде: бя авув "я взял", бидн авувидн "мы взяли", би йовув "я пошел", бидн йовувидн "мы пошли", би тэвув "я положил", бидн тэвувидн "мы положили" и т.д. Такое орфографирование больше отвечало живому произношению и позволяло избежать стечение подряд трех согласных, где первый в – конечный в основе слова, у или ү – аффикс недавнего прошедшего времени, восходящий к – в /-ба, -бэ/, третий в – лично-предикативная частица первого лица единственного числа, восходящая к би "я", –видн – лично-предикативная частица первого лица множественного числа, восходящая к лично-местоимению бидн "мы".

Как видно из приведенных примеров, аффикс недавнего прошедшего времени –в /-ба, -бэ/, будучи между согласными, перешел в губной у или ү. Переход согласного б в интервокальном положении в в, а последнего б в у или ү в некоторых позициях слов – закономерный процесс в калмыцком языке.

3. Долгие гласные, как и раньше, было решено обозначать в первом слоге слова удвоенным написанием одной и той же буквы: цаасн "бумага", уул "гора", ээж "бабушка", хээсн "котел". Изменению подверглась передача йотированных долгих гласных,

т.е. сочетания й с долгими гласными. Раньше писали вунд "чему", яри "ярмарка". По новому постановлению было решено писать яри "ярмарка", яаж "что делать", вунд "чему", кулар "чем". Этим подчеркивалось, что долгими являются гласные а, у, а не согласный й.

Некоторые изменения были внесены в орфографирование заимствованных слов. При сохранении в целом правил орфографирования заимствованных слов, принятых на У языковедной конференции, изменения касались отдельных вопросов, в частности:

а/ слова с безударными окончаниями на ия, -ие, -ая, -ое, -ея решено было писать с отсечением этих окончаний: революц, географ, предприят, парт, эскадриль, но химий, серий. Раньше слова этого типа в соответствии с постановлением У-ой языковедной конференции писались с заменой конечного я и е на й: революций, географий, предприятий, партий, эскадрилий, санаторий, идей, статуя, аллея, химий и т.д.

б/ заимствованные слова, обозначающие деятеля, передавать при помощи аффикса -ч, например: биолог - биологч, географ - географч.

в/ подтверждено было ранее действующее правописание заимствованных собственных имен, принятое на У языковедной конференции.

Президиум Верховного Совета Калм.АССР в указанном своем постановлении предоставил право Калмыцкому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории оперативно решать все спорные вопросы по орфографии и грамматике калмыцкого языка.

В соответствии с этим постановлением сектор языкознания КНИИЯЛИ и кафедра калмыцкого языка и литературы Калмыцкого университета систематически занимаются разработкой актуальных проблем калмыцкого языка и дальнейшего совершенствования его орфографии. Большое значение в этом плане имеют издание отдельных монографических исследований и публикуемые в ученых записках КНИИЯЛИ и в отдельных тематических сборниках статьи по вопросам калмыцкого языкознания.

Немалая предварительная работа была проведена по подготовке постановления Совета Министров Калм.АССР "О некоторых

вопросах орфографии казахского языка", принятого 24 октября 1965 года /протокол № 421/.

Проект данного постановления был подготовлен нами с участием И.К.Иликина, Б.Д.Мунлева и проф. Г.Д.Санжеева. По докладу Б.Д.Мунлева, зав.сектором языкознания КНИИЯЛИ, проект постановления был утвержден единогласно безо всяких изменений.

Данным постановлением были решены серьезные вопросы, связанные не только с усовершенствованием действующей орфографии, но и нормированием ряда спорных вопросов, связанных с диалектными различиями двух основных говоров казахского языка. Вкратце остановимся на некоторых из них:

I. После неоднократного обсуждения было узаконено правописание гласного и. В казахском языке имеются две самостоятельные фонемы и и ы. Они передавались одной буквой и. Фонема и по месту своего образования является среднеязычной, а по сингармонической оппозиции – заднеязычной. Фонема ы по месту своего образования является переднеязычной, а по сингармонической оппозиции – переднерядной. Противопоставление и и ы образует фонологическую пару: буулий "похвалим" – буулий "пробьем", партия "партия" – партия "парти" /род.п./.

Неразличение на письме гласных и и ы служило помехой при изучении казахскими детьми родного и русского языков. Вопреки устоявшейся традиции, жизнь диктовала необходимость обозначения каждой из этих фонем отдельными буквами, как в русском языке.

Теперь, независимо от того заимствованные ли эти слова или из родного языка, в аналогичных случаях и обозначается на письме. Обозначение на письме буквой и соответствующей фонем казахского языка, подобно тому как обозначение гласных я, ю, е, ё, приняты при переходе на русскую графику, еще больше сближает графику и орфографию русского и казахского языков.

Гласная фонема и бывает краткой и долгой. Принято писать гласные и и ы: в словах с гласными заднего ряда после твердых согласных к, н, д, т. Гласные и и ы: имеются как в коренных, так и в производных словах: Тавды, Дугды, Бушты /имена/, हु-дих "согнуться", кулх "коситься" /произносится кулх:хь/, हु-ды:хь, һодын "река", мертын "мертв", занын "слон", ордын

"стран", хадыг "скаду", хотыг "пицу" и т.д.

В словах с гласными переднего ряда после мягких и смягченных согласных л, н, д, т пишется и, например: мниа "мой", мениг "нас", таниг "вас", Олгг "Оль", но олгг "общества", холый ? "ладеко ли", но холий "смешаемте", Германиг "Германию", но Германыг "Германа".

На очередь дня стала необходимость распространить это написание и в указанных выше позициях и после согласных ц, с, з, например: Манцин /фамилия/, худцин "барана", багциг "огорода", кассын "кассы", колхозын "колхоза", классын "классов" и т. д. Это будет иметь большое практическое значение в школьном преподавании русского и калмыцкого языков.

2. В калмыцком языке имеется местоимение первого лица множественного числа бидн "мы". От этого местоимения образуется лично-предикативная частица -видн. Эта частица на письме передавалась в виде -вдн. После денного постановления эта частица передается на письме как -видн, что в определенной мере способствует разрядке согласных на письме: бидн одувидн "мы ездили, ходили", бидн келхвидн "мы скажем", бидн келлэвидн "мы сказали", бидн умшлавидн "мы читали", бидн йовлавидн "мы ходили", умшлавидн "читали", уһлавидн "стирали" и т.д.

3. Указанным постановлением было узаконено написание аффикса недавнопрошедшего времени - в как - у - ү не только после глаголов типа ав "возьми", йов "иди", тэв "положи", но и в первом и втором лицах обоих чисел в глаголах с любым конечным согласным, а также с конечным редуцированным гласным: би келүв "я сказал", чи келүч "ты сказал", бидн келүвидн "мы сказали", та келүт "вы сказали", би унтув "я заснул", чи унтуч "ты заснул", та унтут "вы заснули".

Такая система передачи аффикса недавнопрошедшего времени - в посредством -у, -ү в указанных позициях отражает орфографическую последовательность, что соответствует происходящему в живом языке процессу. Этот процесс в одних случаях уже завершен, а в других - находится на пути полного становления. Поэтому вполне правомерным является описанный нами способ орфографирования аффикса недавнопрошедшего времени -в через -у,

-у в указанной выше позиции. Данный процесс вокализации согласного в в окружении согласных в известной мере отвечает задаче разрядки стечения согласных на письме. Теперь -у, -ү могут рассматриваться как и морфемы недавнопрошедшего времени наряду с -в.

Вместе с тем подобное написание позволяет отличать недавнопрошедшее время изъявительного наклонения от вопросительного предложения, передающегося через аффикс -в, например: чи келвч? "ты сказал?", чи йоввч? "ты пошел?", та келвт? "вы сказали?", та йоввт? "вы ходили?".

Постановление Совета Министров Калм.АССР касается и некоторых вопросов нормирования калмыцкого литературного языка при диалектных различиях по говорам. Эти вопросы были поставлены в связи с тем, что из-за утери материалов У языковедной конференции во время войны ее решения не были в свое время узаконены в установленном порядке.

Уточнения касались следующих вопросов:

1. Из двух одинаковых слов, но различно произносимых по говорам, в норму литературного языка принимается то слово, в котором сохраняется полногласие: һуужмул "ципленок", шүүгүл "невод", жәһамул "зеленый лук", хамтхасн "зеленый лист", торһуд /этноним/, в отличие от һуужмл, шүүгл, жәһамл, хамтхсн, торһд и так далее.

2. Отдельные авторы, исходя из местного говора, стали писать гягэд "сказав", мисин "кошкин" /род.п./, маңгрсн "лук", маальх "блеять", "мяукать", внося путаницу в ранее установленную орфографию. Правомерно писать не гягэд, а гиһэд. Соединительным согласным в современном языке является целевой увулярный һ, а не заднеязычный смычный г: сууһад "сев", кеһэд "сделав", отсюда гиһэд. Здесь корень слова ги "говори". Нецелесообразно делать ничем не оправдываемое исключение для написаний одного или двух слов, носящих местный характер. Причем противники написания һ в указанных случаях допускают возможность оформления гиһит, гиһич от того же корня ги "скажи".

3. Односложные слова типа күн "человек", нур "озеро",

хен "овца" при их изменении могут стать двух- и более сложными. В таких случаях коренные гласные этих односложных слов становятся долгими, т.е. происходит чередование кратких и долгих гласных. Исторически слова этого типа имели долгие гласные, которые со временем в отмеченной позиции развивались в обычные краткие гласные. В некоторых местах встречаются в настоящее время отдельные слова, например: мяс "кошка", в которых гласные при словоизменениях не становятся долгими, т.е. не чередуются краткие гласные с долгими. Это свидетельствует о неравномерном и неодновременном процессе перехода долгих гласных в краткие.

Исходя из указанного выше закономерного процесса, слово мяс' в косвенных падежах принято писать через долгий и: мяисин, мяисур и т.д. Этим самым устраняется орфографической разницей, связанный с местным говором, в отдельные частные случаи подчиняются общему закономерному процессу

4. Носители бузавинского подговора говорят ма:л'хъ "блеять, мяукать", тв:л'хъ "отмыкать, открывать", хв:л'хъ "таять". Среди эркетенцев встречаются отдельные лица, которые тоже говорят ма:л'хъ, но норма литературного языка основана не на подговорах, а на основных двух говорах. Исходя из этого принято написание мээлх, тээлх, хээлх, что соответствует выговору большинства населения. Такое написание оправдывается историческим развитием дифтонгов и двослогов в монофтонги. Как известно, комплексы ай, айи развились в долгий э: майилаху → ма:лхъ, тайилаху → та:лхъ, хайилаху → хээлхъ, наи - нэ: "надежда", һай - һэ "плохой". Этот процесс в основных говорах охватывает не узкий круг слов, а множество слов, где имеются указанные комплексы.

5. Принято писать мэңгърсн "лук", не маңгърсн ввиду того, что большинство калмыков говорят именно так. Слово маңгърсн дало двойное развитие: мэңгърсн и маңгърсн. Предпочтение нормированию этого слова как мэңгърсн дано, исходя из того, что развитие заднерядного в первого слога слова в переднерядный э под влиянием гласного и следующего слога занимает в калмыцком языке преобладающее положение. Отсюда тэви "пять-

десять"— табия, амтн "люди"— амитан, эдл "одинаковый"— адедл. Принятие написания мэцгрсн отвечает задаче нормирования написания отдельных слов, исходя из общих закономерных процессов, происходящих в языке.

6. Старописьменный калмыцкий эйимэ "такой", тэйимэ "этой" развились соответственно в и:мь, ти:мь. Отсюда образуется иягэд, иягд, тиягэд, тиягд. Но в некоторых местных говорах встречается им, тим, игэд, тигэд, игд, тигд. Эти написания иногда проникают и в литературный язык.

В целях унификации написания слов, долгие гласные которых восходят к комплексу эйи, решено указанные типы производных слов образовать от первичной основы слов с долгим и: /ийм, тийм/, подчинив единичные явления общему языковому процессу.

7. На У языковедной конференции, состоявшейся в июле 1939 года, также было решено при диалектных различиях по говорам на ү/и, эк/ак, а/э давать предпочтение написанию ү, эк, а в первых слогах слова: бучр "веточка", дэкад "еще", салькн "ветер", мана "наш". Но это решение, как уже было сказано, не было в свое время утверждено в законодательном порядке, поэтому некоторые товарищи оспаривали правомерность такого написания.

Совет Министров Калм.АССР указанным выше постановлением внес ясность в этот вопрос, решив:

а/ при диалектных различиях на ү/и давать предпочтение написанию на ү: бучр "веточка", бүшкүр "свисток", бүшмүд "платье", а не бичр, бишкүр, бишмүд.

Оформление написания через ү исторически оправдывается тем, что гласный и первого слога под влиянием гласного ү или у следующего слога ассимилировался в ү или у, например: шидүн—шүдн "зубы", нидүн—нүдн "глаза", нилбусун—нульмсн "слеза". Этому общему закономерному процессу подчинено написание отдельных слов, когда в одном из ведущих говоров произошел аналогичный процесс, например: бүдүн "толстый", күмсг "брови", а не бөдүн, көмсг и т.д.

б/ при диалектных различиях на эк/ак принято в норму

литературного языка написание на эх: дэхэд "еще", мэхр "кривой", бэкрси "вид котла", тэхм "коленный сгиб", сэкл "обет", а не дакад, макр, бакрси, такм, сакл и т.д.

Такое решение оправдывается не только живым произношением большинства носителей языка, но и историческим развитием фонетической системы калмыцкого языка. Развитие заднерядного гласного а первого слога в переднерядный э под влиянием гласного я следующего слога – это закономерный процесс во всех говорах калмыцкого языка. Этому общему процессу подчинены отдельные аналогичные фонетические явления.

Остальные орфографические вопросы, решенные на У языковедной конференции, не выносились на рассмотрение заседания Совета Министров Калм.АССР, так как по ним не было противоречий. Сюда относятся:

а/ то, что из парных соответствий по диалектам а/э в норму литературного языка берется соответствие на а, например: мана "наш", һаха "свинья", таава "сковородка", маьхр "кривой", альхн "ладонь", таньх "угадать, угадать", салькн "ветер", а не манэ, һахэ, тээвэ, мэтхр, элхн, тэнх, сэлкн и т.д.

Такое орфографирование вызвано, во-первых, необходимостью соблюдения закона сингармонизма гласных, во-вторых, появлением палатализованных согласных л', н', д', т', как особых фонем. Появление мягких согласных как самостоятельных фонем – явление прогрессивное, обогащающее фонетическую систему калмыцкого языка.

б/ использование диалектных различий по говорам для лексических целей: хэв "счастье", "судьба", а хув "часть"; үмсх "целовать", а өмсх "одеваться", сек "открывать", а сөк "посвятить", "оберегать", "охранять", "дождаться", гүлмн "паутина", гөдм "невод"; таг "палочка", тэвц "подставка", төгэх "раздать", түгэх "распространить" и т.д.

в/ правописание гласных я, ю, а не э, ү после палатализованных согласных в словах с гласным заднего ряда: маля "плетка" – малята, маляһар; тетрадь – тетрадыр, тетрадор; суль "овес" – сулюр, суляс, сульта; ханяди "кашель", хур-

нася "морщина", соль - "меняй", соляд, солях; тань "угадай"-
таняд, танялх; медаль - медаляр, медаляр, медальта, но ар-
тель - артедэр, артедур, артельта и т.д.

Такое орфографирование диктовалось необходимостью использовать общие языковые явления, способствующие лучшему усвоению калмыцкими детьми калмыцкого и русского языков.

Ко всему изложенному следует добавить, что в плане урегулирования спорных вопросов, связанных с диалектными различиями калмыцкого языка, большое практическое значение имеет решение IV языковедной конференции о том, чтобы в норму литературного языка из диалектных соответствий:

- 1/ у/о принять у: ушх "читать", а не омшх;
- 2/ ү/е принять ү: үвл "зима", а не евл;
- 3/ у/ү принять у: уутьхн "узкий", а не үутьхн;
- 4/ о/е принять о: оньс "замок", а не енсь.

Такое решение этого очень важного вопроса для нормирования калмыцкого литературного языка было вполне обоснованным, теоретически оправданным. Здесь наличествует, во-первых, традиционный, исторический подход. В старокалмыцком письменном языке было ушху "читать", хубцасун "одежда", үбүл "зима", хуби "часть". Гласные у и ү перед согласными в, м сохранялись без изменения в торгутском говоре: ушх, хувцн, үвл, хув, а в дербетском перешли в о и е: омшх, ховцн, евл, хев и т.д. Во-вторых, под влиянием переднерядного гласного и, а также элемента и в комплексах типа уйи, подверглась палатализации в торгутском говоре предшествующие гласные, и в дербетском - согласные в, т, л, д. Отсюда оньс "замок" - оньсун, сольх "обменять" - солиху, уутьхн "тесный" - уйитун, хурсх "мерлушка" - хурьсху - в дербетском говоре, а в торгутском соответственно енсь, сөлх, үутьхн, хурьсх. Из указанных двух вариантов в норму литературного языка приняты слова с палатализованными согласными как прогрессивное явление: это свидетельство появления новых фонем, что ведет к обогащению фонетической системы калмыцкого языка.

Таким образом, со времени нового перехода калмыцкой письменности в 1938 году на русскую графическую систему при-

принимались необходимые меры по упорядочению графика и орфографии калмыцкого литературного языка и преодолению диалектных различий. Указанный отрезок времени составляет определенный этап в развитии и усовершенствовании калмыцкого литературного языка и его общественных функций.

-
- 1 КОПА, ф.1, оп.15, д.5, с.461
 - 2 КОПА, ф.1, оп.16, д.5, с.176-177
 - 3 КОПА, ф.1, оп.16, д.5, с.190
 - 4 КОПА, ф.1, оп.16, д.6, с.18
 - 5 ЦГА КАССР, Р-131, оп.1, д.910, л.12
 - 6 ЦГА РСФСР, ф.259, д.156, л.71
 - 7 Слово мяс, видимо, восходит к мяисгэй как в бурятском языке, а в монгольском - муура, мягуй, мяй
 - 8 Знаком ъ обозначается редуцированный гласный

ТИПЫ ИНТОНАЦИЙ КАВКАЗСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

/Экспериментально-фонетическое исследование/

Усиленное развитие экспериментальных методов исследования речи обусловило возможность широкого изучения интонаций предложения. Если раньше /даже 10 лет тому назад/ рассматривались какие-то частные вопросы интонации на материале конкретных языков, то для работ последних лет характерно рассмотрение глобальных вопросов теории интонации таких, как является ли интонация языком, дискретны ли интонационные единицы, а также в последнее время стали оппонировать интонационную систему родственных языков /напр., работа Т.М.Николаевой "Фразовая интонация славянских языков"/. Но даже при таком интенсивном развитии интонационных исследований ключевые вопросы интонации, крайне необходимые при практическом описании системы интонации конкретных языков, остаются неразрешенными. Например, не ясно, на основании каких принципов выделяются типы интонации. Нередко авторы, занимавшиеся анализом интонации одного и того же языка, приходят к разным выводам, что свидетельствует о том, что они придерживались разных принципов, материал, на основании которого делались выводы, задачи и цели, которые они преследовали, различались. Так, на материале русского языка А.М.Пенковский выделял 22 типа интонации, А.Н.Гвоздев - 16, Е.А.Брызгунова - 7.

Несомненно, что интонационные единицы существуют; интонация располагает самостоятельными единицами и через их посредство передает определенные значения /сравним с системой фонем/. Раньше авторы по-разному имеют интонационные единицы, выделяют разное количество. Но несомненно, что почти во всех языках интонация играет большую функциональную роль при выражении законченности - незаконченности, вопроса и при выделении какого-нибудь из членов предложения. Авторы, использующие разные методы исследования, являющиеся представителями разных направлений, в общем единодушны в признании

функциональной роли интонации при выражении этих значений. Поскольку эти значения выражаются интонационно, то говорят об интонации завершенности, незавершенности, вопроса и выделения. Необходимость и возможность существования таких интонационных типов в каждом языке заложена в объективности интонации, ее понятности. "Интонационные типы — это такие устойчивые и обобщенные различия интонационных контуров, которые могут использоваться для выражения каких-либо функций интонации" /6, 35-36/. В качестве типов интонации были взяты интонация простого повествования, интонация вопроса, а также признаваемая, правда, не всеми исследователями особым интонационным типом интонация незавершенности. В материал вошли и предложения с выделением одного или нескольких из компонентов предложения. Весь материал составил 230 специально составленных автором предложений, различавшиеся по количеству звуков, фонетическому составу входящих в их состав слов, и содержащие потенциальную возможность реализации указанных типов интонации. Материал был записан от трех дикторов, представителей базовых говоров, говорящих без резких индивидуальных отличий. Факторами, побуждавшими дикторов реализовать тот или иной тип мелодики, явились структура предложения, знак препинания. Экспериментальной основой описания послужили данные, полученные при помощи автоматического выделителя основного тона /интонографа Н-102/. Затем с осциллограммы снимались показания параметров интонации: длительности, интенсивности, частоты основного тона. На основе абсолютных значений коррелятов интонации были получены относительные величины. Описание поведения компонентов интонации в относительных величинах отражает тенденцию в целом, отражает вариативность в пределах нормы, выявляет некоторые различия, связанные с индивидуальными дикторскими характеристиками. Для каждого предложения и каждого диктора были построены графики движения относительной частоты основного тона, относительной длительности и относительной интенсивности. Наблюдения за поведением компонентов интонации, которые проводились на графиках движения относительной частоты, интенсивности и длитель-

ности, позволяла сделать некоторые выводы относительно характеристик расследуемых типов интонации. Ниже будет изложен краткий очерк интонационных типов интонации кадыцкого языка.

Интонация завершенности. Этот тип интонации характеризуется восходяще-нисходящим рисунком. Мелодическое начало может иметь простое повышение , либо иметь восходяще-нисходящий рисунок: , но начальное повышение тона для завершенности обязательно. Движение интенсивности во фразе по данным всех дикторов всегда имеет понижающуюся картину. Вместе с тем некоторые наблюдения над движением интенсивности в кадыцком слове свидетельствуют о том, что в слове сохраняется тенденция обратного характера. Акцентная кривая слова не понижается, как это происходит во всех славянских языках, а наоборот повышается. Правда, в статье Л.К. Герасимович "К вопросу о характере ударения в монгольских языках" говорится, что в 50 % случаев интенсивность первого гласного в слове больше, но в остальных случаях "интенсивность первого либо равна, либо меньше интенсивности последующих гласных" /2, 135/. По нашим данным из 24 слов, записанных от трех дикторов, 77 % слов обнаруживает повышающуюся акцентную кривую / /. Остальные 23 % слов с понижающейся акцентной линией / / относятся ко второму диктору. Оказалось, что для первого и третьего дикторов - представителей дербетского говора - характерна повышающаяся акцентная кривая. У второго диктора в 58 % слов происходит понижение акцентной кривой / /, в остальных случаях также, как у первого и третьего дикторов, происходит повышение: . К сожалению, других данных об акцентной кривой кадыцкого, а также монгольского и бурятского слова обнаружить не удалось. Имеются некоторые сведения в экспериментально-фонетических работах по тюркским языкам. Так, А.Орусбаев отмечает: "Если для русского языка типично увеличение интенсивности гласного в направлении к началу слова, то для киргизского, напротив, характерно повышение интенсивности в направлении к концу слова" /5, 15/. Подобные сведения содержатся и в других работах тюркологов /1/. Не обобщая данные разных языков, заметим, что фразовая акцентная

длины кадышского языка понижаясь, т.е. вполне укладывается в рамки интонационных универсалий, что отмечает также для тюркских языков /4/. Замечание приводимое ниже относится к тюркскому материалу, однако полностью совпадает с нашими собственными наблюдениями: "...несопадение длины слова в линии фразы в тюркских языках ведет к интонационному подавлению слова в тюркской фразе — и — как естественный результат этого — к тому слабому ощущению словесного ударения во фразе, о котором говорится во всех пособиях по тюркологии" /3, 63/. Относительно длительности можно сказать в целом немного. На соотношение длительности звуков в предложении влияют многие факторы. Так, существует связь между длительностью звука и количеством звуков в предложении: чем больше длительность предложения, тем короче звуки и, наоборот, чем меньше длительность предложения тем больше длительность звука. Исследования закономерностей поведения параметров интонации в разных интонационных типах показали, что существует определенная связь между типом мелодики и длительностью звуков. По нашим данным, для завершенной интонации без выделения, как и для завершенной с выделением, характерна большая длительность звуков по сравнению с вопросительной и незавершенной интонацией. Кроме того, при завершенной интонации без выделения гласные конца предложения имеют большую длительность по сравнению с длительностью гласных начала предложения.

2. И н т о н а ц и я н е з а в е р ш е н н о с т и.

Данный тип интонации характеризуется восходяще-нисходящим рисунком с преобладанием восходящей ветви, в отличие от завершенности, также характеризующейся восходяще-нисходящим движением, но с преобладанием нисходящей ветви. В отличие же от вопросительной мелодики начало реализуется в более низких областях частотного диапазона, ниже линии средней индивидуальной частоты. Акцентная линия фразы понижаясь к концу. Относительная длительность гласных меньше, чем при завершенной интонации без выделения и особенно завершенной с выделением, причем гласные конца предложения имеют большую длительность, чем гласные начала.

3. **Интонация вопросительная.** Мелодическая кривая вопросительной интонации зависит от оформления вопроса. Собственно вопрос — о начальном и конечном центре — характеризуется общим восходящим рисунком в отличие от мелодики вопросительного предложения с вопросительным словом, для которого возможны как восходящая линия, так и восходяще-нисходящая, а также нисходящая. Для всех типов вопросительной мелодики характерно начало звучания ниже средней индивидуальной частоты. В целом вопросительная интонация реализуется в более высоких областях частотного диапазона. Мелодический максимум, как правило, соответствует последнему слогу /иногда предпоследнему слогу/ последнего слова фразы и находится выше линии средней максимальной частоты. В вопросительных предложениях с вопросительным словом мелодический максимум приходится, как правило, на один из гласных /чаще последний в многосложных словах/ вопросительного слова. Дальнейшее движение может быть равно-нисходящим, либо резко-нисходящим. Перепад в мелодике может быть значительный. Однако реализация этого вида вопроса может осуществляться и восходящей мелодикой, нарушая почти универсальную тенденцию реализации вопроса с вопросительным словом понижавшейся мелодикой, близкой к мелодике повествовательного предложения. В таких случаях максимум мелодики приходится, также как и при остальных способах оформления вопроса, на предпоследний, реже последний гласный последнего слова предложения. Мелодическая кривая в этой ситуации совпадает с кривой вопроса с вопросительным аффиксом, реализуемой в большинстве случаев восходящей мелодикой. Кривая интенсивности во всех типах вопроса понижавшаяся. Пик интенсивности может приходится на гласный /чаще на гласный второго слога в двусложных словах/ вопросительного слова. В остальных случаях — на один из гласных слов, расположенных ближе к началу предложения. Длительность гласных при вопросительной интонации меньше по сравнению с длительностью гласных во всех других интонационных типах. Гласные конца предложения имеют длительность большую, чем гласные начала предложения.

4. **Интонация выделенности.** Эффект выделенности создается, как правило, совместными действиями акустических параметров интонации. Однако наиболее активными из всех средств является длительность. Длительность гласного выделенного слова, как правило, в два, иногда в три раза превышает длительность этого же гласного без выделения при прочих равных условиях. Интенсивность гласного выделенного слова также резко повышается, превышая в два раза интенсивность того же гласного без выделения и, как правило, представляет максимум интенсивности в предложении. Общая акцентная линия фразы зависит, в основном, от положения выделенного слова в предложении; пик интенсивности во фразе, как правило, приходится на гласный выделенного слова /в основном, тенденция преобладания интенсивности второго гласного в двусложных словах/. Повышение мелодики на гласном выделенного слова происходит, но оно, как правило, незначительно. Общий мелодический рисунок этого типа интонации восходяще-нисходящий с преобладанием нисходящей ветви.

В заключении можно сказать, что исследование закономерностей поведения параметров интонации при разных типах интонации показало:

1. Калмыцкий язык располагает физическими возможностями различения анализируемых типов интонации /завершенной, незавершенной с выделением, незавершенной, вопросительной/.

2. Различия этих типов интонации наблюдаются последовательно по всем параметрам интонации: длительности, интенсивности, частоте основного тона.

3. Существуют различия между незавершенной и вопросительной мелодикой, хотя они противопоставляются друг другу не так четко, как каждый из этих типов противопоставлен завершенному типу. Частичное объяснение этому можно найти в том, что эти типы реализуются в разных единицах языка: вопрос — в предложении, или конечной синтагме предложения, незавершенность — в неконечной синтагме.

4. Констатируя факт отличия в мелодике для всех типов интонации, нельзя отрицать того, что наблюдается близость

мелодических характеристик для мелодики завершенности без выделения и мелодики завершенности с выделением с одной стороны и вопросительной и незавершенной с другой.

1. Байчура У.Ш. "Вопрос об акценте в турецком и инструментальные данные об ударении в других тюркских языках".- Вопросы тюркологии. Баку, 1971
2. Герасимович Л.К. "К вопросу о характере ударения в монгольском языке".- Вестник ЛГУ, № 14, выпуск 3, Л., 1970
3. Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977
4. Нурмуханова А.Н. "Об интонационных особенностях типов предложений в тюркских языках".- Ученые записки МГУИЯ, т.60, М., 1971
5. Орусбаев А. Киргизская акцентология. Опыт экспериментально-фонетического исследования ударения в слове и во фразе. АКД., М., 1971
6. Светозарова Н.Д. Характеристика основных мелодических типов интонаций немецкого языка. АКД., Л., 1970

СО Д Е Р Ж А Н И Е

М.Н.Орловская.	Функции соединительного деепри- частия в классическом монгольском языке	3
Э.В.Шевернина.	Функционально-семантическое зна- чение модальных частиц в монголь- ском языке	20
С.Л.Чариков.	Непроизводные наречия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках . . .	32
Н.К.Верба.	Монгольские письменные сочетания V+ <i>j</i> · <i>i</i> и их репрезентация в сов- ременных монгольских языках	40
А.А.Дарбеева.	Академик Б.Я.Владимирцов и проблема двуязычия	53
П.Ц.Биткеев.	Словесное ударение в калмыцком язы- ке и монгольском языке Тувы	65
Э.Ч.Бардаев.	Фитонимы в монгольских языках . . .	93
Д.А.Сусеева.	Производное слово и словообразова- тельное гнездо в калмыцком языке . .	109
С.М.Трофимова.	Русские предлоги с родительным па- дежом и их возможные эквиваленты в монгольских языках	128
Д.А.Павлов.	Почему мы так пишем	134
Есенова Т.С.	Типы интонации калмыцких предложений. /Экс- периментально-фонетическое исследование/	148

Вопросы грамматической системы монгольских языков.

Редакционная коллегия:

Биткеев П.Ц. /ответ.редактор/,
Босхаева Н.Б., Омадыкова Н.С.,
Чуматов В.О.

Калмыцкий научно-исследовательский институт
истории, филологии и экономики,
г.Элиста, ул. Революционная, 8.

Сдано в набор 8.05.80 г.

Подписано в печать 8.05.80 г.

Формат 60 x 90 I/16

Бумага типографская I

Усл.печ.л. 9,75

Уч.изд.л. 8,7

Тираж 500 экз.

Заказ 2789

К. К - 00655

Цена 85 коп.

Республиканская типография Управления по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Калмыцкой АССР,
г.Элиста, ул. Ленина, 245.

